

Дэлия Морр

Шаман

Глава 1. Падение вертолета

Смерть мне всегда казалась чем-то грандиозным, возвышенным и бесконечно далеким. В двадцать шесть лет, даже многого достигнув, все равно свято веришь, что вся жизнь впереди. Я родилась в золотом памперсе, как принято говорить в народе. Единственная дочь основателя строительной империи, карьеристка и трудоголик. Я отчаянно сражалась с желанием отца участвовать в моей судьбе. Но когда у меня почти получилось, вертолет, пролетая над сибирской тайгой, рухнул на землю где-то под Якутском. Смерть показалась мгновенной. Я выпала из кабины прямо в темноту.

Клянусь, никогда не было так больно. Не приготовившись терпеть, не контролируя себя, я выгнулась дугой и заорала. Глаза открыла, но что толку? Вокруг была все та же темнота и широкая тень с силуэтом человека прошептала:

— Тише, сейчас будет легче.

Я больше догадалась, чем увидела, что он воткнул шприц в катетер на моей руке и надавил на поршень. Боль не отступала. Даже мощные лекарства не действовали настолько быстро. От слабости я не могла пошевелить даже пальцем. Помню, как голова завалилась на бок и я снова отключилась.

Во сне стучали барабаны, голосом и тембром похожие на африканские. Я насчитала больше десятка от самых маленьких и визгливых до огромного монстра с густой и низкой вибрацией.

Бом, бом, бом.

Он докучал особенно сильно. Будто бы его поставили мне на темечко и с упорством долбили по мембране бейсбольной битой.

Бом, бом, бом.

Я не хотела просыпаться, меня заставили. Один из ударов пришелся по голове, и я открыла глаза. Из квадратного окна прожектором бил солнечный свет, но все углы маленькой комнаты оставались в тени. С декором и закосом под старину хозяева явно переборщили. Гигантские необработанные бревна, тряпки, висящие на гвоздях, какие-то деревянные кадки, пучки трав. Избушка Бабы Яги и её ростовая кукла на табурете возле меня. Просто чучело в перьях и косматой медвежьей шкуре.

— Эй! — я пыталась позвать на помощь, но поперхнулась и громко закашлялась, а чучело пошевелилось. Проклятье, как в комнате страха или фильме ужасов! Дебильный прикол, всегда его ненавидела. Нарядить актера в костюм и чтобы он вот так эффектно ожил. Я снова закричала:

— А-а-а!

— Стой, — застонало чудище, — тише.

Комом из перьев была птичья маска. Я по форме клюва не разбиралась, чья именно, но похожа на орла. Взгляд мужчины уж точно ей соответствовал. Цепкий, внимательный. Быстро актер проснулся, но я не понимала, зачем вообще сидел возле меня. Это шутка? Розыгрыш? Если я выжила после крушения вертолета, то почему лежала здесь, а не в больнице?

— Меня зовут Изга, — представился мужчина, — а тебя как?

Спрашивал, а сам раздевался. Медвежьей шкуру отнес в угол на стул, туда же положил темную куртку. Я думала, под гигантским костюмом окажется хлюпик, как принято у актеров, но разворот плеч и мускулы под тонкой льняной рубахой впечатляли. Причем это была именно рубаха с вышивкой, разрезом на плече и крошечной пуговицей у воротника-стойки. Настоящей древнерусский колорит.

Ага, катетер у меня в вене, обезболивающие препараты и совершенно непонятное «Изга» вместо имени.

— Ты по паспорту Изга? — хмуро спросила я. От слабости речь звучала, как у пьяной. А, может быть, я и была пьяной. Накачал меня этот псих в птичьей маске наркотой и теперь начнет издеваться, пользуясь беспомощным положением пленницы.

— Да, — подумав, ответил мужчина, — пожалуй, и по паспорту тоже.

— Это как?

Бред. Я слышала, что люди извращаются, меня нормальные имена на всякую дичь, но в паспортном столе тоже не дураки сидят. А фамилия, а отчество?

— Я — Извольский Георгий Александрович, — еще раз представился актер. — По паспорту. Если взять первые буквы, то получится «Изга».

— Ясно теперь.

Обычный фрик, которыми забит интернет. Они и в среде своей общаются по никнеймам, прожигают жизнь в тусовках и настолько далеки от реальности, что их становится жалко.

— Ты ролевик что ли? Реконструктор?

— Я — шаман, — коротко ответил мужчина.

О, господи, этого еще не хватало! Я схватилась бы за голову, если могла. Ряженный актер действительно оказался ряженным во всех смыслах. Фальшивкой. Шарлатаном. Ну, какой шаман в двадцать первом веке? Неужели еще кто-то верил в подобную дурь? Первобытным племенам эти товарищи морочили голову, успешно выполняя функцию религиозного лидера при светском вожде, но сейчас-то какие фокусы устраивали? Дождь не вызвать, на урожайность посевов танцем с бубном не повлиять. Зубную боль заговаривали? Злых духов прогоняли?

Кстати о боли. Судя по катетеру у меня в вене, духам врачевание Изга не доверил. Во-первых, большое за это спасибо, а во-вторых, сам же и признал, что никакой он не шаман, а дешевый клоун вроде тех, кто приходит на «Битву экстрасенсов». Антураж, кстати, прям оттуда. Даже маску не поленился сделать из чучела птицы. Эффектная, ничего не скажешь, я оценила.

— А где бубен?

— Здесь, — Изга невозмутимо показал пальцем на все тот же стул с медвежьей шкурой и я, приподнявшись на локтях, разглядела большой круг, неаккуратно обтянутый кожей и разрисованный в духе оголтелого примитивизма. Круги, полосы, треугольники. Все размашистое, яркое, цветное и бессмысленное.

— Ты куришь? — не очень вежливо спросила я прямо в лоб.

Ну, не мог нормальный человек в здравом уме и твердой памяти наряжаться в перья и плясать с бубном. Он явно употреблял что-то наркотическое. Я читала заметки о шаманах в интернете. С духами они разговаривали, входя в транс, а для этого ели галлюциногенные грибы. Торчал Изга на какой-нибудь дряни, как конченный наркоман. И я с ним одна черт знает где и в крайне ослабленном состоянии.

— Смотря что, — он хотел улыбнуться, но передумал. Только уголки губ вздрогнули. — Сигареты я бросил лет пять назад, а травку пробовал по молодости и больше к ней не притрагивался. А ты сама куришь? Если да, то извини, табака у меня нет, придется терпеть. И как тебя зовут ты так и не ответила.

— Ирина, — представилась я. — Значит, пьешь. Водку? Самогон?

— Спирт медицинский нюхаю иногда, — усмехнулся шаман, — вчера, например, когда тебе уколы делал. Следующим по логике идет вопрос про наркотики. Тоже нет. Не нюхаю, не ширяюсь, не втираю в десны и не закладываю за губу. Так что можешь не бояться.

— А в транс ты какходишь? — не унималась я. — Или просто так в бубен стучишь?

— А вот это я тебе уже рассказать не могу.

Изга резко помрачнел, будто лампочку выключили. Неуютно стало, что аж передернуло. Весь положительный эффект от «можешь не бояться» улетучился. Опасной тайной повеяло, и я вспомнила, что уже сочла его психом, когда очнулась. Уходить нужно отсюда. Я жива, а насколько здорова, пусть квалифицированные медики разбираются, а не чучело с бубном.

— Я не сказал тебе спасибо за спасение, извини, — пробормотала я. — В вертолете летела, он упал. Ничего больше не помню вплоть до того, как очнулась здесь. Как ты меня нашел?

Изга промолчал. Я видела, как порывался ответить, а потом плотно сжал губы. Что-то я глобально не то ляпнула, когда спросила про транс. Психов очень тяжело понять. В голове творится такое, что нормальный человек представить не может. Я ему про одно, а он выводы делает про десять совершенно несвязанных с вопросом вещей. Вплоть до того: «А где у тебя туалет?» — «Она хочет украсть мои трусы».

В туалет, кстати, хотелось. Я долго спала, и организм накопил лишнюю жидкость, от которой нужно избавиться. Но как теперь спрашивать?

Как вообще с ним разговаривать? Я привыкла к мужчинам-функциям рядом с собой. Мужчина-охранник, мужчина-носильщик, водитель, стилист, продажник, да хоть директор филиала. Общалась с ними исключительно по необходимости и давно не приглядывалась, что там за костюмами, свитерами, стеклами очков и окнами дорогих машин. Они все носили маски и, как дом из кирпичиков, состояли из одинаковых наборов стереотипов. Простые, плоские, примитивные. Каждого можно расписать во всех деталях и разложить на составляющие. И вот теперь, словно в насмешку, моя жизнь зависела от ходячего ребуса в медвежьей шкуре с птичьей головой.

— Я должна встать, — заявила ему, поставив перед фактом.

В конце концов, избушка маленькая, не заблужусь. Сама найду туалет, воду и свои вещи. И домой тоже доберусь сама. Вертолет упал в сибирской тайге, а не на другой планете. Здесь есть дороги, города и сотовая связь. А деньги, как обычно, решали очень многое. Даже если Изга обокрал меня, оставив без наличности, хватит одного звонка, чтобы через несколько часов сюда приехали люди отца с разборками. Ни один фрик не заставит Ирину Риман дрожать от страха.

Живот прорезала боль, стоило пошевелиться. Я скрючилась, как гусеница, и кое-как ухватилась за край кровати.

— Подожди, — шагнул ко мне Изга, — еще рано!

Да пошел он! Руки и ноги без переломов, открытых ран нет, а синяки и ссадины я переживу. Легко отделалась. Господи, что же тело так плохо слушается? Амебой стало. Я нервно отбросила одеяло в сторону и заметила на себе такую же льняную рубаху, как у шамана. Раздел, все-таки. Интересно, лапал похотливо, пока в отключке была, или поимел совесть?

— Ирина! — позвал он строго и схватил меня за плечо. — Ложись! Тебе нельзя...

Поздно. Я спустила ноги с кровати и встала. Босые ступни обжег холод, хоть на полу и лежали вязаные дорожки. Мгновение меня тошнило, и голова привыкала к вертикальному положению, а потом стало хуже. Я вывалилась из реальности и застряла где-то между обмороком и явью. Белый свет из окна залил комнату туманом. Вязким, противным. Он свернулся, как прокисшее молоко, и опал к ногам, а меня затрясло.

— Что это?! — простила я. — Что со мной?

Дрожь напала сразу на все тело и долбила судорогами. Пол ушел из-под ног, я клюнула носом обратно в кровать и зависла в воздухе. Ничего не чувствовала, плохо видела и слышала Изгу будто из другой комнаты.

— Ложись, я тебе сказал.

— Что происходит?!

Вместо крика — шепот. Я все так же барахталась в воздухе, а кровать двигалась на меня. Подушка ударила по лицу, одеяло обняло прохладой. Дрожь ослабла и я почувствовала, наконец, что все тело теперь мокрое от пота. В тяжелой льняной сорочке — особая пытка. Ткань не хотела впитывать воду, я лежала в луже.

— Это слабость, — тихо сказал шаман. — Она пройдет.

Во рту вмиг стало сухо, двигаться расхотелось. Я открыла рот и шумно дышала, пока не успокоилась. Страшно было, черт.

— Со мной никогда... так.

— Лежи, — повторил Изга, накрывая одеялом, — серьезных травм нет, но ты долго была без сознания. Нужно поесть. Я сделаю горячий чай и сварю кашу.

— Меня тошнит.

— Само собой. Но от завтрака станет легче.

Широкая тень шамана качнулась в сторону, и надо мной снова стало светло. И холодно почему-то. Туман в комнате казался разлитой по столу манкой. Я ненавидела её в детстве. Люто. Сейчас придет отец и начнет орать на няню, что она не накормила ребенка.

— Не надо, — прошептала я. — Не хочу.

Изга взял меня за руку. Не как друг, чтобы предложить помощь, а как врач. Обхватил пальцами запястье и считал пульс. Очень мягкое и нежное получилось прикосновение. Или у меня от слабости крыша поехала? «Хирург, — стучалась догадка в сознание. — Такие руки бывают только у хирургов». Или музыкантов. Художников.

— Ирина, — заговорил он, — тебе нужно отдохнуть. Я буду здесь недалеко. В избе нет кухни, я пойду в дом. Каша варится очень быстро, соскучиться по мне не успеешь. Не вставай больше, пожалуйста. Силы обязательно вернутся, нужно немного подождать.

— Почему так светло? — спросила я. — Все белое за окном.

— Это снег.

Хорошо, что снег. Правильно. В Москве слякоть и грязь, а ведь давно октябрь. Снег делал мир чистым. Я сказала «хорошо» и уснула.

Где-то там в пустоте опять не давал покоя банковский кредит. Мне упорно казалось, что Заваров специально резину тянет. Я даже видела его, наматывающим черную пряжу на руки. Как смолу. Сейчас она застынет и он не сможет освободиться. Пешка. Точно пешка. Кто-то другой всем заправлял. Я даже узнала кто, но, проснувшись, забыла.

В комнате стало жарче. Пахло, как в сауне. Нет, как в бане, которую топили дровами. Специфический аромат, ни с чем не спутаешь. Под толстым одеялом я совсем промокла. По груди катались капли воды и волосы прилипли к шее.

— Чай остыл, — сказал Изга и я, сощурившись, пыталась его разглядеть.

Шаман пододвинул к кровати табурет и переставил ближе ко мне пузатую кружку. Рядом в пиале лежала какая-то каша. Я не умела различать их по внешнему виду. Овсянка, кажется. Холодная и противная, как клейстер.

— Не хочу есть, — упрямо повторила я. — Тошнит.

Не вовремя он собрался поиграть в заботливого папочку. Я не доверяла ему и раздражалась, что не хочет слышать четко сформулированные желания. Между капризами ребенка и позицией взрослого есть принципиальная разница. Ребенка заставляют, потому что он не знает, как для него лучше. Я же в состоянии сама отвечать за свое здоровье и рацион питания. Овсянка? Seriously?

— Последний раз ты ела два дня назад, — нахмурился шаман, — слабость в том числе от голода. Учти, я могу накормить тебя внутривенно или через зонд...

— Ты врач? — перебила я. — Хирург?

Я плохо представляла медиков вне стен клиник, а хирургов за пределами операционной. Они ничем не отличались от остальных людей. Разве что выдавал цепкий взгляд, способность поставить диагноз, не сходя с места и специфический юмор. Он ведь пошутил на счет зонда? Так кормили анорексичек и психически больных в состоянии кататонического ступора. Я даже представлять не хотела, как Изга привяжет меня и начнет пихать в нос тонкую трубку, чтобы она дошла до желудка. Господи, какая гадость!

— У меня есть медицинское образование, — уклончиво ответил Изга, — и кое-какие навыки. Их хватит, чтобы не дать тебе умереть по глупости. Выбирай: или ты ешь сама, или я принимаю меры.

К концу фразы его тон стал жестким. Пугал. Точно пугал. Когда врачи всерьез собираются что-то делать, они наоборот стараются успокоить пациента. Хорошие врачи, конечно, что из себя представлял хирург с бубном, я не знала.

— Ты не посмеешь, — упрямо заявила я, но получилось, почему-то жалобно и плаксиво.

Я ненавидела мужчин, когда они начинали давить силой или авторитетом. Во мне просыпалась маленькая испуганная девочка, которую папа каждый день наказывал. И в ушах звенел его голос: «Ирина, ты сделаешь так, как я скажу».

— Нет! — повторила я и почувствовала, как возвращается дрожь. Ноги дергало и живот подвело. Тошнота стала нестерпимой. Я старалась дышать мелкими глотками, но отрыжка все равно полезла наружу. Два коротких, неприятных звука и я зажала рот рукой.

— Зараза, — прошептал шаман и потянулся рукой под кровать.

Пока я корчилась, он выдвинул кожаный саквояж. Еще большую древность, наверное, чем изба. С таким ходил доктор Айболит на иллюстрациях художников начала двадцатого века. Древность была покрыта пылью, пахла старостью, но из неё Изга достал одноразовый шприц в упаковке, пару перчаток и ампулу.

— Потерпи, — приказал мне, надел перчатки и начал деловито готовить инъекцию.

— Что это? — тошнота не проходила, но мне удавалось держаться.

— Церукал. Противорвотное средство. Дай руку, пожалуйста.

Шаман взял меня за предплечье и открыл крышку катетера. Лекарство вводил медленно и оно действительно помогло. Отрыжка прекратилась. Зато сразу же захотелось задавать вопросы:

— Если ты шаман, то почему не танцуешь с бубном, изгоняя злого духа боли?

— В тебе нет злых духов, — совершенно серьезно ответил Изга. — Только дрянной характер и плохое воспитание.

— И, тем не менее, — настаивала я, — шаманы ведь лечат людей?

Изга убрал использованный шприц в карман брюк, снял перчатки и посмотрел на меня исподлобья. Я никак не могла сложить его образ в голове. Калейдоскоп из суеверий, актерских замашек и настоящей пронизательности. Он словно издевался над здравым смыслом, держа в одном помещении маску из перьев и современные препараты в старом саквояже. Они настолько исключали друг друга, что я чувствовала себя душой.

— Да, лечат, — наконец, заговорил шаман, — и я тоже умею. Но, во-первых, силы мои не бесконечны, а, во-вторых, не все можно решить разговором с духами. Препараты иногда выручают.

— Тогда почему ты не отвез меня в больницу? — перешла я к главному вопросу.

— Снегоход сломался, а на санях я бы тебя до ближайшего ФАПа просто не довез. Мы в тайге, Ирина. Здесь нет километровых пробок, как в столице, но передвигаться из точки А в точку Б не намного легче.

— Можно вызвать МЧС с вертолетом. Найти другой снегоход, в конце концов. Я признательна тебе за помощь, но мне нужно домой.

— На ноги сначала встань, — отрезал шаман, — сейчас это важнее.

— Да что ты за человек? — не выдержала я. — Ты меня похитил? Выкуп хочешь? Почему я заперта здесь?

Он тоже умел дергаться. Я видела по тому, как сжались кулаки и вздулись мышцы под тонкой рубахой. Изга схватился за край кровати и заглянул мне в глаза:

— Потому что на тебе метка смерти, и я никак не могу её убрать! Только здесь в этой избе она бледнее, чем где либо. Вызовешь вертолет — и он снова не долетит до места. Кому ты мешаешь, Ирина? Кто решил тебя убрать?

Я судорожно вдохнула воздух, что еще оставался между нами. От гладко выбритых щек Изги пахло одеколоном. Древесно-шиповый аромат, насколько я могла различить. Калейдоскоп встряхнулся, картинка сломалась и теперь я точно ничего не понимала.

Просто вертолет, рядовая поездка. На вертолете, потому что быстрее. Рейсы Магадан-Москва расписаны на несколько месяцев вперед. Я заранее побеспокоилась о билете, но самолет сломался. Чертову летающую посудину не допустили до рейса. Нет, я обрадовалась, честно. Разбиться в мои планы не входило. Но когда выяснилось, что мне теперь никак не добраться домой, то пришла в ярость. Не летайте в Магадан. Богом забытое место. Частный самолет? Нет, не слышали. Поезд? О чем вы? Автомобиль — долго и рискованно. По морю только до Владивостока, и тоже долго. Мне предложили вертолет до Якутска. Я выдохнула и согласилась. Якутск — тоже дыра, но она ближе к Москве.

— Я случайно попала на тот вертолет, — облизнув сухие губы, призналась я. — Случайно, понимаешь? Мой рейс отменили, остальные варианты меня не устроили. Да отодвинься, пожалуйста, мне дышать сложно. Не было заказного убийства. Не организывают его так. Меня проще возле офиса в машине взорвать. Проще, быстрее и дешевле. Я верю в то, что чудом спаслась от смерти. В метку не верю, но понимаю, откуда она могла появиться в твоём воспалённом воображении. Ты устал, пока ухаживал за мной. Я бы тоже с ума сошла, оказавшись с тяжелораненым человеком на руках в таких условиях. У тебя стресс, Изга, густо замешанный на чувстве вины и тревоги. Да, я могла умереть, но сейчас все хорошо.

Он смотрел на меня так, будто впервые видел. Да, после всех нападков, вопросов про наркоту и психическое состояние, такое участие с моей стороны выглядело ложью или хитрым трюком. Но мне проще поверить в гиперопеку человека, назвавшегося шаманом, чем в то, что меня хотели убить. Мне уже нужно было поверить хоть в что-нибудь.

— Тебе плохо? — тихо спросил Изга. — Снова тошнит? Где болит? Покажи.

Он с беспардонностью врача в палате откинул с меня одеяло и мокрая сорочка, прилипшая к телу, мгновенно остыла. Ощущение такое, будто меня голую положили в снег.

— Гадство, — простонала я и застучала зубами. — Нет, не трогай!

За одеяло мы боролись не долго, Изга победил. Задрал на мне еще и сорочку, и я окончательно превратилась в желе от крупной дрожи, переходящей в мелкие судороги. Холодно же! Он шаман или садист? Зачем меня трогать? Ай, и давить пальцами в живот! Полный мочевого пузыря, успокоившийся, пока я спала, снова взрезало острой болью.

— Я сейчас лужу на кровати сделаю! Отпусти. Убери руки!

— Да, я уже понял.

— Где здесь туалет? Я пойду.

— Ты на ногах не стоишь. Упадешь по дороге, новую травму получишь. Лежи, я принесу ведро. Судна нет, извини, придется на ведро садиться. Я помогу тебе.

Я задохнулась от возмущения. Не думала, что такое книжное описание чувств случается в реальной жизни, но грудь сдавило всерьез. Я представила, как задираю сорочку на глазах постороннего мужика, оголяю тощий зад и плюхаюсь на ведро. Как горячая струя мочи бьет в днище с очень громким и характерным звуком. Барабанной дробью на всю избу. А запах какой будет в этом крошечном помещении? Уличный сортир отдыхает. Мне же здесь еще спать!

— Нет! — выдохнула я, схватив шамана за предплечье. — Я в туалет пойду. Никакого ведра.

— Ира, ты упадешь, — упрямо повторил он. — Там холодно. Минус двадцать. Ты одеваться будешь полчаса с твоей слабостью и точно обмочишься. Этого хочешь?

Меня передернуло так, что пришлось сжать ноги. Я с трудом подавила позыв, но остановить слова уже не могла.

— Запомни, клоун, я тебя подушкой ночью задушу, если ты посмеешь унижить меня поганым ведром. Отойди, я встану!

— Да вставай! — рывкнул он и качнулся назад.

Палка перегнулась и сломалась. Мужчина смотрел на меня зверем. Без шкуры и пернатой маски казался воплощением разгневанного лесного духа. Плевать. Я всю жизнь молча терпела, пока люди бесились, брызгали слюной и крыли меня матом. Так запал пролетал мимо, не трогая и не задерживаясь в памяти, а я была в ответ.

Встать во второй раз получилось лучше. Церукал качественно убрал тошноту, а злость придавала сил. Адреналин, наверное, выделился, я не знала всех механизмов, происходящих в организме, меня заботил только один. Естественный и плохо поддающийся контролю позыв исторгнуть из тела лишнюю жидкость. Потерплю. На гинекологическом УЗИ после литра выпитой воды тяжелее. Значит, дойду.

Где моя одежда? Черт! Джинсы — еще ладно, но норковое манто я шаману не прошу. Выкинул, что ли? Меня затрясло уже не от холода, а от избытка адреналина. Бешеные бабки отдала за меховую накидку. Впервые сердце кровью обливалось, и жаба давила. Как чувствовала, что про... гуляю. Так и вышло. Я добралась до вешалки с одеждой и уткнулась лицом в пропахший соляркой тулуп. Мне бы спросить у шамана из вежливости, можно ли взять его вещи, но господин Извольский высверливал мою спину взглядом. Доставал своей ненавистью до самых печенок. Желание расшаркиваться с ним пропало напрочь. Матом пошлет далеко-далеко, а я гордая и голая на мороз не хочу.

Слабость обкладывала тело ватой, ноги дрожали. Я с трудом сняла тяжеленный тулуп с гвоздя и завернулась в душную овчину. Потом не пахло, просто сыростью, но все равно затошнило. Упав плечом на стену, я снова вспомнила норковое манто, рухнувший вертолет и до меня вдруг дошло, в каком виде я могла достаться шаману после аварии. Через ту драную норку, как в мультфильме Простоквашино, в пору было вермишель отбрасывать. Если Изга ее выкинул, то и фиг с ней. Сумку жалко. Там документы, банковские карты, телефон, в конце концов. Висит моя Furla где-нибудь на макушке сосны и от ветра качается. Совсем, как я.

Дверь близко, но я не дотянулась. Как старое дерево, завалилась вперед и рухнула на пол.

— Дура! — глухо бахнул над головой крик шамана. — Идиотка!

Из темноты меня снова вытащили его руки, а по ногам пронесся сквозняк из открытой двери.

Глава 2. Метка

Наградили духи соседкой! Специально выбирали, чтобы была, как можно дальше по мозгам и взглядам на жизнь? Четко на другом полюсе. Не захочешь, взвоешь от злости и раздражения. Это испытание, да. Очередное заковыристое и обязательное к исполнению задание.

Изга обул Ирину, нахлобучил на ее голову шапку и поднял девушку на руки. На улицу вынес, стараясь не ударить ногами об косяк. Про себя забыл и стукнулся лбом о низкую притолоку. Звонко получилось, больно.

— А-а-ай.

Ни одного мата, хотя вспомнились многие. Мороз радостно укусил за уши, снег захрустел под обрезанными валенками. Логично было бы донести Ирину до теплого дома со всеми благами цивилизации, но как же воспитательный эффект? Барышня пожелала обморозить зад в уличном туалете. Зачем ей мешать? Заодно почувствует, что такое минус двадцать и хотя бы на пару часов забудет о побеге.

— Поставь меня, я дойду, — слабо возмутилась она.

— Угу, — выдохнул шаман и слегка подбросил ее, чтобы перехватить поудобнее. Сползала. Легкая девушка. Бараний вес, как говорили раньше. Но в бесформенном тулупе ее просто неудобно держать. А забросить на плечо мысли не возникло. Взоет от боли. В таком шоке была после пробуждения, что послеоперационного шва на животе не заметила. Не стоит сообщать о нем таким образом.

Еще два шага и шаман носком валенка поддел дверь в сарай. Направо дровяник с угляркой, налево за перегородкой туалет. Внутри сколоченная из досок тумба, а на ней кусок пенопласта, вырезанный под размер дыры. Сильно гостя не обморозится. Да и падать там некуда.

— Осторожнее, — предупредил Изга, поставив Ирину на пол. Ветер не дул, но теплее от этого в сарае не стало. Температура та же, что «за бортом». — Не закрывайся.

— Да пошел ты.

— Это ты сейчас у меня пойдешь, — рявкнул он, дернув за ручку хлипкую дверь. — На все, что успела себе представить. Не закрывайся, я сказал. Я-то щеколду с мясом вырву, а ты...

— Ладно, — перебила она, повернувшись спиной и распахнув тулуп. — Не смотри хотя бы.

Изга дверь прикрыл и отвернулся. Давно так не дергался. Не вспыхивал яростью по любому поводу. Хотелось думать, что духи откат брали негативными эмоциями, но, скорее всего, они не очень-то причем. Сам выходил из себя. Метка, как приклеенная, висела перед глазами. Даже сейчас, когда мельком взглянул на Ирину, заметил, что ярче стала. Из избы вышли. Что в ней такого? Место, лекарства? Или, может быть, амулеты? Какие именно помогали отодвигать смерть от девушки? В избе их сорок три. Бесконечное количество вариантов. Какой-то один, два, три, все вместе? Ни за что не догадаться. Головой о стену сарая хотелось биться. Здоровенная метка. Как клеймо. Не видел раньше таких и не знал, что с ними делать. Узор странный. Вообще ни на что не похожий.

— Ты все? — спросил Изга, когда шуршание бумаги и возня в туалете стихли. — Выходи, пойдем обратно.

Ирину колотило от холода. Она морщилась и скрипела зубами. Уже не сопротивлялась, когда крепко обнял и подхватил, как пушинку.

— Одеколон у тебя резкий, — пробормотала девушка, уткнувшись в щеку замерзшим носом. — Пахнет отвратительно.

— Чем именно?

— Не знаю. Гадостью.

Изга нервно рассмеялся и пошел обратно, загребая валенками снег. Можно, конечно, по одному выносить амулеты из избы и смотреть, как меняется метка. Поэкспериментировать. Можно даже вероятность положительного результата рассчитать, и за сколько действий он будет достигнут. Зачем? Мозги размять, отвлечься. Красотой полученной формулы полюбоваться. Это ничего не даст, но хотя бы нервы успокоит.

Ирина хотела отмахнуться словами о стрессе, но нечаянно попала в цель. Он действительно за двое суток какой только вины за собой не чувствовал. И за то, что не сразу бросился искать упавший вертолет, и за то, что потащил домой, а не в деревню. Сам операцию сделал, селезенку удалил. Всю первую ночь держал Ирину за руку, а потом за бубен взялся.

Эрлик давно грозился двери у него перед носом закрыть. Столько душ не дал забрать в мир теней. В неоплатном долгу Изга перед его хозяином. Эрлик лично обещал встретить на том берегу, когда шаману придет время умирать. Нельзя просить за тех, кому метку поставили. Свою жизнь можно за чужую отдать. Изга не знал, почему так вцепился в Ирину. Ни разумом, ни чувствами не мог объяснить. Испытание послали духи и, как обычно, подсказок не оставили. Что от него хотела Вселенная? Что он должен сделать? Как разрубить завязавшийся узел? Нет вопросов сложнее, но на них придется найти ответы.

— Ты должна поесть, — твердо сказал Изга, переступив порог избы. — Кашу сейчас на печке подогрею и чай тебе сделаю.

— Хорошо, — дробно стуча зубами, согласилась она.

Переодеть бы еще и постель поменять. Жарко в избе. Больше не нужно топить.

Туалет, конечно, феноменальный. От горячего дыхания на стенах выросла ледяная шуба. Белая, пушистая. Я поскребла ее ногтем и посмотрела, как снежинки падают на держатель для туалетной бумаги. Уборная Снежной королевы. Бюджетный вариант. Но куда сильнее меня отрезвил вид пластыря-повязки на животе и синяки вокруг него. Я не решилась трогать заклеенную рану, да и сделать свои дела торопилась, но как только шаман принес меня в избу, снова вспомнила.

— У меня дыра в животе?

Изга снял с меня остывший на морозе тулуп, завернул в телогрейку и оставил сидеть на стуле. Я раскорячилась там, как морская звезда, и думала, как тяжело удержать круглую голову на горизонтальной поверхности стены. Все равно, что поставить яйцо на стол. Не положить, а именно поставить хотя бы на тупой конец. Невозможно. Голова все время пыталась куда-то укатиться.

— Изга, — слабым голосом позвала я. — Не молчи, когда я с тобой разговариваю. Пожалуйста.

Плохо мне. Сейчас отключусь и не пойму, в реальности все происходит или во сне.

— У тебя там шов, — отозвался шаман, застывая кровать свежей простыней. — Ровный, хирургический. Тупая травма живота была, внутреннее кровотечение. Без срочной операции ты могла умереть. Я нашел причину кровотечения. Множественные разрывы селезенки. Орган пришлось удалить.

Еще двадцать минут назад я бы подняла крик и потребовала объяснений. Но посмотрев на избу снаружи, высоченные сосны, промерзший насквозь туалет я вдруг осознала на всю глубину мысли, каким чудом осталась жива. Невозможным, невероятным, необъяснимым чудом. Рассказывала недавно шаману о случайностях. Вероятности хотела приплести. Учила формулы в институте. А потом надолго зависла над вопросом: «Какова вероятность, что меня с такой травмой посреди тайги нашел единственный на сотни километров хирург?»

Я скатилась головой в угол и закрыла глаза. Голливуд щедро пичкал нас фильмами о спасениях в последнюю секунду. Мы привыкли к ним, считали чем-то обыденным.

Должным. Обязательным. Мы жили, не думая о смерти. Зачем о ней думать, если она далеко? В глубокой старости, лет после ста. Или ее вовсе нет. Как в песне Сплина: «Смерть — это то, что бывает с другими». Мы все такие ловкие и продуманные в бизнесе, отношениях, а со смертью вот так. Никак.

Вот и я ничего не поняла, когда открыла глаза. Мир тот же, законы те же, воздух, запахи, звуки, а я другая. Уже не совсем целая, не очень здоровая, но все еще живая. Не поняла, не оценила. Сказала ли хоть «спасибо»? Сказала. Машинально, на автомате, не прочувствовав до конца, что для меня сделали. Но главное, что Изга услышал. Шаман-хирург. Ну, надо же.

— И что теперь? — спросила я, когда его тень загородила мне свет из окна.

— Я расскажу, а ты ляжешь и послушаешь.

Он так легко поднимал меня на руки, что появлялся еще десяток не очень нужных и своевременных мыслей. Сильный мужчина, привык носить тяжести. Ни пыхтел, ни стонал, ни чувствовал вообще никакого дискомфорта. Словно я — ваза, и меня нужно переставить с места на место. В офисе бутылку воды в кулере поменять не допросишься. Девятнадцать литров, девятнадцать килограмм и все мужчины сразу резко больные и немощные. А во мне две с половиной таких бутылки. И ни слова я от Изги не услышала. Почему он заботился обо мне?

— Рубашка мокрая, — проворчал он, распахнув на мне телогрейку. — Снимай, сухую нужно надеть.

А я голая под рубашкой. Грудь такая, что не стыдно показать, да и видел он меня всю, раз оперировал, но стыд никуда не делся. Жаль, сил не осталось на полноценное «я сама», поэтому я вцепилась в ворот сорочки и выцедила сквозь зубы:

— В мокрой полежу. На мне высохнет.

— Не проняло, что ли? — проворчал Изга. — Тебя еще раз на мороз вынести? Значит, так. Рекомендация номер раз. Никаких переохлаждений. Удаленная селезенка была частью лимфатической системы. Иммуитет у тебя резко снижен, болеть сейчас нельзя. Раздевайся, Ирина.

— Ты смотреть будешь, — пробормотала я, усмехаясь от похабности собственных мыслей. — А у меня соски от холода затвердели. Не выдержишь еще такой эротичной картины, набросишься.

Идиотская речь, максимально дебильная. Все медики раздражались до крика, когда их подозревали во влечении к пациентам противоположного пола. Дурость. Фантазии недотраханного организма, не бывает так. Мы для них — не люди. Неодушевленные предметы, вроде кувшина в натюрморте для художника. Они нас лечат, а не разглядывают. Но у меня от нервов крыша ехала. Я улыбалась, не выпуская из кулака ворот сорочки. Гомерического хохота на всю избу не вышло только потому, что живот болел. Кашель и смех мне тоже противопоказаны.

Изга промолчал. Пропустил мимо ушей неуместный намек, мою полную неадекватность и очередную сцену с упрямством. Я уже мысленно готовилась, что просто плюнет на меня и уйдет. Мужчины так делают. Машут рукой: «Да и черт с тобой», а потом исчезают. Перестают бороться. Надоедает им. Я иногда пользовалась этим по работе и сейчас заметила, что съехала на любимые рельсы. Нет, зря. Нельзя так. Вот зачем я его довожу? Что со мной происходит? Только что все осознала, прокрутила в голове, и снова бесы дергали за язык.

— Извини...

— Это лён, — не стал слушать Изга. — Плотный материал, много воды впитал. Он не высохнет на твоём теле. Ты себя-то согреть не сможешь. Худая, слабая. Я понимаю, что ты стесняешься. Первый раз меня видишь, не знаешь, где находишься, что происходит. Подозреваешь меня черте в чем. Нет, я не маньяк и не псих, я действительно пытаюсь помочь. Мало объясняю, потому что не время еще. Тебе после травмы и операции постельный режим нужен и полный покой. Давай договоримся. Все, что касается твоего

здоровья и бытовых моментов — моя забота. Окрепнешь, встанешь на ноги — будем думать, что дальше делать. Я сейчас даже снегоход не могу починить, потому что тебя боюсь одну оставить. Помоги мне, Ирина. Пожалуйста. Довольно упрямства.

— Хорошо, — тихо ответила я и потянула сорочку вверх.

Сама раздеться не смогла, мокрая ткань застряла на плечах. Пока возилась с ней, так устала, что было уже все равно, в каком виде предстала перед шаманом. Он расправил на мне сухую сорочку и ушел к печке за чашкой с кашей.

Ирина ела молча. Послушно и сосредоточенно вычерпывала кашу из тарелки и аккуратно снимала ее с ложки губами, чтобы не испачкаться. Даже полулежа в кровати, прижимала локти к бокам и выглядела, как примерная папина дочка. Ошибся Изга, когда пенял ей на воспитание. Его-то как раз было через край. Оно проскальзывало в каждой мелочи и не давало больной Ирине наплевать на себя. Она стыдилась сходить в туалет, раздеться. Постоянно поправляла пряди волос, будто без расчески они могли лежать ровнее, и терла пальцами лицо. Вдруг грязь? Нельзя. Должна быть безупречной во всем. Как папа говорил.

Изга, танцуя с бубном и разговаривая с духами, видел ее отца, удушливым красным облаком нависшего над головой. Жесткий мужчина, властный. У многих детей тесная связь с родителями, но редко вот такая. Строгий хозяин дворовой собаки или купленной в магазине куклы, а не отец.

— Чай, — напомнил шаман, подавая кружку и забирая тарелку. — Осторожно, горячий.

— Что за марка? Пахнет странно.

Изга улыбнулся в ответ. Правы были столпы восточной медицины, когда делили людей по конституции на ветер, желчь и слизь. «Воздушная девочка». Постоянно о запахах говорила. Легкая, тощая, нервная. Дефицит веса с рождения, аппетита нет. И папа через маму постоянно пытался накормить. Насильно. Кашей, чем же еще? Вот и шарахалась Ирина от овсянки.

— Обычный чай. Дешевый. Я туда мяту добавил и замороженную бруснику.

— А сахар? Кислятина же. Или ты из тех, кто сахар в чай принципиально не кладет, чтобы букет не испортить?

Очень строгий и злой папа. Вечно всем недовольный. Ирина не понимала, что копирует его. Это сложно осознать.

— Лучше мед, чем сахар, но я не рискнул. Вдруг у тебя на него аллергия? Нам сейчас анафилактический шок совсем не в строчку.

— Я нормально ем мед. Без проблем.

— Хорошо, — согласился шаман и забрал пустую кружку.

Сейчас Ирине станет тепло, нервное напряжение уйдет, и глаза закроются. Изга добавил мяту в чай ради этого, а бруснику вместо антибиотика. Лекарство тоже было, лежало в саквояже на всякий случай вместе с хирургическими инструментами. Но раз метка бледнела в избе, то здесь лучше обходиться народными средствами. Слишком далеко современная фармакология ушла от природы, сбивала тонкие настройки организма и мешала шаманским амулетам работать. Операция — другое дело. Внутреннее кровотечение брусникой не остановить. Там без вариантов. Но поддержать вмиг ослабший иммунитет можно и без радикальных методов.

Жаль, не все деревенские понимали эти нюансы. У якутов лица вытягивались от удивления, когда шаман вместо трав выписывал сильнодействующие антибиотики или отправлял в город на лечение. «А как же духи?» Изга в этот момент представлял миллионы духов, сотни миров с их сложнейшими связями и мысленно хватался за голову. Жизнь потратит, не объяснит. Поэтому отвечал проще: «Они помогут. В дороге».

Наша жизнь в наших руках. Духам плевать. Смерть — естественный итог, зачем ее отодвигать? Шаман Изга соглашался с ними. Хирург Извольский не мог. Его учили по-

другому. Они часто спорили и редко договаривались друг с другом. В итоге получались неправильный шаман и неправильный хирург.

Ирина уснула. Хмурая складка на переносице еще не разгладилась, больно было, но щеки порозовели. Можно оставить хотя бы на полчаса. Пусть отдыхает. Изга забрал саквояж из-под кровати и пошел в дом. Подумав, бубен решил туда-сюда не носить. Он быстро вернется, их связи это не повредит. Забавно, но он уже представлял, как недовольно фыркнет Ирина, услышав, о чем беспокоится взрослый и признанный психически здоровым мужчина. «Связь с бубном ослабевает, духи решают, что их бросили и обидятся». Ага, так и есть.

Сложно им будет вдвоем. Очень сложно.

По меркам города дом от избы стоял в соседнем квартале. Изга намеренно разделял два жилища. В одном разговаривал с духами, в другом спал, ел и пользовался благами цивилизации. Так с одной стороны правильно, а с другой удобно. Амулеты не выносили современную технику. Буквально разряжались рядом с включенным сотовым телефоном. Можно было жить настоящим затворником без связи с внешним миром, как и положено шаману, но Изга, промучившись год, отказался от сомнительного удовольствия полного единения с природой.

Частичное оставил. Носил одежду из натуральных материалов, тщательно выбирал продукты, а все искусственное, химическое аккуратно сложил в одном месте. Подальше от избы.

Свежо на улице, морозно. Солнце едва поднималось над горизонтом, но ветер уже не перетаскивал с сугроба на сугроб пригоршни снега. Успокоился буран. Всю позавчерашнюю работу загубил. Изга только тропинку прочистил и снова утопал по колено. В деревню рваться бессмысленно. Замело дорогу. Это неплохо, учитывая, что и к нему никто не приедет. Даже если руководители столичной поисковой группы спросят у местного участкового, не живет ли кто-нибудь поблизости от места крушения вертолета. Точно не живет? «Живет, но до него не добраться. На всех снегоходов не хватит. Горючка опять же, деньги».

Последнее особенно беспокоило. Тело Ирины на месте крушения не найдут. Ее вещи тоже. Сумка с телефоном и документами лежала у шамана в шкафу под замком. У тех, кто до сих пор мечтал убить девушку, появятся вопросы. Они предложат за ответы так много денег, что кто-нибудь из деревенских дрогнет. Желание обеспечить семью или жажда разбогатеть перевесят уважение к шаману и негласное правило, что его, как святыню, трогать нельзя. Когда ждать гостей? Два дня прошло, тишина пока.

Дом шамана стоял на крепком фундаменте. Земля в Якутии, в отличие от столицы, промерзала почти на метр. Вода в дом заходила глубоко в подвале и оттуда же уходила в сливную яму. Обычный не клееный и не калиброванный брус. Не до красоты. Несколько слоев утеплителя, защита от ветра, влаги и вентилируемый фасад. Жил шаман, как буржуй. А все ради того, чтобы не мерзнуть зимой и не тратить при этом бешеные деньги на отопление. Дом успел остыть, кстати, нужно подбросить угля в котел.

Изга прошел через холодные сенцы и разделся в теплой прихожей. Из ванной комнаты на первом этаже доносился шум работающей стиральной машины. Свет в коридоре включился от сработавшего датчика движения. В деревенских домах еще и телевизор постоянно работал, но шаман его не любил. Пустое занятие. Новости можно с планшета почитать, а развлечения у него давно специфические. Из последних — теория вероятности.

— Прости, Ирина, — пробормотал шаман, доставая из шкафа ее сумку. — Я не знаю, как снять метку, поэтому буду хвататься за любую мелочь.

Папа. Удушливое красное облако метку смерти старательно огибало, подчеркивая, что не имеет к ней отношение, но других настолько ярких фигур в окружении Ирины не было. Изга достал из внутреннего кармана паспорт и открыл страницу с фотографией.

Риман Ирина Карловна, тысяча девятьсот девяностого года рождения. Прописка московская, единственный штамп на странице. Не замужем, детей нет. На фотографии с короткими светлыми волосами. Сейчас они длинные и окрашены в темно-красный цвет.

В обложке паспорта нашелся СНИЛС и полис ОМС. Примечательно, что там же лежала пластиковая карточка платной медицинской страховки. Продуманная девушка. Обеспечила себя медпомощью на все случаи жизни, а в итоге она ей понадобилась посреди тайги, куда смог добраться только шаман на снегоходе. Вселенная — дама ироничная.

Банковских карточек в кожаной визитнице Изга насчитал семь. Все действующие. Годовой абонемент в фитнес-клуб, скидки в магазины косметики, контакты адвокатов, банкиров, директоров строительных компаний. Никого с фамилией Риман. Отдельно небольшая стопка с визитками самой Ирины. Ведущий менеджер по развитию регионов строительного холдинга «Альянс». Уже что-то. Шаман разблокировал экран планшета и забил название в строчку поисковика. Интернет еле-еле шевелился. Как он появился в такой глухомани — отдельная история. Официальный сайт «Альянса», наконец, открылся. Да. Есть. Риман Карл Федорович. Генеральный директор. Отец Ирины.

Фото маленькое, толком не разглядеть, а через компьютер почувствовать энергетику невозможно. Шаман сам не знал, что ищет. Какую-нибудь мелочь. Духи, выдавая испытания, всегда оставляли подсказки. Если не в списке построенных объектов, то во вкладке «Партнеры». Ага! «ТФК-групп» и ставшая такой знакомой фамилия Конт. Разрозненные части мозаики аккуратно поворачивались, но складываться в понятную картину не спешили. Изга взял телефон и набрал смс:

«Сергей, добрый день. Занят? Тебя имя Карл Риман о чем-нибудь говорит?»

Нажал на кнопку «отправить» и сел ждать ответ.

«Привет, — зажглось сообщение на экране. — Говорит. Позвоню?»

Шаман встал к окну, откуда с этой стороны дома лучше просматривалась вышка сотовой связи, и сам набрал номер. В столице глубокая ночь. Или младший Конт уехал с женой к ее родителям, или по какой-то причине не спит.

— Как жизнь отшельническая? — бодро заговорил Сергей в трубку. — Как дела?

— Лучше всех, — улыбнулся Изга, забывая, что собеседник его не видит. — Сам как? Дочь растет?

— Растет, куда она денется. Зубы у нас режутся. То еще мероприятие с обязательной ночной побудкой. Карл Риман, значит? Тебя ведь живой Риман интересует? Не математик?

— Того Римана звали Бернхард, а моего Карл, — уточнил шаман. — Да, директор строительного холдинга «Альянс».

— Мне казалось, что Карл, — задумчиво пробормотал Сергей. — Надо больше спать. Так вот. Особо я тебе о Римане не расскажу, с ним отец работает. Мы виделись пару раз на каких-то общих мероприятиях. Мужик, конечно, интересный. С прибабахами. Но в бизнесе давно и один из немногих, кто в состоянии освоить по-настоящему крупные площадки с комплексной застройкой.

— А что за прибабахи? — перебил Изга. — Серьезные?

— Ну, как тебе сказать? — Сергей развеселился. — Полы он коллекционирует из ценных пород дерева. Ну, пол. Ты по нему ногами ходишь. В центральном офисе верхние этажи с топ-менеджментом выложены крайне фильдеперсовым паркетом. Отец приезжал к нему по каким-то общим вопросам, так он заставил его разуться и ходить в носках.

Изга поскреб бровь мизинцем и усмехнулся. Представлять не хотелось, какой военный порядок царил в доме Ирины. Но излишняя педантичность и чистоплотность — не преступление. Раздражает изрядно, да и все.

— А с дочерью его ты знаком?

Может быть, отсюда тянулась ниточка? Сергей Конт полтора года назад женился на девушке-медиуме. Банкир, крупный бизнесмен и вдруг простая студентка с даром слышать голоса духов. Изга сплел для нее амулет и подсказал несколько важных

мелочей.

— Нет, не знаком, — ответил Конт и ниточка оборвалась. Жаль. — Риман на тебя вышел? Работу предлагает? Что-то с дочерью?

Затылок кольнуло знакомой болью. Духи нетерпеливо скреблись и изо всех сил старались обратить на себя внимание. Сейчас-сейчас, он уже сам понял.

— Сергей, если ты что-то знаешь, говори. Любой слух. Даже самый бредовый.

— Да нет никаких слухов, — Конт тоже что-то почувствовал и заговорил тише. — Я подумал, что раз ты спрашиваешь, значит, не просто так. У тебя вообще ничего просто так не бывает. Но я понял тебя. Узнаю. Поспрашиваю аккуратно и перезвоню. Изга, ты можешь не признаваться. Я вам с Натальей не мешаю и тайны ваши обхожу стороной. Здоровее головой буду. Но если у тебя что-нибудь случится. Не важно: мелочь, ерунда, «само рассосется», звони мне. Я все брошу и приеду. Намекни только наскольколюдно, конно и оружно. Армию не обещаю, но маленький отряд, вооруженный до зубов, организовать смогу.

Затылок ломило. Боль превратилась в шуруп и ввинчивалась в череп. Знаки всегда приходили так, чтобы их можно было расшифровать. Если шаман игнорировал мертвую ворону, попавшуюся на пути, то следом встречал сбитую машиной собаку. Снова мимо сознания? Хорошо, будет лошадь. Наполовину обглоданный волками труп, неизвестно как оказавшийся в яме у выезда на трассу. Сейчас посыл казался однозначным.

— Спасибо, Сергей, — ответил шаман, морщась от боли. — Я позвоню. Отряда будет достаточно.

Боль прекратилась, темные круги перед глазами исчезли.

— Хорошо, — глухо сказал Конт. — Давай так договоримся. Не сможешь позвонить — пришли текстом хоть что-нибудь. Любую ересь, не относящуюся к делу. И я рвану к тебе.

Изга снова поблагодарил и попрощался. Вот и узнал подробности. Навел справки. Жаль, нельзя на расстоянии посмотреть, не появилась ли на Сергее метка смерти? И на всех членах отряда. Себя шаман не видел.

В избе было тихо, как в реанимации. Я один раз лежала там после несложной диагностической процедуры под общей анестезией. Проснулась, полчаса хлопала глазами и пошла в общую палату одеваться. «В полости матки нет никаких проблем. — То есть, вы не знаете, почему я бесплодна? — Видимых причин нет. В таких случаях мы советуем обратиться к психологу. Возможно, он найдет причину».

Я здорова, а детей нет. Тут не захочешь, станешь трудоголиком и чайлдфри, живущим только для себя. Работа, работа. Вожденная карьера, стимул состояться, как личность, а не заикливаться на борщах, детях и грязных носках, разбросанных по квартире. Отпуск два раза в год. Каждый раз новая страна. Солнце, пальмы, океан. Не жизнь, а мечта в аккаунте социальной сети с миллионом подписчиков. Для полного счастья не хватало маленькой собачки с богатой родословной. Или кошечки. Чтобы разбавлять фотографиями их умильных мордочек инстаграм с солнцем, пальмами, океаном. Но заводить для собаки отдельную няньку не хотелось. Я хронически забывала кормить даже единственную рыбку в аквариуме. Зачем мне дети?

Работа держала крепко. Изга сказал, я два дня у него. Значит, сейчас понедельник. Вечер или день, никак не понять. Утреннее совещание прошло без меня. Что решили по кредиту? Что сказал Заваров? Я выпала из рабочего ритма и чувствовала себя китом, нелепо сгорбившимся на песчаном берегу. Ежедневник остался в сумке. Там график, расписанный по часам. Встречи, совещания, важные этапы глобального плана. Тайм-менеджмент, лайф-менеджмент, советы, методики, челенджи, полезные привычки. Развлечения для тех, кто строит себя. С нуля или с отправной точки — не важно. Себя и только себя. Я нагородила целый город с воздушными замками, и куда все делось?

Рухнуло вместе с вертолетом. Застряло в сибирской тайге. Прошло два дня, и обо мне никто не вспомнил. Всего лишь два дня, и я никому не нужна. Ирина Риман — мыльный пузырь, надутый из самомнения. Классический пшик.

Солнце закатилось за избу, протянув за собой длинные тени из окна. Бледное солнце, зимнее. Снега вокруг столько, сколько уже не бывало в столице. Тайга, глухомань. Та самая дыра, куда отец угрожал меня засунуть после каждой неудачи. Не пришлось стараться. Я сама сюда угодила. И уже не хотелось выбираться. Якутск — далеко, но не на другой планете. Если меня до сих пор не нашли, значит, не очень-то и хотели. Кто ждал меня дома? Рыбка в аквариуме? Исписанные ежедневники, не распакованные после отпуска чемоданы, пыль на шкафах. Зачем возвращаться? Чтобы залезть обратно в колесо и бежать, бежать по кругу, оставаясь на месте? Снова верить в иллюзию нужности и незаменимости? Теперь я знала цену иллюзий. Величину отцовской любви. Ценность себя, как специалиста. Как человека. Зря шаман меня спас. Лучше бы оставил в вертолете.

Деревянная дверь разбухла от сырости и цепляла полотном косяк. Изга каждый раз открывал и закрывал ее с невообразимым хрустом, а я пугалась. Сейчас вздрогнула так, что живот заболел. Я ведь еще и без селезенки осталась. Побитая, больная, никому не нужная.

— Как самочувствие? — бодро спросил шаман, спиной вваливаясь в комнату. В руках он держал металлическую кастрюлю. — Сейчас обедать будем, я суп сварил.

— Из моей удаленной селезенки? — мрачно пошутила я. — А что такое? Мясо же.

Было забавно наблюдать, как он меняется в лице после моих выпадов. Я продолжала срывать на нем злость, но теперь к ней добавилось разочарование. Не получилось придумать для себя идеальную жизнь, а что делать в реальной я не знала. Куда я пойду без денег и без документов? Шаману я крупно задолжала за жилье, лекарство и еду. Чем рассчитываться буду?

«Телом», — мелькнула логичная мысль, но я усмехнулась. Так себе товар. Не первой свежести. Уже порезанный и зашитый.

— Суп из телятины, — невозмутимо ответил шаман. — Бульон из мяса на ребрах, картофель, лук и немного моркови. Я приготовил то, что тебе можно после операции. Будешь есть?

— Буду, — ответила я и попыталась сесть в кровати.

Не получилось с первого раза. Изга поставил кастрюлю на печку и бросился помочь. После сна голова уже так сильно не кружилась, но стоило напрячь мышцы живота, как я зажмурилась от боли.

— Черт! А уколи меня еще раз. Ну, чем ты там колол, пока я в бреду была?

— А ты помнишь? — удивился Изга.

— Нет, — я решила не врать и не набивать себе цену. Приятно быть стойкой духом, но сегодня я устала. — Не помню. Урывками все, будто приснилось. Катетер мешает. Если не будешь колоть, то убери его.

— Давай оставим пока, — пробормотал шаман. — Вдруг пригодится. Я унес саквояж, сейчас принесу обратно. Подождешь?

— Ладно, не надо, — сморщилась я, замечая, как острая боль проходит и остается тупая ноющая. — Потерплю. Нет, серьезно, не бегай никуда. Станет хуже — попрошу. Давай есть.

Вот, что я делаю? Зачем геройствую? Единственный зритель и перед тем захотелось выглядеть лучше, чем я есть? Не пора ли завязывать? Поздно уже. Шаман разливал суп по тарелкам, а у меня уже язык не повернулся погнать за уколом. Нет, ну, не дура-ли? И как назло именно сейчас заболело сильнее. А все теперь. Надо терпеть.

— Держи, — Изга поставил мне на колени деревянную разделочную доску, а на нее тарелку. В бледном бульоне плавали аккуратно нарезанные овощи. Не борщ, но тоже недостижимая для меня кулинарная высота. Я не готовила и не собиралась учиться. Завтракала фруктами, обедала и ужинала в ресторане, литрами пила кофе и обожала выпечку из пекарни возле офиса. В моем расписании просто не было места для стояния

у плиты. Зачем это нужно? Поддержать стереотип, что правильная женщина должна уметь готовить? Хорошо, значит, я — не правильная. Всем спасибо, все довольны?

Суп был хуже овсянки. От той я хотя бы не ждала слишком много. А здесь соли не хватало, и специй шаман не положил вообще. Зато сам уплетал с аппетитом. Я проследила, как поддел ложкой кусок мяса, и меня переклинило.

— Ты ешь мясо?

Любой, кто хоть раз читал книги по духовным практикам, знает, что мясоедам не видать просветления, как своим ушей. Энергетика не та, организм зашлакован, каналы связи со Вселенной перекрыты. Он же шаман! Он должен трепетно относиться к таким вещам! Какое еще мясо?

— Ем, — пожал плечами Изга. — А что тебя удивляет?

Ничего, если он — шарлатан.

— А твои клиенты знают? Те, кому ты голову дуришь? Или им плевать, что мясо энергетику портит?

— Ее ругань портит. Не то, как мы с тобой препираемся иногда, а матерная речь. Искусственно созданные материалы не портят, а уменьшают. Близость к местам силы, наоборот, увеличивает. Внутренний уровень того, кто к силе обращается, тоже имеет значение. Не всем духи отвечают. Я могу назвать еще десяток нюансов и обстоятельств, тебе интересно? Думаю, что нет. Еда — важная часть меня, но не единственная и не основополагающая. И клиентами я тех, кто ко мне ходит, предпочитаю не называть.

— Конечно, — скептически покривилась я, почуяв знакомые нотки. — Они просто люди, нуждающиеся в помощи, а благодарность ты от них принимаешь исключительно едой. Не смей меня. Ты хоть и в тайге живешь, но без денег обойтись не в состоянии. У тебя пособие есть от государства? Пенсия по инвалидности? На что ты живешь?

Шаман закрылся наглухо. Если до этого невозмутимо пропускал мои колкости мимо ушей, то теперь я его всерьез задела. Да, тема болезненная, понимаю. Кушать хочется всегда, а жадные людишки с деньгами расстаются неохотно. Вот и приходится скакать с чучелом птицы на голове, долбить в бубен и вешать лапшу на уши. Интересно, когда он прайс показывает? До своих плясок или после? Сколько там пунктов? Есть что-нибудь вроде: «Комплексное изгнание злых духов. Зубная боль, головная и бонусом — защита от геморроя. В честь праздника восьмое марта скидка женщинам восемь процентов?»

Изга поставил пустую тарелку на печку и хотел мне что-то сказать, но в избе запищал дверной звонок. Опа! К нам гости? Настроение шамана изменилось в третий раз за пять минут. Он на мгновение прикрыл глаза, выдохнул и резко встал.

— Ирина, ложись! Накройся с головой! Быстро!

— И не подумай. Это за мной.

— Нет! — рявкнул он так, что у меня уши заложило. Ничего себе. — Лежи тихо. Не звука! Это мои гости.

Я не собиралась подчиняться. Прежняя жизнь поманила улыбкой бывшего мужа, вернувшегося домой с повинной. Обо мне не забыли!

— Ты бредишь? Меня ищут. Это люди отца...

— Вот именно, — припечатал шаман, в два шага оказавшись возле меня. — Тебя ищут и хотят убить. Мечтаешь облегчить им задачу? Накройся одеялом с головой и ни шагу из кровати!

Со злости я перевернула разделочную доску, и она полетела на пол вместе с тарелкой. Остатки супа расплескались веером брызг. Как он меня раздражал! «Молчи, женщина! К ноге, женщина! Лежать, сидеть, стоять!» Он с человеком разговаривал, а не животное дрессировал. Что за паранойя на счет убийства? Клялся, что ничего наркотического не принимает, а сам бредил наяву.

— Я пойду с тобой, — прошипела я. — Ты не в курсе, а я знаю, кто мог приехать. Мордовороты Шульгина. Начальника службы безопасности моего отца. Они тупые, злые и предпочитают бить, а не разговаривать. Увидят тебя — решат, что ты меня в плену держишь. Тебе почки опустят, пока будешь рассказывать, что я в избе и со мной все в порядке. Не такой благодарности я хотела для человека, спасшего мне жизнь. Лучше пусть мордовороты увидят меня издалека.

— Нет, — уперся рогами Изга. — Ты останешься здесь.

Ох, как же с ним тяжело! Не шаман, а баран. Ладно, я предупреждала. Хочет получить по морде? Пусть идет.

— Иди, — сказала я и легла обратно на подушку.

Ирина отвернулась и обиделась. Изга чувствовал, как упрямство сжималось в ней тугой пружиной. Сделает назло. Обязательно оденется и побежит следом, едва за шаманом закроется дверь. Он еще не понимал ее до конца, но мгновенные порывы уже мог разгадать. Капризный ребенок, не желающий слышать слово «нет». Богатая, избалованная, дерзкая. Чувство собственного превосходства застилало глаза, искажая картину мира. У таких людей он напоминал высоченную гору, где им и только им принадлежала вершина. Ирина всерьез считала, что ей все позволено, а все остальные должны подстраиваться под ее ожидания. И других вариантов просто нет. Царь горы скорее умрет, чем уступит свои позиции. Жаль, что таких «царей» было слишком много. Даже в тайгу от них сбежать не удалось. Изга устал. Снял тулуп с гвоздя, оделся и вышел.

За порогом было пусто. Гостям не полагалось беспокоить шамана во время камлания. Деревенские не ходили в избу ни под каким предлогом. Они звонили в дом и долго стояли на пороге. Ждали. Трель звонка, благодаря дополнительному проводу, раздавалась одновременно в двух жилищах. Считалось, что если шаман не разговаривает с духами, то он услышит звон и придет. А если прямо сейчас происходит ритуал или Изга совершает обряд, то звонить все равно бесполезно. Сквозь транс шаман не различал других звуков кроме голоса бубна и горлового пения. «Пушкой не разбудишь», как говорили в народе. Но деревенские упрямо стояли под дверью. Полчаса, час, сколько придется. Дорога дальняя и долгая. Лучше подождать, чем ехать еще раз.

Но это деревенские, а незваные гости должны были уже двери с петель снимать и дом обыскивать. Изга смотрел на единственную дорожку своих шагов и прислушивался. Тихо. Очень тихо. Проклятье.

Оружия у него нет. Даже охотничьего карабина. Продал, когда с деньгами было туго. С голыми руками в атаку идти? Вышел из избы весь такой герой «Я сам разберусь!» и что? Да хоть десять тысяч вариантов перебери, что делать, не угадаешь. Нужно дойти до дома и посмотреть. Так, как звучал мир вокруг. Очень тихо.

Жаль, снег хрустел под валенками, но шаман быстро вышел на лысую, выметенную ветром косу. Она тянулась в узкой горловине между сараем и сугробами у забора. Изга поднялся на пригорок и увидел угол дома. Может, и не стоило прятаться. От кого ему прятаться, если он собирался утверждать, что Ирины здесь нет? Хотя, если пришли убивать, и исполнители достаточно отморожены, то начнут стрелять, не задавая вопросов. Затылок не болел, духи не вмешивались. Изга взял лопату у сарая и пошел дальше.

Снова снег. Пушистый и скрипучий. Сколько не пытайся представить себя бабочкой, а легче по нему ступать не получалось. От крыльца дома качнулась тень и помахала рукой. Облегчение выступило потом, в тулупе стало жарко.

- Изга-кам! — радостно закричала Сандара. — Это я!

Откладывалась казнь Ирины и расстрел ненужных свидетелей. Шаман прислонил лопату к стене дома и достал из карманов рукавицы. Долгим будет приветствие, успеет замерзнуть. Но лучше слушать восторженный женский щебет, чем выстрелы в морозной тайге. С этим даже духи не спорили.

— Что же так замело? — сокрушалась маленькая якутка в шубе и расшитых тесьмой унтах. — Сугробы по колено. Вы не подумайте, я не навязываюсь лишний раз. Просто так пришла. Честно-честно. Пятый день жду в магазине, а вас все нет. Продукты, что обещала, скоро испортятся. Вот я и привезла их сама. Масло, творог, саламат, строганину. Вам в прошлый раз понравилось, я и приготовила побольше.

— Духов задобрить? — с улыбкой спросил Изга.

— Вас накормить, — звонко рассмеялась якутка. — Духи пусть как-нибудь сами.

Впервые в дом шамана Сандара пришла год назад в той же шубейке и расшитых тесьмой унтах, что носила сейчас. Семь лет жила с мужем, а детей не было. «Бог не дал, грешила ты», — твердили православные родственники и отправляли в церковь молиться. «Не совместимы вы, — говорили другие. — Нужно развестись и начать искать другую пару. В новых семьях и у тебя, и у мужа будут дети, а вместе никак. Чего вы ждете? Разводитесь, пока молодые и здоровье есть». А Сандара разводиться не хотела. Она любила мужа и не понимала, зачем ей искать другого. «Сходи тогда к шаману», — подсказала бабушка и Сандара пошла.

Духов задабривать начала с порога. Пихала Изге в руки замороженное мясо, сыр, творог, кровяную колбасу. Она и сейчас приволокла на санках груженую доверху сумку, но тогда от отчаяния сбивалась с мыслей и забывала в середине фразы, о чем хотела сказать:

«Зародыши детей висят, как листья на священной березе. Я читала, что шаманы умеют их сдувать на землю. Они падают маленькими звездочками прямо в домашний очаг, а из него попадают в женщину. У меня нет очага, только печка. Хорошая, импортная, муж из Якутска привез. Варит она хорошо, а греет слабо. Зато мороки нет с готовкой. Суп за час сварить можно. Вкусный. Надо было привезти вам. А вы попробуйте масло. Я, как бабушка, делаю. Она меня к вам и отправила. Детей со священной березы сдут. Я все жду, жду, а они не приходят. Шаман нужен. Без шамана никак».

Мужа стоило к репродуктологу отправить, а не его совершенно здоровую жену по всем врачам, лекарям и знахарям гонять, чтобы найти в ней корень бед. Изга подозревал, что якут с русским именем Олег страдал бесплодием, но для мужчины однократная сдача спермограммы равнозначна позору на всю жизнь. Он даже слышать об этом не хотел. Предпочитал изводить обвинениями жену. «У меня все в порядке! Пустоцветов в роду не было! Пусть она лечится!» А от чего ее лечить даже Изга не знал. Он так и сказал ей. Сандара ушла в слезах, и через месяц вернулась с новым подношением для духов. Это стало пыткой. Изга отказывался от даров, объяснял, почему не будет лечить, а якутка думала, что недостаточно хорошо просит. Нужно готовить вкуснее и уговаривать шамана ласковее. Другой надежды нет. Души детей висели на ветках священной березы и скучали без мамы.

— А где муж твой? — спросил Изга, оглядываясь на цепочку шагов за спиной Сандары. Глубокие провалы от унтов и параллельные линии полозьев. Гостя одна пришла, рядом никого не было. — Сумку с продуктами на санках привезла? С ума сошла?

— На снегоходе, — гордо выпятила подбородок якутка. — Тайком от мужа научилась. Олег в командировку уехал на служебной машине, а снегоход дома оставил. Ух, я на нем прокатилась! Проехать только к вам через ворота не смогла, побоялась. Санки отцепила и так пошла.

Нельзя ей здесь оставаться, Ирину нельзя видеть. Шаман давно мозоль на языке натер от объяснений, но прогнать отчаявшуюся женщину так, чтобы она не возвращалась, не смог. Не принято у шаманов отказывать просителям. Сандара это знала и приходила снова и снова.

Мешок, примотанный к детским санкам, был в половину ее роста. Изга в еде остро не нуждался, в магазин собирался ради того, чтобы не терять связи с реальным миром. А потом случилось крушение вертолета, и он никуда не поехал. Ему бы одному запасов и сейчас хватило, но Ирине, чтобы выздороветь, нужно хорошо питаться.

— Пойдем в дом, — вздохнул он. — Не стой на пороге.

И прежде чем совершенно счастливая якутка вцепилась в мешок, шаман сам его поднял вместе с санками.

Глава 4. Дом шамана

Я не пошла за ним. Стоило мне это больших трудов, но я же сильная женщина. Стиснула зубы, сложила руки на груди и осталась лежать в кровати. Тревога почти не мучила, саспенс не нагнетался, как в качественных триллерах и фильмах ужасов. Самые страшные монстры сидели в кабинетах с полами из ценных пород дерева, а не мотались по якутской тайге. Все, от чего я могла здесь умереть — холод, голод и скука. Мда. От последнего особенно. Древнерусская избушка, как музей, конечно, интересна, но и все. Я уже поела, до очередного похода в уличный туалет еще пара часов есть, шамана пока ломтями не нарезали, меня тоже, чем заниматься?

В голове прояснилось, мир обрел четкость, и вернулось желание куда-нибудь приложить руки и голову. Поискать средства связи, например. Электричество в доме есть, значит, болезнью отказа от цивилизации шаман страдал в не слишком запущенной форме. Я бы не удивилась, достань он из кармана сотовый телефон последней модели. Молодой мужчина, а не дряхлый старик, которому уже ничего не нужно. Да и нельзя сейчас без связи. Люди перестали писать письма и ходить друг к другу в гости. Хочешь общаться? Купи телефон и заведи аккаунт в социальных сетях. Тем более Изге как-то нужно зазывать клиентов, согласных оплачивать его пляски с бубном. Да сто процентов у него интернет есть! Нужно только найти.

Я встала с кровати и пошла на экскурсию. Разрисованный бубен и клоунский наряд аккуратно лежали на стуле в углу. Я не рискнула прикасаться к медвежьей шкуре, пришитой к плечам бесформенной куртки, но подвески и украшения разглядела. Настоящие перья, камни с орнаментом, вырезанные из дерева лица с провалами глаз и открытыми ртами. Примитивизм, повторяющий тот уровень искусства, что был на здешних землях задолго до появления христианства. А ведь красиво. Если Изга это делал сам, то руки у него росли из правильного места. Я пролезла чуть дальше и сняла тряпку, укрывающую рабочий стол. Мама дорогая, здесь целая мастерская! Скульпторские резцы в коробочках, мотки веревки, тесьма, бусины, причудливые деревяшки и незаконченное украшение, закрепленное на раме. Мечта любой маленькой девочки или тетеньки, промышляющей торговлей хэндмейдом. Да заодно за это можно неплохие деньги выручить. Никакого китайского бисера, все натуральное, нестандартное и потрясающе проработанное. Я с наслаждением потерла кончиком пальца миниатюрный рогатый череп, вырезанный из белого камня. Сколько часов шаман над ним трудился? Или правильнее спрашивать, сколько дней? Две лампы над столом висели, огромная лупа стояла на подставке с держателем. Весь день здесь проводил, когда работал. Наверное, есть забывал. Но у меня такая увлеченность с некоторых пор вызывала смешанные чувства.

Как-то мы пили чай с одним доктором медицинских наук. Убеленное сединами светило только что проконсультировало отца, и разговор продолжился в гостиной. Я тянула мелкими глотками чай из фарфоровой чашки. Медицинские байки меня интересовали мало, я хотела услышать, что у пациента Карла Римана со здоровьем. Или хотя бы по настроению мужчин понять, стоит ли ударяться в панику. Доктор интеллигентно съел печенье и продолжил:

— Ходил к моему другу пациент. Долго ходил, но плодотворно и однажды похвастался, какие фигурки из дерева режет. Мой друг человек любопытный, да и искусство любит, так что попросил показать. А там на фотографиях профессиональная мастерская и все стены работами увешены. Панно, картины, резные наличники, скульптуры, подсвечники. «Сколько же на это времени уходит?» — восхищенно выдохнул мой друг. «Много, — признался пациент, — на большую работу несколько недель». Тут стоило зааплодировать, но врачи привыкли смотреть на вещи под необычными углами. «А как у вас с женщинами, дорогой мой? — Да, никак, доктор. Проблемы у меня. — Голубчик, что же вы сразу не сказали? Вот визитка одного очень хорошего уролога, он вам поможет». Через полгода к моему другу снова пришел тот же самый пациент в лучезарном настроении. «Как ваши успехи? — спросил доктор. — Помог уролог? — О, да, мне стало намного лучше, спасибо за рекомендацию. Уролог, в самом деле, прекрасный. — Да не за что. Рад, что у вас все наладилось. А что же резьба по дереву? Порадуете новыми шедеврами? — Да я давно уже резец в руки не брал. Некогда, знаете ли».

Так что теперь, когда я вижу увлеченных коллекционеров, мастеров художественного свиста и других обладателей огромного количества свободного времени, то знаю, что с

женщинами у них никак. Изга жил в избе совершенно один и, вместо того, чтобы устраивать личную жизнь, плел браслеты из бусинок и камешков. Даже жаль его стало и непонятно как так вообще? Привлекательный мужчина, сильный, хозяйственный, не урод ни разу. И один. Да в деревнях к таким очереди выстраивались, бабы за волосы друг друга таскали и глаза выцарапывали, а он сам себе суп варил. Что-то неправильное творилось в якутской тайге. Необычное, нестандартное, необъяснимое. Неужели, он и вправду шаман? Шарлатаны обычные люди, с ними ужиться — раз плюнуть. А вот с теми, кто всерьез слышал голоса в голове, проводил каждый день обряды, пил кровь жертвенных животных и я бы, лютый скептик, поостереглась ночевать под одной крышей. Ну его на фиг. Страшно. Хотя до сих пор Изга ничего пугающего не делал. Я почти поверила, что он нормальный. Не псих. А деревенские бабы, видимо, знали о нем больше.

Кстати, где он? Полчаса прошло, до сих пор не вернулся. Уже замерзнуть должен был, даже если ничего не случилось. А если случилось? Блин, не дай Бог! Мне не улыбалось остаться невесть где в гордом одиночестве. Уж лучше с шаманом.

Я оделась, кое как забравшись в ватную телогрейку и валенки. Не для меня шили, я утонула в мужской одежде. Еще и слабость возвращалась, намекая, что я рано выскочила из кровати. Лежать нужно больше, чем ходить. Ну, я одним глазком посмотрю, чем он занят, и вернусь. Вдруг дрова решил порубить? Или воды принести? Да мало ли что шаман мог делать без угрозы для жизни, а я тут волновалась за него.

Спрятаться зимой сложно. Я только вышла наружу и сразу же увидела тропинки шагов. Поблизости никого нет, следов крови, вспаханных сугробов после драки тоже. Шаман степенно удалился мимо туалета на пригорок. Ладно, если не окоченею на ледяном ветру, то найду. Ноги на каждом шагу выскакивали из валенок, а когда возвращались обратно, утопали в голенище выше колен. Не сгибались поэтому. Я шла, как Терминатор с ржавыми шарнирами. Устала жутко и промочила потом еще одну рубашку. Изга будет злиться. Увидит меня и заорет на всю тайгу: «Ирина! Я же тебе сказал оставаться в избе!»

За холмом неожиданно вырос гигантский дом, я аж присвистнула. Ничего себе дворец! Два полных этажа и мансардные окна на крыше. Фундамент настолько высокий, что подвал тоже имелся. А я спала в одноэтажном бревенчатом музее и «до ветру» ходила на улицу. Кто здесь жил? Где шаман?

— Изга, если вам что-то будет нужно, не стесняйтесь, звоните, — звонко сказала женщина, а я, как воровка, застуканная на месте преступления, прижалась спиной к стене. Вдруг не заметят? Сердце стучало, аж пульсировало, в глазах ненадолго потемнело. Я шагнула чуть дальше и увидела широкую спину Изги в тулупе.

— Сандара, ты бы не ездила ко мне больше.

— Почему? — тихо спросила она дрожащим голосом.

Я эти переживания и страх узнала бы из тысячи, не напрягаясь. Мужчины стараются отказывать деликатно, подстраивают ситуацию так, чтобы женщина стала инициатором, но не всегда получается. Влюбленные девушки не желают слышать нет. Они теряют гордость, плачут, кричат, обещают все, что взбредет в голову, лишь бы остаться.

— Я вас чем-то обидела?

Нет, ты просто надоела. Повзрослеешь, поймешь. А зря я, оказывается, половое воздержание Изге приписывала. Крыл деревенских коровушек направо и налево, как бык-осеменитель. Натурой за услуги брал или просто так? Здоровья ради? Быстро управился, кстати. Раздевал хоть или раком в коридорчике поставил и поймел? Я не понимала, почему так сильно разозлилась. Какое мне дело? Еще одной идиоткой попользовались и выбросили. Впопыхах. Наврав с три короба в том числе мне. «Ирина, тебя хотят убить! Накройся одеялом с головой и не высывайся». А то что? Якутская пассия увидит соперницу, разведет сопли и долго не уйдет? Кинется на меня со словами: «Сучка ты крашенная»? Что случилось бы? Чего он так боялся? Аж кричал: «Это мои гости!» Твои, твои. У тебя таких баб, видимо, тонны. Запутался в них, не знал, какая придет?

— Ты ни в чем не виновата, — скорбно ответил шаман. — Но посторонним людям этого не объяснить. Я не хочу скандала. Твой муж не дурак, он будет ревновать. Ты хоть представляешь, как подозрительны твои поездки ко мне?

Какие страсти, боже! Она еще и замужем! А якутский простофиля, значит, рогами крышу юрты пробивает? Давно ли? Нет, ну Сандару понять можно. Деревенские ухаживать не умеют, а у Изги речь поставлена и язык подвешен. Лапшу он на уши обязан вешать профессионально. Глазом не успеешь моргнуть, как ноги расставишь. «Изга Шаманович, я ваша на веки». И трусы хоть выжимай.

— Мне плевать на Олега, — всхлипнула якутка. — Пусть думает, что хочет. Всю душу вымотал.

— Сандара, нет. Так нельзя. Сломать просто, сложно построить. У вас семья...

— Нет! — закричала она. — Не хочу, надоело! Я врала вам, я никогда его не любила. Вышла замуж, потому что позвал. Семь лет, как в Аду, каждая ночь — пытка. Да я видеть его не могу! Детей хотела, думала в них себя найти, сердце успокоить, но ничего нет! А я любви хочу. Разве я прошу слишком много? Обычного счастья... С вами...

— И ты готова изменить мужу? — сухо спросил шаман. — Вот так запросто?

Сандара замолчала. Мне показалось, я чувствовала, как она дрожит. Больно стало. Желание язвить и злиться пропало напрочь. Я слышала в словах шамана чужое эхо. Голос толпы. «Изменить. Шлюха, шлюха».

— Да, — твердо ответила Сандара и вытерла глаза рукавом. — Готова. Я уже изменила. В мыслях. Полгода страдаю, сны сняться. Я все обдумала. Развестись хочу и жить с вами. Я бы готовила, убирала дом, заботилась о вас. Я люблю...

— Ты не знаешь меня, — холодно ответил Изга. — Что будет, если сломаешь семью, а потом разочаруешься?

— Я знаю, — упрямо закивала якутка. — Я знаю, какой вы человек. Год общаемся, этого достаточно. А все мелкие недостатки легко можно вытерпеть. Вы храпите по ночам? Разбрасываете по дому носки? Ерунда. Мне хорошо с вами и это главное.

Гордости нет, разума нет, только собачья жажда не расставаться с хозяином. Скулить будет и вилять хвостом, пока Изга не прогонит палкой. А он не позволит ей остаться. Приговор уже вынес. «Изменница. Шлюха». Я прижалась к стене и не дышала. Сандаре до пропасти оставался один шаг. Она его сделала.

— Пожалуйста, Изга, — прошептала якутка и поцеловала шамана.

Меня всю перекрутило внутри. Я понимала, что он прав, я переживала за нее, но где-то среди яркого взрыва эмоций тонкой лентой тянулось собственное сожаление. Шаман не свободен. Вокруг него чужие женщины, они заявляют на него права, виснут на шее с поцелуями. Где-то может быть есть госпожа Извольская. Одна или несколько бывших. Любовницы, интрижки, случайные знакомые. Он не свободен. Сам кого-то любил, с кем-то спал и выдерживал такие сцены. А меня просто не было. Еще один мужчина, прошедший мимо и не запомнивший моего лица. Я для него — пустое место. Вылечит и забудет.

— Уходи, Сандара, — тихо попросил шаман. — Пожалуйста.

Я отвернулась, проехав бедром по стене, и с трудом разжала замерзшие пальцы. Каждый шаг обратно к избе эхом отдавался в голове. Глупое сожаление, что не мой мужчина. Странное и не правильное. Я расклеилась после аварии, стала слишком чувствительной. Трагедию нашла там, где ее нет и быть не может.

— Ирина, — позвал Изга в спину, я не расслышала с первого раза и продолжала идти. — Ирина, стой!

«Ты чужой и никогда моим не будешь». Спокойно нужно принять это. Как данность.

— Да, — ответила я и остановилась.

4.2.

Метка потеплела и снова наполнялась силой, хотя только что почти исчезла. Значит, не в избе дело. Не в амулетах, разложенных по углам и висящих на стенах. Ирина вышла из укрытия и почти спаслась от смерти, но потом вернулась на прежнюю тропу.

— Что ты почувствовала? — спросил шаман, облизывая обветренные губы. — О чем думала?

Дочь Карла Римана подняла на мгновение взгляд и снова отвернулась.

— Ни о чем. Это не мое дело. Извини, я не подслушивала, случайно вышло. Пошла тебя искать и нашла.

Ох, она про разговор с Сандарой! Для шамана он остался в звенящей пустоте. Необдуманный и неосознанный до конца. Уединение нужно и время, чтобы переварить. Сейчас метка отвлекала. Она важнее. Речь о жизни идет, а не о придуманных проблемах.

— Ирина, я о другом. Тебе смерть грозит. Я уже говорил, но повторю. Есть метка, особый узор наложенного проклятия. Я вижу их просто так, не впадая в транс и не разговаривая с духами. Это часть моего дара и само по себе проклятие. Я не могу спасти всех. Многие умирают, не прожив больше года после того, как у них появилась метка, но некоторым можно помочь. Если метка не статична, если она «дышит», как у тебя. Что ты сделала только что? О чем подумала? Скажи, это важно.

Холод забирался под тулуп, над ухом беззвучно хихикали слуги Эрлика. Ходить за душой больного человека в царство Теней всегда чревато. Изга не мог вернуться, не прихватив с собой несколько зловредных духов. Они питались негативом, провоцируя самого шамана и создавая вокруг него плотное облако ненависти. Вспышка Сандары — не их затея, но они воспользовались моментом. А теперь Ирина смотрела волком и цедила сквозь зубы:

— Не скажу. Оставь меня в покое, пожалуйста. Я не запрещаю тебе сходить с ума, только меня не впутывай, хорошо? Ты обещал подумать, как мне вернуться домой, когда окрепну. Я встала. Стою, не падаю. Говори. Снегоход, кажется, сломался. Что нужно, чтобы его починить?

Метка темнела на глазах, в сложном узоре закручивались новые витки. Хотя что-то выглядело однозначным. Уезжать из дома шамана Ирине категорически нельзя.

— Инструменты у меня есть, снегоход в гараже, пару дней работы и я справлюсь, если не случится что-то еще. Раз ты хорошо себя чувствуешь, то пойдем в дом. Нет смысла страдать от неустроенного быта в избе, раз уж она больше не влияет на метку.

— Почему пару дней? — вскинула подбородок Ирина. — Там настолько сложный ремонт?

— Я не знаю, я не механик. Сначала нужно разобраться с поломкой.

— Хорошо, — кивнула она и прошла мимо, с трудом переставляя ноги в огромных валенках. Шлейф раздражения и ненависти ощущался на вкус. Слуги Эрлика пировали, захлебываясь от восторга. У Изги был талант делать женщин несчастными даже, когда он искренне хотел помочь. Шаман проводил Ирину до двери, а сам пошел в гараж.

Одной стеной он примыкал к дому, обогревался радиатором, но температура выше двенадцати градусов все равно не поднималась. Утеплен скверно. Изга сел на ящик с хламом посреди другого хлама и снял шапку. Мысли путались, затылок ныл, а горечь на языке от чужой ненависти заставляла морщиться. Ирина его ненавидела, Сандара ненавидела. Вот он снегоход, никуда не убежит, шаман здесь, чтобы подумать.

Якутка сорвалась. Год носила в себе привязанность, лелеяла ее, как чахлах росток холодной весной и вдруг выдала все одним махом. Как бы до дома добралась, не разбившись на снегоходе. Все сейчас будут виноваты, но она в первую очередь. В зеркало на себя смотреть не сможет. Волосы обрежет или будет долго сидеть в ванне, чтобы смыть с себя несуществующую грязь. Вопросов «почему» много, ответов мало, но куда важнее знать «зачем»? Если Ирина молчит о метке, значит, нужно зайти с другой стороны.

«Ненависть, ненависть», — повторял шаман и тер ладонями лицо. Ее слишком много для отката после камлания. Нецелесообразно вываливать столько, чтобы накормить духов. Значит, сама ненависть — ключ. К чему? Что он пропустил? На что никак не мог обратить внимание? Такое случалось часто, на самом деле. Нельзя учиться, когда уверен, что все знаешь. Если прежние выводы рассыпались, и четкая картинка реальности смазалась — это хорошо. Шаман растет. Мысленно пробирается туда, где ни разу не был. Нужно вспомнить все, что видел недавно и посмотреть на это еще раз.

«Я разведусь» от Сандары — шок и удар. Она вышла замуж не просто так. Олег предназначен ей. Старая легенда о связанных душах. Две половинки одного целого, живущие в гармонии и дополняющие друг друга. Изга видел это в трансе, как прочную нить между людьми. Редко видел. Обычно пары обходились без предназначения. Просто жили вместе, любили, рожали детей. Оттого каждая пара «связанных» воспринималась, как нечто уникальное и очень ценное. Изга налюбоваться не мог на Сергея Конта и его Наталью. Девушка-медиум. Странная и немного чокнутая, как все, у кого есть дар. А бизнесмен прикипел к ней всей душой и наизнанку выворачивался, чтобы помочь. Изга не удержался. Когда прилетел работать, первым делом посмотрел, нет ли связи? Она была. Мощная, прочная. Но и метка смерти на Сергее тоже. Шаман отложил признание, позволив паре сначала решить свои проблемы, а потом все же сказал Наталье на их свадьбе. Петь хотелось от радости за них. Надежда появлялась, что если медиум нашла свое счастье, то и шаману когда-нибудь перепадет. Нужно терпеливо ждать. У него потому с семьей ничего не вышло, что он не встретил свою половину. Вот придет она, и все сложится. Счастье, любовь, дети.

У Сандары и Олега уже сложилось, как же. Также предназначенные. Когда Сандара пожаловалась, что родственники к разводу подталкивают, а она не хочет, шаман и полез посмотреть связь. Вдруг люди правы и проще развестись? Оказалось, что нет. Они потому и поженились так быстро. У предназначенных пар иначе не бывает. Им не нужно проверять чувства, они знают, что любят друг друга и хотят быть вместе. Но прошло семь лет, и жена возненавидела мужа. Гармония рассыпалась, все улетело в какую-то беспросветную бездну. Так не должно было быть, но так было.

Шаман перебирал пальцами отросшие волосы на затылке и повторял, как мантру: «Ненависть, ненависть». Если глупцу кажется, что чего-то не может быть, значит, так и есть. Он обожествлял саму идею связанных душ. Считал, что в их отношениях все идеально. Ни одной ссоры, ни одного упрека, полное взаимопонимание. А это не так. Взрослый мужик жил иллюзиями наивного пацана. Предназначенные могут ненавидеть друг друга. Они и развестись, судя по всему, могут. Да, это выбивало почву из-под ног и делало мир темнее, чем он был. Шаман и так не слишком верил в идеалистически-красивые вещи, а теперь становился еще злее и циничнее. Оставалось понять, зачем ему преподнесли эту истину и натыкали в нее носом? Чтобы повзрослел? Состарился тогда уж, возраст давно не тот для взросления. Или чтобы отчаялся найти себе пару и всю оставшуюся жизнь прожил один, как настоящий отшельник в избе посреди сибирской тайги? Похоже на правду сильнее, чем любой другой вывод.

Он встал с ящика, чтобы заняться снегоходом и споткнулся.

— Твою же мать! — тихо вырвалось со стоном. Несчастные пальцы, он их когда-нибудь сломает. Что за манера у духов именно так давать понять, что вывод неверный? Что тогда?! Что он еще должен подумать?

Ненависть, связанные пары, развод. Нет, развода еще не было, это лишняя деталь. Ненависть, «связанные», метка Ирины... Она слышала разговор с Сандарой и пропустила его через себя. Вот оно! Шаман должен знать, о чем подумала его гостья. Без этой детали картинка не сложится. Снегоход подождет, нужно вернуться в дом.

Глава 5. Танец с бубном

Первые две минуты я мечтала Изгу убить. Для чего понадобилась сцена с ведром и поход в уличный туалет, когда в шаговой доступности нормальный санузел? Даже два? Я ему это еще припомню. Не знаю когда и по какому поводу, но просто так не оставляю. Да я была уверена, что попала в бытовой ад самой отсталой таежной глубинки, а тут такое.

Нормальный дом. Не рублевский дворец, конечно, но и не бревенчатая хибара с торчащими отовсюду гвоздями. Бурлила я и кипела гневом еще минуту, а потом успокоилась. Показал ведь, привел. Было бы хуже, если бы Изга ради аутентичности шаманских обрядов оставил меня в том доме. Хотя избушка на курьих ножках посреди сибирской тайги смотрелась органичнее, чем махина в два этажа с кожаными диванами. Тем более такая пустая и недоделанная. Вещи стояли в коробках и валялись в мешках, стены обшили гипсокартоном и ремонт прекратился. Нет, серьезно, огромные серые листы, прикрученные саморезами и все. Даже швы никто шпаклевать не стал. У шамана внезапно кончились деньги? Не рассчитал и сдулся в самом начале? Кредитов, поди, набрал на строительство и расплачивался до сих пор. А отделка уже постольку поскольку. Главное, что стены есть. Жить можно.

Мудрое решение, кстати. И дом, если приглядеться, хорошо сделан. Я поскребла ногтем срез бруса в недоделанном проеме двери и нехотя признала, что основные работы выполняли профессионалы. По уму все. Без надежды на теплые зимы, но и без лишнего «запаса прочности». Рационально, надежно, эффективно. Жаль, конечно, внутреннюю отделку. Сюда бы толкового дизайнера и бюджет раз в десять больше, чем первоначально заложено. Ух, Лена Бельская оторвалась бы. Заснеженные пейзажи за окном и охотничий стиль — ее тема. Камень, натуральное дерево, шкуры животных, много света и уютного текстиля. Таковую бы конфетку слепила, что потом долго на выставках показывала.

Я пригласилась в мягком углу кожаного дивана и чуть не задремала. Практичная обивка. Нырнешь в нее, как в холодную воду, зато потом, когда нагреется, вылезать не хочется. Я натянула длинную сорочку на колени и закрыла глаза. Сонно причмокнуть не успела, как на пороге гостиной появился шаман. Черт, призраки громче ходят! Они хотя бы стонут и цепями гремят.

— Напугал, — пискнула я, хватаясь за край сорочки.

Изга упрек, как обычно, проигнорировал. Сумрачный был и злой. Еще раз с Сандарой пообщался? Она вернулась? Я сильно сомневалась. Скорее всего, еще что-то случилось. Шаман медленно положил бубен на комод, а костюм с медвежьей шкурой на противоположный от меня край дивана.

— Ты трогала мой верстак?

Черт, он меня спалил! В животе противно бултыхнулся айсберг и проскрежетал по борту повернувшегося под руку «Титаника». Вот я дура. Нос в чужие вещи засунула, а возвращать все, как было, кто будет? Машенька, уснувшая в кровати третьего медведя? Ай, мамочки, как глупо.

— Что? — пролепетала я голосом той самой недалекой Машеньки. Сейчас Шаман «включит» старшего медведя и начнет задавать неудобные вопросы: «Кто трогал мои бусы и раскидал их? Куда делись лягушачьи ноги и куриные потроха?» Блин, и стыдно, и страшно. Я в последний раз так дергалась, когда любимый паркет отца поцарапала. Смалодушничала и пыталась прикрыть ущерб половиком. Уши горели, язык заплетался. Не хватало только пальчиком в ладошке поковырять и промямлить: «Это не я». Детский сад.

Ох, господи, ну что мне шаман сделает? Трогала и трогала, не украла же ничего.

— Хорошо, я спрошу по-другому, — холодно сказал Изга и подошел ближе ко мне. — В избе есть рабочий стол, прикрытый чехлом. Ты случайно его сняла и увидела занятные безделушки, так? Схватила, чтобы посмотреть ближе и положила обратно.

Мне еще паршивее стало. Я не собиралась врать, а он заранее допрашивал меня, как преступницу. Очевидные факты, наводящие вопросы. Успокоилась, значит, придремала

на диване.

— Да и что? — с вызовом спросила я, приподнимаясь на локтях. Раздражение подстегивало, голос вибрировал. — Это запрещено? Там табличка висела «не влезай, убьет?» В чем дело?

— Ни в чем, — ответил шаман и еще сильнее меня подхлестнул. — Я должен знать, что именно ты трогала. Постарайся вспомнить, это важно. Амулеты — рабочий инструмент. Пока они на верстаке, к ним никто не может прикоснуться, кроме меня. Настройка сойдет, все пойдет насмарку. Мне придется начинать заново.

Мамочки, какой бред! «Чтобы игровые карты стали гадальными, на них должна посидеть нецелованная девственница, сплюнуть три раза через левое плечо и постучать по дереву», иначе имя суженного-ряженного тебе предскажут неправильно. Изга верил в эту муть? Да, судя по тому, как буравил меня взглядом. У всех есть предел, у меня тоже. На работе прорва проблем, а я сижу неизвестно где, неизвестно с кем и бусинки перебираю. Камешки, деревяшки.

— Костяной череп, — призналась я. — Белый с рогами. Больше ничего. Да и череп просто ткнула пальцем. Это преступление?

— Нет, — совершенно серьезно ответил шаман и смягчился. — Череп можно. Это украшение пока. Я не успел его зарядить. Но больше к верстаку не подходи, пожалуйста. Хорошо?

— Договорились, — выдавила я из себя и поджала ноги. — Ты за этим пришел? Снегоход уже отремонтирован? Можно ехать?

— Нет, я еще не закончил.

— Тогда какого, — я запнулась, но все-таки закончила мысль, — полового органа ты за амулеты беспокоишься? Тебе помочь? Давай я засучу рукава и пойду чинить снегоход.

- Сиди здесь, — отрезал Изга. — Ты поможешь мне, если скажешь, что почувствовала после разговора с Сандарой. От чего побледнела метка? Будем знать, станет легче думать, что делать дальше.

Он издевался. Проклятый шаман с навыками хирурга решил вывести меня из себя. Получилось. Затрясло так, что это стало заметно.

— Ничего. Мне плевать на то, кто к тебе ходит и о чем говорит. Я постояла рядом и ушла, что тебе еще нужно?! Сочувствия? Похвалы, как правильно ты поступил? Молодец, девушка душу открыла, а ты... «Будут тут еще всякие вешаться, не спросив разрешения...»

— Ненависть? — перебил Изга. — Ты почувствовала ненависть?

— Да! Что еще? К тебе, к ней, к себе, ко всем сразу. К проклятому вертолету, рухнувшему не там, где надо и не дотянувшему до Якутска. К болезни, слабости, операции...

— Не правда, — убийственно тихо ответил шаман. — Ты о другом думала. На ненависть и злость метка не реагирует.

Меня спустили с поводка, словно все барьеры рухнули за один вздох.

— Я тебя сейчас ударю. Сволочь, урод, как же ты меня достал. Катись в бездну! Убирайся к черту!

Я бросилась на него, насколько позволяло непослушное тело. Нелепо взмахнула руками и не дотянулась кулаком до головы. Пружина в груди распрямилась, злость вышла жаром. Мир перестал существовать, я видела его урывками. Яркими вспышками и белыми пятнами на рубашке шамана. Приятно бить того, кто не сопротивляется. Пока Изга пытался удержать меня, я молотила его по плечам и затылку. От души, со всей дури, пока кулаки не зазвенели от ударов. Силы кончились, ярость тоже. Я думала, что все происходило долго, но на деле кончилось за несколько секунд. Я обмякла в руках

шамана и позволила посадить себя на диван.

— Я сам узнаю, раз ты не хочешь говорить. Клянусь, если увижу то, чего жду, просто отпущу тебя домой. Я тоже не железный. Мне даром не нужно все, что сейчас происходит.

«Мне тоже», — хотела ответить я, но стало все равно. Шаман взял бубен и достал из-за шивороты связку побрякушек. Сейчас танцевать будет? Ой, да ладно, пусть делает, что хочет. У меня живот от боли вспыхнул огнем. Перестаралась с дракой. Как бы шов не разошелся. Я сползла по спинке дивана ниже и закрыла глаза.

В тишине раздался первый удар в бубен.

5.2

Он напоминал большой барабан или тяжелый колокол. Низкий звук, богатый, резонирующий. Второй удар, третий. Волны заполняли гостиную, а я передумала открывать глаза. Боль откликалась на удары. Мембрана шаманского бубна раскачивала воздух. Ни тонких струн, ни замысловатой игры, однообразный и монотонный звук. *Бом-бом-бом*. Круги, расходящиеся по воде от броска камня. Ничего особенного совершенно. Скучно и глупо, как все, во что верил хирург, внезапно ставший шаманом. Я сильнее поджала ноги, чтобы стало легче лежать. Боль закручивалась во мне спиралью и жгла нестерпимо. Мне бы укол или таблетку, а не представление на полчаса. Я даже диджеев не могла слушать на дискотеках, раздражало повторение одних и тех же звуков, а кого-то качало. Амфетамин их качал, а не музыка. Максимально тупая, отключающая мозги и дарящая счастье. Такое, какое должно было быть вокруг меня, но происходило что-то иное. *Бом-бом-бом* долбило где-то вдалеке, а волны накатывали невпопад. Их частота и амплитуда возрастала, звук уже заполнил всю комнату и добрался до меня. Первый всплеск качнулся в животе, я открыла глаза.

Изга слушал бубен. Стоял на месте, согнувшись и сосредоточенно бил колотушкой в мембрану. Не считал интервалы, не отстукивал ритм, но чувствовал его так, будто проглотил резонатор и он колебался внутри него. Волны будоражили до щемотки. Я терла ладонями плечи и дрожала. Звук поднялся из живота и звучал уже где-то в горле. Хватит! Пусть он перестанет!

Но шаман только начал. Он опустил бубен ниже и пошел вокруг дивана. Колебания причиняли боль. Меня корежило и передергивало от судорог. Общий наркоз наяву. То само состояние перед падением в пустоту, когда еще слышишь, видишь и соображаешь, но уже ничего сделать не можешь. Меня не стало, волны смыли мое тело и понесли к шаману. Я перестала понимать, где он. Только что колотил по бубну справа и вот он уже надо мной. Снова пропал и появился пульсирующей звездой. Такой безграничной, что невозможно осознать. Я не боялась, что войду в транс вместе с ним, я не достойна. Духи не принимали и гнули к земле, как жука подошвой ботинка. Чужой танец, чужая песня, чужая бездна, открывающаяся рядом со мной. Шаман черпал из нее силы и бубен звучал громче. Не стало вообще ничего, я оглохла и ослепла. Только чувствовала, как рыба боковой линией, колебания волн и направление течения. Боль в животе достигла пика и пошла на спад. От облегчения захотелось смеяться, а потом и это ощущение смыло волной звука. Бубен звучал во мне, перебирая каждую клеточку тела, как шаман бусины и деревяшки. Меня разглядели до самых глубин и оставили в покое, как я давно хотела, как мечтала. Резонанс кончился так же резко, как начался. Тяжелая плита исчезла. Я подняла голову и заново увидела комнату. В ней светило солнце. Размотало блестящую материю из окна по полу и накрыло шамана. Искры горели на ворсинках его рубашки, кожа светилась. Я стерла с лица паутину оцепенения и подумала: «Охренеть». Прошептать не смогла.

Среди всех шарлатанов, ряженых циркачей и дешевых актеров мне попался один настоящий шаман. Вера в это уже сидела внутри меня и не вызывала вопросов. Только один: «Как он смог?» Откуда он такой взялся? Родился и всегда умел или добрался до сегодняшнего состояния через миллион пройденных дорог? Не важно. Все, что я чувствовала до этого, жалось до размера маленьких бусинок и просыпалось на пол. Страх остался. Я боялась того, кто стоял рядом со мной. И тем сильнее, чем больше понимала, что мы одни в его доме. То, что качало воздух, все еще клубилось вокруг него, но медленно втягивалось в амулеты, висящие на груди. Теперь я разглядела их во всей красе. Черепа, кости и кричащие лица. Он достал их из бездны или они сами пришли?

— Почему черепа? — спросила я первое, что пришло в голову. Глупый вопрос, не требующий ответа. Но Изга обернулся ко мне и сказал:

— Потому что я — черный шаман. Я слышу голоса мертвых, бываю в мире теней и лично знаком с Эрликом.

— Я больше никогда не прикоснусь к твоим амулетам, — прошептала я, чувствуя, как широко распахнулись глаза. — Клянусь. Близко не подойду.

«И ты стой, пожалуйста, там, где стоишь», — хотела попросить я, но осеклась. Аура страха исчезла, Изга стал обычным человеком, но я будто впервые его видела. Духи умели выбирать тех, кому согласны подчиняться. Как обманчивы его мягкость и спокойствие. Словно крышка ящика Пандоры, обитая бархатом. Внутри столько, что и словами-то описывать не хочется. Но самое странное — мне нравилось. Господи, да я от восторга едва дышала!

— Тебя как-нибудь называют вежливо? Особое обращение вроде «мистер» или «сэр», приставка к имени?

— Здесь нет, — тихо ответил он. — Не принято. Просто Изга.

Поскромничал. Наверняка, когда с подарками приходили, а не с тяжелыми разговорами, как Сандара, то и кланялись, и смотреть в глаза боялись. Теперь я до самой последней точки и запятой понимала, почему. Человеку, голодному до веры в чудо, его только что показали. Это как в детстве узнать, что Дед Мороз существует. Или уже во взрослой жизни увидеть единорога, скачущего по улицам столицы и выбивающего цветы копытами из асфальта. Уже за одно чувство эйфории стоило сказать «спасибо». Давно я не чувствовала мир таким настоящим. Не фальшивой копией с картонными декорациями и гнилыми людьми, а чем-то большим, чем просто улицы, дома, деревья, птицы.

Крыша ехала, да. Но пусть уж она едет в эту сторону, мне здесь комфортно. Просто сидеть и ничего не делать, считать пылинки в солнечных лучах. Можно я побуду с этим ощущением еще чуть-чуть? Ну, пожалуйста. Да? Спасибо.

5.3.

Ирина улыбалась, как ей стало хорошо. Вышел черный сгусток из груди. Изга его тянул с такой силой, что боялся сломать девушке ребра. Чувство вины под руку толкало. Страх хирурга, случайно задевшего на операции крупную артерию. Фонтанчик крови, падение давления у пациента и несколько мгновений, чтобы все исправить. Лишь бы не услышать от анестезиолога: «Асистолия. От стола». Шаман вытащил Ирину из царства теней, а проверить, не прицепился ли к ней кто-нибудь, уже не смог. Вышел из транса в глубокий обморок и проспал на полу до утра. Как очнулся, бросился проверять, в порядке ли тело и не вспомнил про дух. Редкостная дрянь прицепилась. Жижга густая и черная, как смола, прямо возле сердца. Она и обостряла реакции до предела, будила агрессию. Вместо прекрасной принцессы в избе проснулся огнедышащий дракон. И ничего Изга не заметил.

На характер Ирины списывал. Воспитание, проблемы с отцом, враждебное окружение, зависимость от зоны комфорта и десятков других причин. Все это было, да, но до того, что случилось перед камланием, не могло довести.

Изга в шоке был. На мгновение захотелось махнуть рукой на строптивницу и отпустить, куда просилась. Домой. Пешком через тайгу. И пусть бы кто-нибудь другой рассказывал ей про угрозу жизни, заказчиков крушения вертолета и банальное обморожение. Шаман верил, что если он заглянет в Ирину и не обнаружит толстой нити привязки предназначения, то сможет проводить ее за дверь и не броситься следом. Чужая женщина — чужие проблемы. Но красота узла, завязанного не без помощи воли Вселенной, заключалась как раз в том, что женщина своя. Та самая, кого ждал так долго, превратившись в мужской вариант Ассоль. Просто сидел в избе и ждал, когда на горизонте вспыхнут алые паруса и счастье само приплывет к нему в руки. А появилась Ирина. Упала прямо с неба на голову. «Вот она я, смотри, какая досталась».

Слабая, уставшая, больная, злая, несчастная, одинокая, недолюбленная настолько, что хотелось обнять и не отпускать. «Где ты была столько лет? Что ты делала, чем дышала,

как тратила свою жизнь вдали от меня? И я тоже хорош. Где я был? Как я мог допустить, чтобы тебе стало так больно? Что ты пришла ко мне израненная?»

Била она сильно. Голова гудела, пока пытался войти в транс. Казалось, что все духи сговорились и разом набросились, чтобы что-то объяснить и показать. Он увидел. Не только связь и сгусток возле сердца, но и острую боль в животе. Последнюю удалось снять, но долг врача требовал посмотреть, что случилось. Изга чувствовал себя вторым женским персонажем за пять минут. Скарлетт О'Хара с ее: «Я подумаю об этом завтра». Он обдумает все. Обязательно. А сейчас нужно позаботиться об Ирине.

До саквояжа с медикаментами шел на деревянных ногах. Бубен долго прижимал к бедру и не знал, куда положить. Вспомнилась шутка о том, что когда страдают близкие, часть мозга, отвечающая за медицину, отключается напрочь. Для шаманов такое тоже справедливо. Себя не видишь совсем, а связанных с тобой друзей, знакомых, родственников, как через кривое зеркало. Пытаешься отстраниться и работать — забываешь, что рядом живые люди. Вспоминаешь, кто именно нуждается в помощи, и не можешь работать. Глупости делаешь, из рук все валится. Внутри один стылый ужас, что ошибешься и навредишь. Как новичок, впервые взявшийся за бубен. Идиотом себя чувствуешь, язык заплетается. Какой там транс? Просто бы по лесу пройти и не провалиться сквозь землю от стыда и неловкости.

Где перевязочный материал? Сутки прошли, повязку пора менять. И катетер снять, не нужен он больше. Изга вернулся с саквояжем в гостиную и замер на пороге. Ирина уснула. Обняла мягкий диванный подлокотник и ровно дышала, чуть приоткрыв рот. На бледные щеки вернулся румянец, морщинки на лбу и переносице разгладились. Проклятая метка смерти едва мерцала, но никуда не делась. Вселенная не собиралась отдавать шаману его счастье легко и просто. Поманила издали, но по-прежнему крепко держала жизнь Ирины в зубах. «Хочешь? Попробуй отбери».

А нужен ли он ей? В столице совсем другая жизнь. Не слишком замечательная, но она гораздо привычнее того, что мог предложить шаман. Что скажет Ирина, узнав, какая связанная душа ей досталась? Половину он уже слышал. «Шарлатан, наркоман, псих». Она была готова больная сбежать, здоровая точно не останется. Фыркнет, закатит глаза, развернется и уйдет. Не ремнями же ее к дивану прикручивать. А чем удержать? Чувствами? Они, если появятся, то очень не скоро. Старыми легендами? Ирина посмеется над ними. Супом с говяжьими ребрами, льняными сорочками, бревенчатой избой?

Да что ж одни женские мысли в голову лезли? Не слышал ни разу о таком побочном эффекте после камлания. Не мог же он настолько глубоко нырнуть в Ирину? Или смог? «Зацепил» в трансе и нечаянно «выпил»? Она поэтому спать легла? Да нет, что-то не то.

Изга сел на диван и поставил саквояж под ноги. Будить девушку не хотелось. Она так умиротворенно улыбалась, что язык не поворачивался позвать по имени. Пусть отдохнет немного. Эффект от шаманского лечения примерно такой же, как после укола сильнодействующего препарата. Жаль, что грубое тело гораздо податливее тонкой души. Сгусток он убрал, бросаться на него с кулаками девушка больше не должна, но проснется прежней. Со всем своим недоверием, скепсисом и нежеланием слушать.

Нет, он не станет рассказывать ей про связь. Он после всего, что узнал, будет тщательно выбирать слова. И думать. Очень много думать. А начнет прямо сейчас.

Глава 6. Черный шаман

Проспать до утра не удалось, я отдохнула и открыла глаза. Диван вспомнила не сразу, гостиную тоже. Пока привыкала к темноте, все казалось черным и бесформенным. Солнце отдыхало на другой стороне планеты, а Луна, видимо, уменьшилась до состояния огрызка и стыдливо пряталась за облаками. Хотелось играть словами: «Не видно ни зги. Изги тоже нигде нет». Он укрыл меня одеялом и ушел. Я попыталась встать, и тут что-то зашуршало в углу.

Мыши?! Мамочки, я не выносила мышей! Кто еще мог шастать по дому? Вот и живи на природе. Черт, мыши! Серые, мерзкие, гадят везде, в комнате воняет.

— Фу, господи!

— Ирина? Что такое?

Невысокий холм одеяла зашевелился, и я увидела шамана. На коврикe спал, под диван забился. Рядом со мной место было, а он выбрал «половую жизнь». Постеснялся? Тогда почему в спальню не ушел? Мне, конечно, приятно, что он берег мой сон, но было неловко.

— Ничего, — выдохнула я. — Испугалась.

Он встал, зажег свет в комнате. Сразу весь. И я надолго зажмурилась. Дурная врачебная привычка. В больницах так делали. Я лежала в детстве на обследовании еще когда платной альтернативы не было. Медсестра заходила в палату на десять человек и врубала лампы. Орала еще: «На анализы!» Ни один звонок будильника после я ненавидела так сильно, как ее противный квакающий голос.

— Как себя чувствуешь? — сонно пробормотал Изга. — Живот болит? Покажи.

Спасибо воспоминаниям, отреагировала я на автомате. Вытянулась на диване, откинула одеяло, и, когда ткань сорочки поехала вверх по голым ногам, сообразила, что все еще раздета. Стесняться шамана я за это время меньше не стала. А после того, как видела его с бубном, дистанция стала даже больше. Настоящий шаман, почти небожитель, а тут я с отросшей щетиной на всех местах. Да, на всех. Зону бикини я эпилировала до гладкой кожи. Привыкла так, нравилось. А за три дня вынужденного отпуска неухоженность стала бросаться в глаза. И так лежу нечесанная, неумытая и противная сама себе.

— А можно я оденусь сначала? — пролепетала я, прижимая сорочку к ногам. — Ладно, шуба могла после аварии пострадать, и ты ее выкинул, но белье-то целое. Верни, пожалуйста.

Отреагировал он странно. Я приготовилась упираться рогами и отстаивать свое право не светить голым причинным местом перед посторонним мужчиной, а Изга сгорбился, отвернулся и уже на ходу ответил:

— Сейчас принесу.

Что с ним? Муха-девственница укусила? Тоже стесняться начал? Хирург? Как то слабо верилось, но задавать вопросы я не стала. Теперь Изга в моих глазах мог выглядеть настолько чокнутым, насколько ему самому нравилось. Представить страшно, как далек его мир от привычного мне. «Черный шаман» — звучало круто. Почему-то гораздо солиднее, чем белый. Это как черный маг, да? Тот же смысл?

Он вернулся с комком ткани в руках и протянул мне. Тонкий хлопок брендовой маечки я узнала наощупь. Раскрыла и на колени выпало остальное белье. Чистое. Бережно выстиранное и высушенное так, что на ткани не осталось заломов. Я покраснела. Останся белье несвежим, я хотя бы была уверена, что Изга его не трогал. А так — сколько раз прикоснулся? Это было интимнее и бесстыднее, чем все врачебные осмотры вместе взятые.

— Отвернись, пожалуйста, — попросила я, едва ворочая языком, но шаман уже встал ко мне спиной.

Пальцы перестали гнуться. Я неуклюже ворочалась и пыхтела, не обращая внимания на вспыхнувшую боль в животе. Перетерплю. Главное, быстрее одеться.

— Слушай, а можно вопрос? — спросила я, лишь бы не молчать. Вынужденная пауза напрягала и нервировала. Спина шамана тоже. — Черный шаман вроде черного мага?

— Нет, не вроде, — отозвался он, даже не пытаясь обернуться. — Смысл деления на белых и черных в другом.

— В чем? Расскажи, пожалуйста, мне интересно.

Бюстгальтер я сначала хотела надеть под сорочкой, но проталкивать лямки в узкие рукава оказалось неудобно. «Верх» пришлось снимать полностью.

— Миры делятся на верхние, где живут боги, средние, где живут люди, и нижние, принадлежащие мертвым, демонам и Эрлику. Белые шаманы потому белые, что они путешествуют только по верхним мирам. Служат богам, приносят им жертвы и никогда не спускаются на нижние миры.

— А черные шаманы не поднимаются на верхние?

Я не врал на счет интереса. Подозревала, что Изга специально для меня упрощал объяснения, но он говорил. Не задирал нос, как принято у всяких гуру, не отвечал снисходительно: «Ты вряд ли поймешь такие сложные истины, девочка», он рассказывал.

— Нет, поднимаются. У нас нет запретов. Я могу обратиться к богам, а потом спуститься в мир теней. Богам обычно нет дела до проблем людей, зато Эрлик и его слуги принимают в нашей жизни самое живое участие. Когда человек долго болеет, считается, что его душу забрал Эрлик. Это не всегда так, но если я вижу, что душа еще живого человека уже в мире теней, то могу ее оттуда забрать. Иначе она останется там.

— Человек умрет? — я начинала понимать. — Мир теней — загробное царство, а Эрлик кто-то вроде Харона?

— Скорее Аида, — потеплевшим голосом ответил шаман. — Ты оделась?

— Да, я готова к осмотру.

Он обернулся, а я послушно задрала сорочку до груди. В положении лежа живот проваливался к позвоночнику, и любая девушка выглядела чуть стройнее, чем она есть, но я все равно заметила торчащие ребра. Черт, один килограмм из своих пятидесяти я точно потеряла. Нет, ну а что? При ускоренном метаболизме за мной не заржавеет. Три дня строгой диеты а-ля коматозник и можно заработать сочувственный взгляд доктора.

— Сейчас живот болит?

— Чуть-чуть, — приуменьшила я степень своих страданий, — внизу.

Пальпировать Изга начал от желудка, периодически спрашивая: «Здесь? Здесь?» Пока не прошелся по всем здоровым органам, до места удаленной ранее селезенки не добрался. Вокруг белой повязки давил с особой осторожностью. Я млела от того, как он задерживал дыхание и прислушивался к ощущениям на кончиках пальцев. Хороший хирург тоже немного шаман со сверхспособностями. Видит и чувствует то, что другие и представить не могут.

— А духи тебе сейчас подсказывают?

— Нет, — улыбнулся Изга так широко и открыто, что я не удержалась и по-детски скопировала улыбку в ответ. — Я слышу их голоса только в трансе. Вне измененного сознания они тоже, бывает, толкают под руку, но это редкость. Обычно они живым не докучают. Половина рассказов о домовых, барабашках и полтергейстах — выдумка.

— А вторая половина?

Шаман добрался до кишечника, и сохранять невозмутимый вид стало сложнее. Я морщилась, сопела и проклинала каждый неприличный «бульк» в животе.

— Вторая — нет, — ответил он, на мгновение оставив меня в покое. — Бывает, прицепится какая-нибудь сущность и мешает жить. Со стороны человек выглядит нервным, дерганным, злым без причины. Не до фильмов об Эмили Роуз, конечно, но приятного тоже мало. Тогда родственники идут к шаману.

— И ты становишься экзорцистом?

Он задумался. Мои аналогии ставили его в тупик. Да, я плаваю в мат. части, но нужно как-то встроить новые знания в старую информационную матрицу. Это единственный способ усвоить их. Соотнести непривычное с привычным.

— По сути да, — кивнул он, — я изгоняю злых духов. Мелких проказников выдергиваю бесцеремонно, а с ребятами посolidнее приходится договариваться.

У меня, наверное, глаза горели ярче потолочных ламп. Всегда заводилась, наблюдая, как работают профессионалы, а тут два специалиста в одном.

— Здесь болит? — спросил Изга и как-то особенно глубоко надавил.

— Нормально, — пискнула я, стараясь не стонать. — Терпимо.

Спорить и ловить меня на лжи он не стал. Я давно привыкла к своему экстремально низкому болевому порогу. Любой осмотр причинял дискомфорт, даже если я совершенно здорова. А после операции должно быть больно. К тому же синяки на животе никуда не делись. Не до бикини пока и пляжных фотосессий.

— Хорошо, ничего серьезного нет, — подтвердил Изга мои мысли. — Сейчас повязку поменяю.

Захотелось его поддеть. Не как в прошлый раз, а мягче.

— Я думала, ты меня все время будешь, как шаман, лечить.

Есть такой бзик у людей, увлеченных духовностью. Потусторонние силы казались всемогущими, а традиционная медицина ерундой. Таблетки — химия, прививки — зло, всевозможные терапии при онкологии — попытка злых докторов сократить жизнь. Только травы, только медитация.

Изга замер на мгновение, а потом дотянулся все-таки до саквояжа под диваном.

— Я бы хотел, но раз взялся за скальпель, то появились нюансы, которые нужно проверять постоянно, а не только в трансе. Как заживает шов, например.

Супер! Адекватность у нас на месте. Я окончательно расслабилась и позволила шаману побрызгать мою повязку бесцветной водичкой без запаха.

Повязка прилипала намертво. Не сползала с тела даже после душа, поэтому отклеить ее от кожи был тот еще фокус. Изга забрызгал края хлоргексидином и осторожно поддел ногтем уголок. Ирина терпела ровно две секунды, потом зажмурилась. Не стонала, но шаман видел, как ей больно. Что-то не так. Руки сами замерли, прекращая пытку. Под повязкой в том месте, где к коже прикасался клей, появилось раздражение. Вчера еще не было, а сегодня характерная краснота и припухлость.

— У тебя аллергия на препараты есть?

— Нет, — мотнула головой пациентка, — я все переносу нормально. А что там?

С другой стороны пошли четвертые сутки, признаки аллергии должны были проявиться гораздо раньше. Раздражение от мелких механических повреждений? Перевязка травмировала кожу, как ни крути.

Ирина не вытягивала шею и не пыталась скосить глаза. Да, ее волновало, что происходит, но она ждала ответа от него. От Изги. Признала в нем врача и хотя бы свое здоровье, наконец-то, решила доверить.

От осознания по телу разливалась эйфория еще большая, чем когда Ирина спрашивала про Эрлика. До чего же примитивная реакция, а как было приятно. После всех споров, ругани и швыряния посудой, словно мед на краюшку хлеба налили. Душистый, ароматный, сладкий.

— Кожа у тебя нежная, — пробормотал Изга. — Раздражение появилось от перевязок. Я возьму пластырь другого размера. Еще пару дней придется потерпеть. Извини, но если не закрывать шов, в него может попасть инфекция.

— Хорошо, — кивнула она. — Делай, что нужно.

Экзекуцию с отрыванием пластыря пришлось продолжить. Изге не понравилось причинять Ирине боль. Не правда, что все врачи немного садисты. Когда хирург делает скальпелем разрез, пациент уже давно спит и ему хорошо. А еще никак не удавалось отделаться от шаблона специфических отношений. Двадцать лет запрещал себе воспринимать пациенток, как женщин, и вот теперь нужно, а никак. Заклинило в голове. Не теми глазами он смотрел на предназначенную ему вселенной пару. Что-то шевельнулось, когда попросила белье вернуть, и опять шов, перевязка.

Моложе был, легче переключался. Снимал белый халат, выходил на улицу и улыбался хорошеньким девушкам. Сейчас тоже было хорошо, но не так. Просто спокойно, что она рядом, жива, относительно здорова и ей пока ничего не угрожает. Может, в этом дело?

Она уже у него дома. Они уже вдвоем и рядом больше никого нет. Конфетно-букетный период сгорел в рухнувшем вертолете. Изга сварил Ирине суп, постирал ее одежду и думал, не посмотреть ли вместе фильм, подключив планшет к телевизору? Тихая семейная идиллия без семьи или длительных отношений. Он потеряет даже это, если Ирина соберет вещи и уедет в столицу.

— Я обещал, что мы поговорим, когда тебе станет лучше, — Изга разгладил широкий пластырь на животе Ирины и почувствовал, как всплеск адреналина взвинчивает нервное напряжение. — Я готов.

А я нет. Я так долго жила в состоянии критической нехватки времени, сорванных графиков, дедлайнов и жестких сроков, что впервые вывалившись из системы, чувствовала себя так, словно упала на дно колодца и растеклась амебой. Сначала состояние не позволяло встать и куда-то пойти, потом отсутствие мобильного под рукой. Я видела десяток кошмарных снов о работе, но не могла сказать даже какой сегодня день. Что произошло в строительном холдинге «Альянс», пока меня не было? Но лежать нельзя. Пора собирать себя в кучу. Есть множество дел, завязанных на меня так крепко, что они не решатся без личного присутствия. Никто банально не включит рабочий компьютер, не зная пароля. Подчиненные, конечно, примут на себя ответственность и разрулят самые срочные моменты, но черт, накуролесят сгоряча так, что я за голову схвачусь, когда зайду в офис.

Нет, они не тупые. Хорошие специалисты с прекрасной мотивацией работать и командным духом, однако есть такая неприятная штука, как уровень доступа к информации. Стратегические решения, известные исключительно топ-менеджменту холдинга, личные пожелания отца, интересы множества других людей, увязать которые вместе — отдельное искусство. Все это скрыто от глаз среднего звена, происходит кулуарно и в кулуарах же остается. Отсюда, наверное, и растут ноги у любимого мифа всех служащих, что руководство не работает, а только указания раздает. Мало кто видит, что мы делаем на самом деле. Шаману я тоже сейчас не смогу всего объяснить. Большая часть оправданий, зачем мне срочно в столицу не подлежит разглашению. Да я и не должна, собственно. Мы чужие друг другу люди. Совершенно посторонние. Встретились, пообщались, разбежались.

— Изга, — осторожно начала я. — Скажи, пожалуйста, сколько будет стоить вызвать к тебе другой снегоход? Я сейчас не могу заплатить, сумку с документами, картами и наличкой потеряла, но есть те, кто сделает перевод. Нужно только позвонить.

— Да, — вздохнул шаман и откинулся на спинку дивана. — Ты угадала самый важный момент. Звонки. Постарайся сейчас выслушать меня до конца, не перебивая и не нервничая. Я все расскажу медленно и по порядку. Твоя сумка у меня, документы, карты и деньги на месте. Вещи целые. Шуба висит в шкафу, одежду я постирал и тоже спрятал.

Ждал гостей. Не хотел объяснять им, откуда у одинокого холостяка женские сапоги в теплых сенцах. Симкарту из телефона вытащил и положил отдельно, сам телефон отключил. Это принципиально. Устройство посылает сигнал в сеть и его местоположение легко вычислить. Звонить нельзя. Пока тебя считают мертвой или хотя бы без вести пропавшей, тебя не ищут, чтобы добить. Обнаружишь себя, и охота начнется заново.

— Подожди, — попросила я. — Мне тоже нужно все обдумать медленно и по порядку.

Сумка нашлась. Моя любимая Furla с удобными ручками и внутренними карманами. Банковскими картами я уже, наверное, воспользоваться не смогу, их заблокировали. Налички при себе немного, но она есть. Особенно радостно было за документы. Восстанавливать паспорт не так долго, как мучительно. Плюс очень многие вещи на него завязаны. От тех же банковских карт, которые без него не разблокировать, до мелочей вроде пропуска на парковку. Так что внимательный шаман, прихватив из вертолета сумку, одним махом избавил меня от большинства проблем. Ежедневник же еще с паролями и кодами доступа, список контактов в телефоне. Я бы половину информации не смогла восстановить. Mamochki, какое фантастическое облегчение! Расцеловать бы Изгу, да неправильно поймет.

Так. Следующий момент. Телефон. Поступил шаман правильно. Хотя я и обижалась немного, что не сказал все сразу, но ругать его особо не за что. Существой мифические наемные убийцы в реальности, меня бы это спасло. Как бы убедить его, что опасности нет? Да, он бормотал что-то про метку смерти, но какие, к черту, метки? Вертолет упал случайно. Точка. Не злые духи же ему лопасти раскрутили в обратную сторону и выкачали горючее? Всегда есть грань между материальным миром и тем, куда ходит Изга под ритм бубна. Законы физики, например. Двигатель не мог отказаться просто так, поломка в момент взлета уже была.

— А как ты меня нашел посреди тайги? — спросила я, обернувшись на шамана.

Не помнила уже, задавала ли этот вопрос. Сейчас была готова выслушать и «потустороннюю версию» в том числе. Изга не спешил отвечать. И чем дольше молчал, тем отчетливее я понимала, что помогли ему вовсе не навигатор с сигнальными ракетами. Хорошо, я деликатно подтолкну:

— Да ничем уже не удивишь. В бубен стучал?

— Да, — глухо ответил он. — Я камлал к духу-хозяину места, где упал вертолет и он подсказал мне путь. Сам вертолет просто увидел. Он на авторотации долго планировал и громко шумел.

Блин, как все просто. Я ждала откровений о разговоре с богами, а тут всего лишь: «Иди два часа прямо, а потом налево, за холмом с тремя соснами искомое пожарище». Лихо. Я со своим топографическим кретинизмом в городе без карты ориентироваться не могла, а Изга ходил по тайге, вспоминая неясные видения из транса. И ведь нашел. Здесь мне доказательств чуда не требовалось. Будь как-то иначе, я бы сгорела или замерзла насмерть.

— Все равно мне нужно как-то добраться до дома. У меня аврал на работе, понимаешь? Дистанционно не все вопросы можно решить. Да и отец волнуется. Он пожилой человек, у него слабое сердце. Как бы мы не ругались, я его единственная дочь. Я не верю, что ему наплевать. Иногда так кажется от обиды, злость на нем сорвать хочется. Но я не думаю, что он легко махнет рукой: «Пропала и ладно». Нельзя включать мой телефон, давай позвоним с твоего. Сам ему скажи, что я жива, все в порядке и скоро приеду. Пожалуйста.

Я редко кого-то искренне просила так, как Изгу. Обычно, если человек упирался рогом, я или давила через его покровителей или искала обходные маневры. Всегда есть больше, чем один способ решить проблему. Да, будет дороже, дольше или сложнее, но препятствие нужно обойти. Почему так делала? Не хотела унижаться. Любой проситель априори слаб. Пнуть его и отказать — сплошное удовольствие. Особенно женщину. Особенно в «мужской» строительной профессии. Я поздно поняла, что и шаману-то зря сказала «пожалуйста» и заглядывала в глаза. Хрупкое равновесие без скандалов, мое спокойствие, потеплевшее отношение к Изге — все перечеркнется одним холодным

«нет». Меня перекорежит от боли и вернется желание спорить, стоять на своем до последнего и язвить. Защитная реакция. Шипы дикобраза. Да, я это понимала.

Шаман встал с дивана и дотянулся до джинс, висящих на стуле. Носил все-таки нормальную одежду.

— Твой отец не связан с меткой. Он не желает тебе смерти и не причастен к покушению. Это я тоже могу видеть. Мой телефон отследят, если я позвоню напрямую. Лучше передать послание через другого человека. Он уже согласился вмешаться в это дело, думаю, мы не навредим ему сильнее. Подумай, что написать отцу. Коротко, но с какой-нибудь важной деталью, известной только вам. Вот телефон.

В мою ладонь лег тонкий смартфон с большим экраном, а по телу волнами разливалось тепло.

Глава 7. Совпадения

Сам девайс не при чем, было приятно, что Изга уступил. А еще он включился в мои проблемы и начал их решать. Причем не просто разговорами о зловещих знаках, а реальными делами. Редкие мужчины в наше время настолько щедры. Особенно после всех моих недавних сцен. Другой давно бы выставил с вещами за дверь: «Жива, здорова? До свидания». Холостяки особенно не любили, когда женщины клевами им мозги. Не привыкли они. Вернее, никто не приучил за десять лет брака. А тут не просто холостяк, но целый затворник. Сандару вон как развернул обратно к мужу. То самое «Свободна!» Почему со мной тогда обращался по-другому?

Я открыла окно сообщения и задумалась над экраном. А, правда, почему? Понравиться я ему не могла. Тощая, побитая, с размазанной по лицу косметикой. Еле смысла остатки водостойкой туши, пока шаман сидел в гараже. Кричала, ругалась, рвалась куда-то. С кулаками на него набросилась, в конце концов. Типаж «истеричная баба», как он есть, и вдруг такое внимание. У меня паранойя разыгралась, версии в голову полезли самые неприглядные. От соучастия в покушении на мою жизнь до расчета на особую награду. Выкуп, например, за богатую наследницу. Раз шаман забрал мою сумку, то и в документы мог заглянуть. Ежедневник почитать, баланс карт проверить с телефона. А что? Деньги всем нужны, даже таежным затворникам. Тем более, у него дом не достроен.

Я делала вид, что сочиняю письмо отцу, а сама прокручивала версии в голове. Покушение сразу мимо, зачем тогда спасал? Выкуп тот еще бред, но опровергнуть его никак не удавалось. Изга меня кормил, спать укладывал, держал возле себя и запрещал пользоваться телефоном. Таинственную метку смерти только он видел и легко мог ее придумать. Запугивал опять же: «Тебя убьют! Нельзя домой!»

Я покрутила телефон в пальцах еще несколько секунд и сказала:

— Любое сообщение можно отследить. Насколько длинной должна быть цепочка отправителей и получателей, чтобы твой телефон затерялся? Или ты компьютерного гения попросишь помочь? Бесполезно. Отец письмам с неизвестных адресов не доверяет. Удалит, как спам, не открывая.

— Не будет сообщения, — покачал головой Изга. — Вернее, оно будет, но я попрошу Сергея поговорить с твоим отцом лично.

— Какого Сергея? — нахмурилась я, подозревая, что хитрый план шамана сейчас превратится в не очень вменяемую авантюру. — Мужа Сандары? Или его друга из деревни? Да охрана их близко не подпустит ни к офису, ни к нашему дому.

— Конта Сергея Геннадьевича. «ТФК-групп».

Вот теперь у меня точно поехала крыша. Все версии смешались и превратились в совсем уж невероятный гибрид, поверить в который — глупость. Я просто села на диване, вытянула ноги и спросила:

— Откуда ты знаешь сына Конта?

Взгляд Ирины снова стал колючим и недоверчивым. Минуту назад сияла улыбкой, с восторгом держала смартфон в руках и вдруг словно кто-то еще один сгусток тьмы к сердцу подсадил. Изга никогда не забывал, как осторожны в знакомствах богатые люди, но только сейчас понял, какую ошибку совершил. Не пришлось бы, кроме Сергея, выдавать других столичных просителей. Их мир слишком тесен, а многие предпочитали держать в тайне свои обращения к шаману. Нет, стеснялись не его, а проблем, с которыми приходили. Дочь Анциферова три года прожила в частной психиатрической клинике. Голоса слышала, вены резала, на стены бросалась. Изга приехал, рассчитывая увидеть подселенца, а дело было в широком канале до мира теней. Дар у девушки. Достаточно редкий. Но родители слышать о нем ничего не захотели: «Можешь его закрыть? — Да, могу. — Все прекратится? — Да, прекратится. — Делай!» Теперь она с амулетом ходит, не снимая его ни на секунду. А Изга дом построил на гонорар за работу и молчание.

За молчание. Ирина, хоть и предназначенная ему пара, но чужой человек пока. И не известно, сложится ли хоть что-нибудь. А проблем от Анциферова можно получить. Сергей Конт тоже не кричал на каждом углу, что женился на медиуме. Даже отец его не знал. Ровно четыре человека в курсе: Изга, Сергей, Наталья и Андрей Соколовский. Говорить Ирине или нет?

Любая откровенность сейчас сближала, но делала обоих уязвимее. Это как снимать пластины с брони. С одной стороны показываешь себя таким, какой есть, а с другой открываешься для удара. Изга уже пытался жить с женщиной, которую считал любимой. Рассказывал ей так же, как Ирине, про духов, Эрлика, других шаманов. Пока однажды не пошутил про Джокера и Харли Квинн: «Понимать, что кто-то такой же псих, как ты — бесценно». Татьяна засмеялась и махнула рукой: «Ну, я-то знаю, что ты псих и не переживаю. Подумаешь». Изгу кольнуло больно. Он половину жизни прожил с ощущением, что с головой не все в порядке. Тысячу раз доказывал, что имеет право считать себя нормальным и все равно сомневался иногда. А тут такая простота и добродушная снисходительность. «Это же не трагедия, — добавила Татьяна. — Другие мужики вон, с виду все такие адекватные, выпьют и с ножом бросаются, а ты всего лишь в бубен стучишь. Ерунда. Главное, что человек хороший и руки из правильного места растут. Хозяйственный. А духи твои. Ну, духи, что теперь?» Изгу как отрезало. Только что чувства были к Татьяне и пропали. Неделью с ней после этого прожить не смог. Собрал вещи и уехал.

Не наступить бы второй раз на одни и те же грабли. Сейчас он выложит все, что в нем есть, Сергея впутает, а Ирина потом не захочет связываться с таким психом. Хорошо, если молча уйдет, не сказав тех слов, что забыть потом невозможно.

— Знакомы мы с Контом, — тихо ответил шаман. — Знаешь, я тут подумал, давай не будем мудрить. Звони отцу со второй симкарты, если хочешь. Я ее выброшу и все.

Изга дал заднюю. О чем-то подумал и за пару мгновений разбил все мои предположения о выкупе. Должен был удерживать меня в доме до последнего, а вместо этого фактически выдал билет на свободу. Как только Карл Рима узнает, где его дочь, сюда примчится половина охраны во главе с ее начальником, и никакого выкупа не будет. Метка, опять же. Снаружи для меня уже стало безопасно? Шаман не мог отпустить меня просто так, раз уж верил в то, что видел.

Дело в младшем Конте, да? Изга разрешил позвонить отцу, лишь бы я про Сергея не спрашивала? Зря, конечно. Теперь я поняла, что их связывает нечто большее, чем шапочное знакомство. Шаман ведь ни секунды не сомневался, что Конт поможет. Даже осторожничать не стал, сразу пообещал: «Сергей лично поговорит с твоим отцом». Крепко младший Конт должен. Практически жизнью обязан. Хотя я до сих пор была в шоке, что такое возможно.

Нет, все логично, не подкопаешься. По-настоящему сильный шаман — жемчужина в море песка из шарлатанов. Его навыки уникальны, конкурентов нет, а услуги требуются не только бедным жителям деревни. И если Сандара рассчитывалась продуктами, то Сергей Конт платил твердой валютой. Отсюда и дом в два этажа. А недостроенный, потому что любой, даже весьма солидный гонорар — величина не бесконечная. Шаман

отработал, деньги получил и все. Дальше больные зубы за творог и мясо заговаривает. Я утрирую, конечно. Судя по тому, что я видела, масштаб у Изги совсем другой. И причина не ставить свою работу на поток тоже есть. Интересно, какая?

Надо же, мне интересно. Два пробуждения назад слышать ничего не хотела о мужчине в медвежьей шкуре и птичьей маске, только что подозревала его невесть в чем, и уже снова умираю о любопытства. Телефон держу в руках, отцу нужно звонить, а я думаю, почему Изга не гонится за богатством? Столичные недоэкстрасенсы за копейку готовы удавиться, а настоящий шаман в высшие круги вхож и живет в недостроенном доме. Ох, напрасно я ищу загадку там, где ее нет. Не гонится, потому что настоящий.

Я набрала на телефоне выученный наизусть номер. Отец достал по блату «красивый» и не менял его много лет. Девятьсот один, девятьсот один, четыре ноля. Разница во времени у Якутска со столицей шесть часов. Если здесь смартфон показывает три часа ночи, то у отца девять вечера. В самый раз. Даже будить не придется. Черт, пятый гудок. Не спешил Карл Риман принимать вызов с незнакомого номера.

— Да?

Короткое, хлесткое и тихое «да». Для чужих. Мне он всегда отвечал «ну» или «внимательно». Но в животе все равно потеплело. Еще немного и я вернусь домой.

— Папа, это я.

Он шумно втянул носом воздух и понеслось. Когда Карл Риман говорил, я успевала вставить одно или два слова в короткие паузы между фразами. Не важно, прямой вопрос он задавал или паузу делал, чтобы вдохнуть новую порцию воздуха. Два слова. Дольше он меня слушать категорически не хотел.

— Ирина, ты в своем уме? Ты где? На часы смотрела? Сейчас, на минуточку, вторник. Вечер. Я сказал тебе разобраться с банком не позднее утра понедельника. В чем дело? Ты застряла в Магадане? Языка нет? Позвонить не могла? Телефон недоступен, я шесть раз набирал. Тебе скоро тридцать лет, я говорю одно и то же. Умри, а будь на связи! Мозгов не хватает запомнить?!

Он кричал, а я прижимала динамик к щеке, чтобы не оглохнуть. Изга выкрутил громкость на максимум. Не знаю, зачем. Теперь шаман слышал, как отец отчитывает дочь, даже с другого края дивана.

— Хватает, папа.

— Не заметно! — мой спокойный тон еще больше его раздражил. — Так, все. Мне плевать, где ты и чем занимаешься, чтобы завтра утром была в офисе, иначе я отстраню тебя от проекта. Ты поняла меня? Отдам его тому, кто умеет работать. У тебя последний шанс! Время пошло.

Он бросил трубку. В ушах у меня до сих пор звенело каждое слово и затихало неразборчивым эхом. Да, я виновата. Не справилась, исчезла в самый ответственный момент и всех подвела. Знала, что слишком много на себя беру, что надорвусь, но надеялась перетерпеть. Дожать банк с кредитом и работать потом в более менее штатном режиме. Один проект. Единственный шанс вырваться из-под контроля отца и сделать что-то значимое самостоятельно. Доказать всем и в первую очередь себе, что природа не всегда отдыхает на детях успешных людей. Что я профессионал, а не просто дочь.

«Риман? Вы, случайно, не родственница?» Стоило мне представиться, как это сразу меняло тон беседы и ломало половину из того, что я хотела сделать. Я больше не могла прыгнуть выше головы и создать нужно впечатление. Меня снисходительно считали богатой дурушкой, решившей поиграть в бизнес отца. «Наследница же. Нужно вникать, а в голове одни Мальдивый, Сейшелы, Бали и последние модели яблочного смартфона. Вот и мается, бедная».

Теперь вся ирония в точку. Отец доверил мне проект по строительству крупного грузового терминала в Магадане, а я обгадилась жидко. Поступила, как студентка-раздолбайка перед важным зачетом. Не выучила, пробухала всю ночь, а утром просто

забила. Никуда не пошла. «Гори оно все синем пламенем», да. И никого не волновало, что мой вертолет рухнул посреди тайги, а я потеряла селезенку. Уважительная причина не работать — только смерть. Все остальное — гнилые отговорки. Отец долбил своих замов, даже когда они лежали в больнице. Один с острым панкреатитом, другой после операции на носовой перегородке. Вадим говорить не мог. Гнусавил так, что я половины слов не понимала, но исправно был на связи и работал, лежа в палате. Прости, папа, я так не смогла. Никчемная, тупая, бесполезная дочь. Замуж не вышла и карьеры не построила.

- Звони, — кивнул Изга. — Только куда? Скажи, может, я помогу?

— Мне нужен транспорт. Любой. Срочно. Если завтра утром я не выйду на работу, то потеряю ее. С учетом разницы во времени, у меня двенадцать часов.

— Ты не успеешь, — спокойно ответил шаман. — Три часа ночи. Все, у кого в деревне есть снегоходы, крепко спят. Здесь не столица, торопиться никто не привык. Даже если я подниму их из постели звонком, они скажут: «Утром». Это сразу минус шесть часов от твоих двенадцати, а то и больше. Дальше я считать не буду. Самолет из Якутска до Москвы летит почти семь часов, а на него еще сесть нужно. Билеты купить. Чудо, если они есть на ближайший рейс. А если нет? Мы зря потратим время на дорогу, ты перемерзнешь в своей тонкой и короткой шубе. Селезенки нет, иммунитета тоже. Болезнь будет очень тяжелой. Подумай, Ирина, нужно ли тебе это?

— А что ты предлагаешь? Сидеть здесь, пока то, на что я потратила полтора года жизни отдадут другому? Тебе плевать, конечно, не твоя карьера летит к черту! Давай, скажи мне, что есть еще что-то важное, кроме работы, я послушаю в сотый раз. Семья, дети? Двадцать восемь лет — рожать пора. «Часики-то тикают, потом поздно будет». «Место женщины у плиты» и тому подобный бред?

— Ты жить хочешь? — сухо спросил Изга. — Не ради работы или стояния у плиты, а просто жить?

Я почувствовала, как меня дернуло в ответ. Захотелось вызвериться на шамана. Кричать, не подбирая слов. Опять начнет меткой пугать? Достал! Легкие распирали от набранного воздуха, кончик языка трепыхался во рту, но я вскочила с дивана и села обратно. Порыв сдулся, как воздушный шарик. Внезапно, но почти незаметно.

Сколько себя помнила, кошмары мне всегда снились на одну и ту же тему. Я опаздывала. Сначала на уроки в школе, потом на занятия в институте. Вроде бы что-то делала, собирала вещи, но стрелки на часах перескакивали с цифры на цифру, стоило моргнуть. И вот я сидела, опустив руки и не понимала, как так получилось? Куда делось время? Я же старалась, а вернуть уже ничего нельзя. Поздно.

Завтра отец подождет меня пару часов, а потом вызовет другого сотрудника и скажет ему: «Принимай дела». Увольнять не будет, но я сама не захочу работать дальше. Я уже не хочу. Жар и нервяк исчезли из груди. Мне все равно, получим ли мы кредит, появится ли терминал в Магадане. Мне так пусто и спокойно, будто и не было ничего.

— Ирина, — тихо позвал шаман. — Я ведь не выгоняю тебя. Наоборот. Сейчас покой нужен, регулярный осмотр хирурга, медикаменты, перевязки — у меня все есть. Считаю, что ты на больничном. Здоровье дороже любой работы. Поправишься, вернешься и решишь свои проблемы. И карьера у тебя будет и все, что хочешь. Только живая останься, пожалуйста.

Я попробовала улыбнуться в ответ, но лицо сковала гримаса. Родной отец бросил меня в беде, даже выслушать не захотел, а совершенно чужой человек спас и продолжал спасать, не смотря на все мои попытки сбежать. Это больно, на самом деле. Я не сделала отцу ничего плохого. Я двадцать с лишним лет из кожи вон лезла, чтобы угодить ему и не заслужила даже вопроса: «Как ты, дочка?» Плохо, папа. Я ждала, что ты полюбишь меня, но так и не дождалась. Больше не хочу. Живи один, строй свой бизнес, будь счастлив. Надеюсь, без постоянных разочарований во мне тебе станет легче.

Слезы ударили жаром в переносицу. Я пыталась вдохнуть, отвернуться, но капли воды все-таки упали из глаз. Изга не задавал вопросов и не лез с сочувствием. Он просто сел рядом. Его огромное тело заслонило свет и на миг закрыло дыру в моей груди, в моем

мире. Я качнулась к нему и упала прямо в руки.

— Ира, — прошептал он и обнял. — Ну, что ты?

Слезы уже текли нескончаемым потоком, я всхлипывала и тихо выла. Забралась к нему на колени, как маленькая девочка, и уткнулась носом в шею.

— Прости, — пробормотала я, захлебываясь. — Сейчас пройдет. Я успокоюсь.

— Все хорошо, не надо. Все хорошо.

Шаман гладил меня по спине широкими размашистыми движениями. Обнимал так, что не хватало воздуха. Теплый, близкий, родной. Я пропитывалась от него ароматом дыма и разогретых березовых поленьев. Он баню топил?

— Давай я тебя чаем напою, — предложил Изга.

— С медом?

— И с вареньем.

Я улыбнулась. На этот раз легко и просто. Слезы высохли на щеках, руки больше не дрожали, но сладкое пришлось бы кстати.

— Шоколадку бы.

— Извини, закончилась, — покачал головой Изга. — Буквально перед твоим появлением съел. Но печенье осталось. Если не высохло.

— Давай печенье, — развеселилась я.

Ирина сидела на стуле, поджав одну ногу под себя, а второй болтая в воздухе. Длинная рубашка собралась складками на бедрах, глубокий вырез опасно спускался до груди. Шаман заварил чай, достал из погреба варенье, положил в вазочку печенье, а все никак не мог успокоиться. Каждый новый взгляд на девушку возвращал не самое уместное сейчас желание.

Дождался. Довозмущался, что не видит женщину в своей предназначенной паре, и вот оно. Пока обнимал и крепко прижимал к себе, у него встал. Уверенно так, устойчиво. Поцелуя не понадобилось, невинных прикосновений хватило. Запах помог, конечно. Тончайший аромат кожи и волос. Уникальный, неповторимый. Парфюм давно выветрился, косметика смылась, осталась естественность. Гладкий лен под ладонями, тепло тела. Какая же Ирина все-таки легкая, почти невесомая. В объятиях сжимать страшно и одновременно хочется стать еще ближе. Чтобы не чувствовать между телами воздуха, одежды...

— У тебя телевизор тоже сломался? — звонко спросила Ирина. — Ты его ни разу не включил. Вообще.

Шаман от неожиданности чуть не уронил стеклянный заварник. Несколько капель кипятка упали на ладонь. Духи резвились. Предупреждали, чтобы не бежал со своими желаниями впереди паровоза. Девушка всего лишь согласилась повременить с отъездом, а он уже мысленно раздевал ее и укладывал в постель. Воздержание в голову ударило? Потерпеть не мог?

— Нет, он рабочий, — ответил Изга и понес заваренный чай к столу. — Я его не включаю, потому что не смотрю. Новости можно в интернете узнать, а фильмы я давно привык в онлайн-кинотеатрах искать. Держать телевизор фоном? Зачем? Когда о чем-то думаешь, все равно его не слышишь, а изредка пробивающаяся реклама раздражает.

— Вот у меня так же, — кивнула Ирина, наливая себе чай в пузатую кружку. — На работе не до развлечений, а когда вечером домой приходишь, хочется посидеть в тишине. От постоянных разговоров развивается непереносимость нарочито бодрых голосов ведущих новостей и многочисленных ток-шоу. Думаешь: «Господи, и тут покоя нет». Берешь пульт и выключаешь.

Она сейчас тоже казалась нарочито бодрой. Торопилась замять неловкость со слезами. Шаман догадался, что разговор с отцом расстроил до резких выпадов и не до конца обдуманных решений. Что-то происходило в голове у Ирины. Кипело все, бурлило, переваривалось.

— Варенье вкусное, — перескочила она на другую тему. — Ягоду, правда, никак не угадаю. Оно из чего?

— Крыжовник и малина. У меня кусты растут на участке. Ягод в том году было мало, вот я и решил соединить.

— Ты умеешь варить варенье?

Спросила так, будто речь шла об игре на скрипке.

— Не велика наука. Ягоды, сахар и постоянно мешать, чтоб не подгорело.

— У меня бы точно подгорело, — вздохнула Ирина, облизывая ложку. — Дым столбом, черное дно у кастрюли и мерзкий привкус гари у варенья. Когда руки растут не из того места и душа к готовке не лежит, то хоть десять подробных видеорецептов посмотри, ничего не получится.

«А к чему у тебя лежит душа?» — хотел спросить шаман, но прикусил язык. Не время еще. Взгляд Ирины то и дело стекленел от задумчивости. Она сама не знала, что ей делать. Изга и так ходил по краю, соглашаясь, чтобы позвонила домой, предлагая помощь в поиске исправного снегохода. Не логично вот так выпроваживать девушку, когда не хочешь, чтобы она уезжала. Но давить и уговаривать остаться тоже нельзя. Женщины часто поступают от противного. Неосознанно. Просто потому, что защитная реакция включается. У Ирины при властном отце она очень яркая. На каждое «надо» давно вместо «хорошо» появляется «не хочу». Она и на шамана так же реагировала, когда проснулась в первый раз. Потому Изга и не верил пока в решимость провести «больничный» у него. Утром все может измениться.

— Давай спать, — предложил он. — Тебе на диване постелить или во вторую спальню пойдешь?

— Здесь останусь. В гостиной в смысле. Изга, а можно вопрос? Как ты ушел из медицины? Не почему, а как? Тяжело было?

Шаман прислушался к ощущениям. Нет, не вспыхивало ничего в груди, не давило сожалением. Ампутированная часть жизни давно зажила, культя сформировалась и фантомные боли больше не мучили. Ну, почти. Когда взялся за скальпель, чтобы спасти Ирину, тело и сознание будто бы в другой мир перенеслись. Или просто на несколько лет назад. Туда, где в холодной операционной ярко горел свет, и блестела хирургическая сталь инструментов. Духи оставили в покое, не мешали. Он снова был врачом, пока не понял, что нужно братья за бубен. Две половины души соединились и сработали сообща. Эрлик отпустил Ирину, ее физические показатели тут же стабилизировались. Так хорошо и легко стало, словно Вселенная наградила за все прошлые труды. И еще раз подтвердила, что решение правильное. Теперь он целый. Сложившийся.

— Сейчас я бы ответил, что нет. Не тяжело, — сказал Изга. — Но в то время так не думал. Критическая масса накапливалась долго. Бесконечная усталость, когда просыпаешься и кажется, что глаза закрыл пять минут назад. Не отдохнул совсем. Силы были только на работу и то на внутренних пинках: «Надо, надо, вставай, делай». А домой я приходил и падал на кровать. Не готовил, не мыл посуду. Голод поднимал с дивана, гнал к пустому холодильнику и аппетит пропадал. Я не находил ответа на вопрос: «Что приготовить?» Не мог сообразить. Закрывал дверцу холодильника и шел обратно на кровать. Время разделилось на внутреннее и внешнее. Одно текло очень медленно, лениво, другое пролетало незаметно. Глазом моргнул — полтора часа прошло. Книгу с полки взял — еще три. Вот и выходной кончился, а утром снова на работу. В один из дней я не дошел до ординаторской. Сел на ступени крыльца возле приемного покоя и пытался понять, что я здесь делаю? Меня растолкал фельдшер скорой помощи. «Нормально все? Да, нормально». Я достал телефон из кармана, позвонил зав. отделения и сказал, что увольняюсь.

— Скандал был, — догадалась Ирина и сама продолжила за ним мысль. — Так и слышу твоего зав. отделением, как он кричит в трубку: «Ты с ума сошел? Работать некому! Кого я найду на твое место?»

— Да, примерно так, — подтвердил шаман, прикладывая ладони к обжигающим бокам кружки. — С моей спецификой было лишь одно отличие. «Ты ведь не уйдешь, Георгий. Все, что медик может поменять в своей жизни — цвет халата».

Ирина рассмеялась, добавляя теплоты в не самый легкий разговор. Шутка про халат старая, но до сих пор звучала удачно.

— Он ошибся, я все-таки ушел, — продолжил Изга. — Неделю только и делал, что спал, ел, отвечал на звонки по телефону и посылал всех, кто пытался растормошить меня, вразумить и заставить передумать. Одна из лучших недель в моей жизни. До сих пор вспоминаю ее с благодарностью.

— Не ломало без работы?

— Ломало, — признался шаман. — Время совсем остановилось. Я чувствовал, что превращаюсь в амёбу. Скользкую, неповоротливую. Нельзя же постоянно спать, нужно что-то делать. Деньги в зачатке были, расчет я получил, но скоро они закончились. Голод замаячил на горизонте. Мир так устроен, что деньги нужны всегда. Даже если взять бесконечно маленькую сумму, то все равно вынь да положь ее каждый месяц. Иначе сдохнешь. И я сломался. Плюнул на все и разослал резюме по найденным в интернете вакансиям. Работу себя почувствовал. В ошейнике и на цепи, привязанной к стене. Впереди миска с едой, но длины цепи не хватает, чтобы до нее дотянуться. Не до жиру, как говорится, не до роскоши, просто бы пожрать. И так день за днем, день за днем до самой смерти.

Ирина притихла. Задумчиво водила пальцем по кружке и смотрела в пустую стену. У всех свой необходимый минимум. Одному хлеба хватало, другому без яхты жизнь адом казалась. Да, он ужметса, откажется, перебьется, но мысль: «Зачем все было? Ради чего?» станет мелькать все чаще. Мало уйти с нелюбимой работы, нужно найти любимую. И крайне желательно найти ее до того, как есть станет не на что. Изга терпел три месяца. Потом все.

— А как же мотивация? — спросила Ирина. — Какой-то смысл, высшая цель? Любая работа раздражает так, что ее хочется бросить. По-другому не бывает. Тогда должно быть что-то, толкающее вперед, не смотря на злость и усталость. Мой холдинг «Альянс» собирается построить грузовой терминал в Магадане. Это развитие отрасли, новые рабочие места, жизнь, в конце концов, там, где ее раньше не было. У тебя все гораздо круче. Ты людей спасаешь. Я, можно сказать, ерундой занимаюсь, но ты-то нет.

Изга знал, что если он начнет объяснять, сколько всего прячется за фразой «спасаешь людей», то и за месяц не закончит. Стандартные вещи про маленькое кладбище у каждого хирурга, профессиональный цинизм, черный юмор и быстрое выгорание знали все. Об остальном только смутно догадывались. Ирина права, было что-то, приковывающее к намертво, превращающее медицину в наркотическую зависимость. Призвание. Слово, затертое до дыр миллионами языков, но не потерявшее смысла, как «здравствуйте». Оно отзывалось в сердце хирурга Извольского двадцать лет, а потом замолчало. Нет, он не ошибся, когда поступил в медицинский. Просто в какой-то момент этого стало мало.

— Спасал людей, — поправил шаман. — Обо мне как о враче нужно говорить в прошедшем времени. Да, я захотел вернуться. Даже собеседование прошел, документы принес в отдел кадров. Внештатным хирургом собирался стать в частном медицинском центре. Мне дату выхода на работу озвучили, и я ушел ждать. Две недели всего, пока женщина, которую я должен был заменять, декрет оформляла. Я прибрался в квартире, выкинул хлам, побрился, вещи погладил. Решил на всякий случай позвонить кадровикам. Все ли в силе? Выходить ли завтра? И услышал: «Ой, извините, нет. Я замоталась, забыла вас предупредить. Мы взяли другого человека».

— Замоталась она, — громко фыркнула Ирина. — А если бы ты вышел на следующий день туда, где тебя никто не ждал? «Ой, извините?» Курица безмозглая, не выношу таких. Организованности — ноль. Ну, навязали ей кого-то другого «сверху». Руководство

позвонило: «Этот придет, оформи». Так часто бывает, ничего нового, но доработать-то нужно!

— Случайность, — тихо ответил шаман. — Ну, забыла и забыла. Никто не виноват, что так получилось.

— И ты решил, что это знак? Что теперь-то точно нужно все бросить? — никак не могла успокоиться Ирина. Ее громкий голос волнами раскатывался в тишине пустого дома. — А потом? Как ты стал шаманом?

Изга вздохнул и улыбнулся.

— История получится еще длиннее. Давай спать. Я завтра расскажу, обещаю.

— Ой, Шахерезада таежная, — поддела его Ирина. — Тысяча и одна ночь в сибирской глуши. Как там было? «Настало утро, и я прекращаю дозволенные мне речи». А сегодня никак? Время же детское.

— Четыре часа. Скоро рассвет, — уточнил шаман и во рту появился привкус горечи от нехорошего предчувствия.

Она торопилась, потому что хотела улететь. Думала, замотается со сборами, звонками и будет не до историй. Сейчас просила. А он действительно хотел побыть Шахерезадой, чтобы откладывать казнь каждую ночь тысячей историй. Чаем с вареньем, покоем и тишиной дома, где никто не скажет: «Мне плевать на тебя».

— Ох, мамочки, — вздохнула Ирина, повернув голову к часам на стене. — Провалилась в отключке, теперь сна ни в одном глазу. Вот и забыла эгоистично, что ты весь день бегал и устал. Извини. Конечно, иди спать, завтра поговорим. А я еще немного посижу, хорошо? Оставишь мне свой телефон? Я не буду звонить, мне просто скучно. Можно игрушку скачать? Одну. Шарики «три в ряд». А?

— Хорошо, — ответил шаман сразу на все вопросы и закрыл глаза.

Она не спросила про билет до Москвы, снегоход и человека в деревне. Он тоже не будет. Еще один день есть, пусть Ирина думает. Гоняет шарики пальцем по экрану и думает.

Случайностей не бывает. Духи прислали человека в медцентр, чтобы Изга не вышел на работу. Отец Ирины вспылil и обидел дочь тоже не просто так.

Глава 8. Вещий сон

Косметику я всегда носила с собой не потому что я такая фанатка помады, теней и туши, что жить без них не могу, а по другой причине. Чисто практической. Утренний сон самый ценный. Я могла лечь в восемь вечера, но если просыпалась в пять утра, то весь день ходила вареной рыбой. Поэтому будильник звонил за полчаса до выхода из квартиры. Времени хватало, чтобы встать, умыться и одеться. Даже для чашки чая организм не чувствовал себя достаточно бодрым. Окончательно открывала глаза я только сев за руль. Ненавидела ездить на машине. Агрессивными и непредсказуемыми казались абсолютно все пешеходы, регулировщики, женщины с колясками, другие машины в одном потоке со мной. От необходимости следить за ними каждую секунду развивался стресс, и в офис я заходила уже предельно злая и издерганная.

Друг отца, учивший меня в свое время водить, советовал материться за рулем. Окна закрыты, в общем шуме этого не слышно, а напряжение сбрасывается. Я не смогла. Воспитание не позволило и фантазии не хватило. Пара коротких слов шепотом сквозь зубы погоды не делали. Поэтому, чтобы не рычать на подчиненных и не откусывать им головы, я приезжала на полчаса раньше. Заваривала чай, доставала из сумки толстенную косметичку и садилась наводить красоту.

Первое время мое уединение пытались прервать. Сотрудникам было стыдно приходить на работу позже начальника. То один менеджер, то другой приезжали за час до начала рабочего дня и скучали потом за монитором. Я собрала отдел и объявила, что переработки им не оплачиваются, никаких поблажек из-за лишнего часа в графике не будет. А если кому-то захочется пожаловаться на ненормированный рабочий день, то разговор пойдет об увольнении. Мне героизм на пустом месте не нужен. С тех пор все приходило ровно в девять утра, а я успевала накраситься, позавтракать и подобрать.

Косметичка и все еще содержимое в аварии не пострадали. Пока Изга спал на втором этаже, я закрылась в ванной комнате и вымыла голову. Под душ не полезла, за повязку на животе испугалась. Обтерла себя мочалкой так, чтобы не задеть ее. Боль после операции отпускала потихоньку, и я надеялась, что она скоро пройдет. Часы показывали полдень, когда я, высушив волосы полотенцем, взялась за основу под макияж.

Краситься дома, сидя на больничном — глупость. Кожа должна отдыхать от косметики. Но я стояла с тубиком в руках и размышляла, почему я так сильно хочу быть красивой? Для шамана ведь. Он единственный мужчина на многие километры вокруг. Но я же решила для себя, что ничего между нами не будет. За исключением той вспышки ревности от поцелуя Сандары он меня не интересовал совершенно. Или это уже не так? В какой момент появилось желание уложить волосы, нарядиться в приличную одежду вместо бесформенной сорочки? Еще вчера было совершенно все равно, как я выгляжу, а теперь нет. Что случилось?

Объятия? Да, я расплакалась и позволила себе лишнего, но не в двадцать же восемь лет терять голову от того, что сильный мужчина утешил. Погладил по спине. Я сидя на коленях не почувствовала ни его, ни своего возбуждения, так почему сейчас сердце не на месте? Бьется где-то в животе и отзывается волнами дрожи.

Никогда не понимала, как цепляется симпатия. Книжное «искра пробежала, взгляды встретились» — не работает. У меня, по крайней мере. Всегда начинается «от противного». Чем страшнее и неприятнее кажется мужчина, тем ярче потом влюбленность. Меня магнитом тянуло к сложным и противоречивым личностям. Не к «падшим ангелам» молодежной тусовки с Рублёво-Успенского шоссе, нет. У них как раз все просто. А к таким, как Изга. Чтобы внутри обитала скрытая ото всех бездна, и дух захватывало в нее заглядывать. Я уезжать не хотела, пока не услышу, как он стал шаманом. Я уже привязалась, приклеилась и приснившийся сон — лучшее тому подтверждение.

Низ живота сводило, стоило вспомнить. Я проснулась на комке из сбитой в кучу простыни. Всю ночь ворочалась, и места себе не находила. Безумно реальные ощущения, словно наяву все было. Я в ванную побежала проверить. Почему в итоге и полезла мыться — белье промокло. От ласк других мужчин так не заводилась, как от фантазии с Изгой. Вспоминать было стыдно, лицо жаром заливало. Я ласкала шамана языком. Развязала тесемки на его льняных штанах, освободила мужскую плоть и с ума сходила от

удовольствия. Вживую никогда такого восторга не испытывала. Как повинность отрабатывала. А с шаманом вот так приснилось.

Основу под макияж пришлось отложить в сторону. Я открыла холодную воду и долго умывалась, пытаясь успокоиться. Как в глаза ему смотреть буду? Любое даже самое потаенное желание чертовски заметно со стороны. Феромоны выделяются или гормоны играют — не важно, мужчины чувствуют. А потом решают, включаться в игру или нет. Инициатива не должна исходить от женщины. Наш удел — накрасить глазки, удлинить реснички и ждать. Любой намек, что ты не против отношений, обламывает самцам удовольствие от охоты и превращает тебя в шлюху. Он еще и побрезговать может провести с тобой ночь. Я была уверена, что Изга не такой, но наступать на эти грабли не хотела. Собрала всю косметику с широкого края раковины и сложила обратно в косметичку. Обойдусь без красоты. Без шамана тоже обойдусь. Полдень на часах, значит, в Москве шесть утра. Скоро отец решит судьбу моего проекта, три часа осталось, а я тут от эротических видений мучилась. Ерунду себе придумала. Не нужна я шаману. Женщина или нравится сразу или никогда. Мой вариант второй, иначе бы Изга давно хоть как-нибудь намекнул на первый. Ну, нет, так нет. Все, забыли!

На втором этаже тоже был санузел, но Ирина стеснялась туда подниматься. Или уехала уже, пока шаман спал. Пусто было в доме и тихо. Изга снимал пену с щек старенькой бритвой мучительно долго. Понимал, что оттягивает момент, когда нужно будет спуститься на первый этаж и увидеть сложенное стопкой постельное белье, еще теплую после чая кружку на столе и выключенный телефон. Если женщина хочет уйти — она уйдет. Сама откроет список контактов, вызовет снегоход и растворится в белой пустоте сугробов.

Ступени лестницы скрипели под ногами, перила липли к ладоням. За спиной поднималось солнце и рисовало лучами желтое пятно на полу. Шаман прошел по нему, едва ощущая жар босыми ступнями. Духи молчали, сердце тоже. Ни одного дурного предчувствия.

— Угу, — промычала Ирина, не отрываясь от телефона. — Доброе утро. Чай будешь?

Облегчение накатило волной и забрало силы, так щедро выданные утром на весь день.захотелось сказать спасибо Эрлику, духам помощникам и создателям игры «Шарики. Три-в-ряд». Изга слышал расслабляющую музыку, включенную на минимальной громкости, звук лопающихся пузырьков, звон монет и грохот крошечных взрывов. Ирина спряталась от внешнего мира. Не бронировала билеты на рейс, не сидела в обнимку с сумкой и даже не накрасилась. Последнее казалось особенно важным. Если женщина не накрашила глаза, значит, решила остаться дома.

— Чай? — переспросил шаман. — Буду.

— Тогда сделай, пожалуйста, — попросила она.

Забавно, но от такой маленькой домашней наглости стало еще теплее. Изга тихо смеялся, пока ставил кружки на стол и ждал закипающий чайник. Пропала девушка. Хоть пальцами перед глазами щелкай, хоть воду на нее лей.

— Далеко прошла?

— Сто семьдесят восьмой уровень. Я начала с самого начала. Можно, было, конечно, загрузить свой прогресс с фэйсбука на три тысячи с чем-то пройденных уровней, но я не стала.

Она не закончила мысль, увлеклась очередной комбинацией. Изга оставил чай на столе и сел на диван. Маленький тест на открытость: разрешит ли Ирина заглянуть в экран или шаман еще не достоин допуска в зону комфорта? Она стрельнула глазами. На мгновение подняла их от телефона и снова опустила. Невероятно женский жест. Как же тяжело не принять его за флирт.

— Интересно? — спросила она.

— Да.

— Тогда смотри.

Ирина села ближе к нему и развернула телефон так, чтобы было видно обоим. От огненно-красных волос, распущенных по плечам, к шаману потянулись тончайшие волосинки, заряженные статическим электричеством. Шерстяная кофта на девушке и волосы расчесаны пластиковой расческой. Хорошо, что джинсы хлопковые, иначе бы уже зарядами било.

— Играл в такую?

— Нет, — честно признался шаман. — Просто не понимал зачем.

— О, это бомбическая штука, — загорелась Ирина. — Не смотри, что яркая и нарочито детская, расслабляет по-взрослому. Из головы постепенно вытряхиваются все мысли, и возникает спасительная пустота. Даже нервы не тратятся, когда проигрываешь. Жизней много и они постоянно восстанавливаются. Не получилось пройти уровень с десятого раза? Обязательно пройдешь с пятнадцатого или двадцатого. Сложности в процессе забываются, результат остается. Мне иногда кажется, что алгоритм специально настроен так, чтобы после определенного числа неудачных попыток игра начинала поддаваться. Бонусы сыплются, комбинации сами собой складываются. И, наоборот, когда ты летишь по уровням, нигде не задерживаясь, тебе подкидывают проблем, чтобы притормозил. Выдохнул, подумал.

— Искусственный интеллект, — улыбнулся Изга

И маленькая философия. Ирина вывела ее, играя в шарики. Отследила закономерности, сделала выводы и разглядела глубину там, где не каждый заметит. За один короткий монолог рассказала шаману о себе больше, чем за несколько дней до этого. Удивительная женщина. При всех попытках казаться прожженным скептиком и убежденным материалистом она так тонко чувствовала. Никаких тестов на совместимость больше не нужно. Абсолютно все равно, какую музыку они оба любят, что предпочитают в еде, что думают о политике и устройстве общества. Одна мелочь определяла то, что называлось родством душ. Шаман и дочь хозяина строительной империи одинаково хорошо понимали глубину мира.

— А можно мне? — попросил Изга.

— Конечно.

Чай остыл. Длинная стрелка на часах совершила половину оборота, а шаман все так же сосредоточенно составлял комбинации из шариков. Я пригелась у него под боком. Чтобы держать телефон двумя руками Изга меня обнял. Неосторожная близость тел. Совершенно неосмотрительная. Но я ничего не могла с собой сделать. Влечение подтвердилось. Пустило во мне корни и цвело буйным цветом. Ничего во сне не показалось, я хотела этого мужчину. Запрещала себе все утро, отбрыкивалась и отказывалась, а потом не устояла.

Его запах теперь как наркотик. Выкуренная тайком от отца сигарета. Каким же сладким был ее дым. Каждый раз, когда шаман немного опускал затекшие на весу руки или пытался удобнее устроиться на спинке дивана, у меня по коже рассыпались искры бенгальского огня. Яркие, будоражащие. Я представляла вес его тела на мне, его силу и страсть, граничащую с яростью. Почему-то он казался именно таким. Будто носил медвежью шкуру на плечах не просто так.

Мне захотелось поцеловать его. Хотя бы в щеку, пахнущую одеколоном. Почувствовать губами тепло и прислушаться к самой себе. Ложь, что я никогда не хотела любить. Что сильным и независимым самореализация нужна больше семьи. Какой смысл путешествовать по миру в одиночестве? Рассматривать фонтан Треви в Риме, искать необитаемый остров в Тихом океане, продираться сквозь джунгли Амазонии. Какой смысл в ярких впечатлениях, если ими не с кем поделиться? Удивить друзей фотографиями в Фейсбуке? «Господи, — как говорилось в одном известном мультфильме, — да всем наср...». Всем, всем, всем, начиная от отца и заканчивая коллегами. Да любой будет счастлив, если я не вернусь. Кому-нибудь достанется моя должность и многообещающий проект.

И ведь я не могла успокоиться. Еще ничего не случилось, даже время до ультиматума отца не прошло, а я уже на взводе. Рядом мужчина, мы одни в доме посреди тайги, никто

не мешает и что? Я застряла в себе, как фраза на репите. Бесконечно гоняю по кругу одни и те же мысли. Мамочки, как вырваться? Я устала, я так больше не хочу!

— Чай, — пробормотала я, высвобождаясь из рук шамана.

— Угу, — ответил он, не отрываясь от телефона.

Еще одна душа, затерянная в гаджетах. Но ему можно, он практически дикарь, впервые взявший в руки бусы. Пусть отдыхает, разгружает мозг. Не самые легкие дни у него выдались и пациентка сумасшедшая.

Я не услышала, как он подошел. Просто взяла кружку и почувствовала его рядом. Словно два магнита притянулись и где-то там между ними заискрило.

Черт, да не описать это словами! Он был рядом, и я ощущала это так остро, что боялась дышать. Как тогда в танце с бубном он стал бездной. Огромной черной дырой, затягивающей в себя. Я чувствовала его затылком, спиной, бедрами. Легкий жар от тела, когда до прикосновения остается одно движение, один взмах ресниц, один стук сердца, но ничего не происходит.

Тончайшая преграда колыхалась между нами. Невидимая, невесомая. Сотканная из «она оттолкнет, он не примет, нам нельзя, это глупо, все закончится, так зачем начинать, мы расстанемся, рано или поздно мы все равно расстанемся».

Я хотела любить, как детеныш хотел уткнуться носом в живот матери. Туда, где жил ее запах. Бесконечно родной, единственный. Тянуться за ним, бежать рядом без вопросов: «Куда и зачем?». Без головы. Без мыслей. На инстинктах. На голых звериных инстинктах, когда вот это твое. А ты его. И больше ничего не надо.

Преграда рухнула. Шаман продавил ее, сделав тот самый последний шаг. Меня опалило жаром, сердце заколотилось в два раза быстрее. Без слов, без мыслей, без вопросов и решений. Как я мечтала.

Первый поцелуй был в затылок. Туда, куда доставали губы при нашей разнице в росте. Медвежья у шамана хватка. Плечи заныли, как сильно он меня обнял. Потом прядь волос за ухом, шея. Я не дала ему продолжить. Развернулась, задев бедром острый край столешницы. Боялась, что мы не совпадем вот прямо сейчас. Будет неловкость, робость. Он высокий, мне придется тянуться. Как?

Обалденно. С ума сойти, как хорошо. Изга посадил меня на стол. Поднял в воздух и на мгновение задержал на руках. Егохватило, что коснуться губ. Выпить с них вкус мятной зубной пасты. Запах уже кружил голову. Тот самый звериный аромат кожи, волос. Я путалась в них пальцами, скребла плечи, обтянутые рубашкой. Столько одежды между нами и плевать. Будто уже обнажены. Я обнимала его ногами, бесстыдно прижимаясь к бедрам. Нет, мне не показалось, никакого обмана. Он хотел меня тоже. Так сильно, что едва держался. Я уже представляла нас в постели. Чтобы все как во сне. Не отпущу его, пока не заставлю достичь пика и не выпью его удовольствие. Но страсть гасла. Вернее, шаман давил ее. Так плавно и мягко, что я почти не заметила.

— Ирина, — простонал он над моим ухом. Ладонями все еще гладил по плечам и слегка сжимал их. — Мы взрослые люди, ничего не мешает, но давай подождем. Ты совсем меня не знаешь. Есть нюансы. Их много и они очень разные.

— Ты болен?

— Нет, — коротко выдохнул он. — Я здоров. Пока был врачом, регулярно проверялся. Да и после. Нет, я здоров, дело в другом. Я — шаман. Духи превращают меня в зверя чаще, чем мне бы хотелось. Сначала ты должна привыкнуть. Понять, что может случиться, если я... потеряю контроль. Да, я боюсь напугать тебя или сделать больно.

— Что прям когтями рвать будешь? Как медведь?

— Нет, — замотал он головой. — Не настолько все плохо. Я могу не успеть остановиться, если ты вдруг скажешь нет.

Он хотел добавить еще что-то. Я видела, как набрал в грудь воздуха и через паузу

медленно выдохнул. Я могла сказать «нет» прямо сейчас. Он предоставил мне такую возможность. Не связываться с ним, не идти на риск. Про себя я уже составляла речь в духе: «Да ты что? Я совсем тебя не боюсь, все будет в порядке». Но эмоции успели упасть до уровня, когда включался разум. Шаман явно знает себя лучше, чем я его. И если просит подождать, значит, в этом есть смысл.

— Хорошо, — чуть хриплым голосом ответила я. — Тогда давай прокрутим неловкий момент на быстрой перемотке и встанем в точку, когда мы уже вернулись на диван и продолжаем гонять шарики пальцем по экрану.

— А завтракать ты не хочешь?

— Не отказалась бы.

— Омлет или яичницу?

- Бутерброды.

Благо на них было, что положить. Продукты Сандара точно ни за что не заберет обратно, а держать их, пока не испортятся, чтобы потом выбросить — идиотизм. Изга достал сыр, намазал на хлеб масло и положил рядом на тарелку ломтики копченой кеты. Каждые пять минут думал, как бы не отрезать палец острым ножом. Реальность рассыпалась на фрагменты, превращаясь в яркий винегрет. Красные кубики рыбы, желтые квадраты хлеба, белые пятна тарелок, кружек.

Возбуждение мешало, оно до сих пор не прошло до конца. Противно тянуло в паху и раздражало неудовлетворенностью. Хоть беги в ванную на втором этаже и снимай напряжение, как подросток. Правильно сделал, что остановился. Духи ржали в голос, но идут они всей толпой к Эрлику! Ирина даже не подозревала, насколько угадала с «рвать когтями». Как он был близок к тому, чтобы отпустить контроль над телом и позволить звериной сущности делать то, что ей хочется. «Моя, моя!» — стучало в голове.

А вот и нет.

Еще нет.

И никогда не будет, если близость случится прямо сейчас. Нельзя позволять Ирине, отравленной идеей свободы и независимости, решить, что и с шаманом у неё просто секс. Физиологический акт «для здоровья». Порыв напиться после которого утром приходит неизбежное похмелье и хочется вымести следы вчерашней слабости из своей жизни. «Все было здорово, удачи, созвонимся». Если Изга допустит нечто подобное, то она соберет вещи и улетит в столицу. А она улетит. Шаману же нужно, чтобы осталась.

Да и какая сейчас близость? Ирина хоть и поддалась страсти, но работа из головы никуда не делась. С такой заикленностью достаточно любой мелочи, чтобы выбить из нужного настроения и вернуть на старые рельсы. Изга будет ласкать ее грудь, а Ирина вспоминать номер телефона одного из деловых партнеров и мысленно делать пометки в ежедневнике: «Позвонить, решить вопрос, срочно». Если совсем все плохо, то может вылезти из-под шамана и пойти искать сумку. Ведь это же важно. «А что ты хотел? Ой, давай потом, я занята».

Серьезный был соперник у Изги. Целый строительный холдинг «Альянс» и его руководитель Рима́н Карл Федорович. Они настолько полно владели вниманием Ирины, что для шамана там просто не оставалось места. И уже в пятый раз за день эгоистично подумалось: «А не бросить ли ей работу?» Изга даже не замечал, как далеко его несло в этом направлении.

Денег им двоим точно хватит. Спрятавшийся от цивилизации дикарь имел солидный счет в банке Конта. Да, там не миллиарды миллиардов, но тайга учила, что многое из того, о чем принято мечтать, совершенно не нужно. Достаточные для комфорта траты куда меньше, чем раздутые обществом потребления стандарты успешности. Вместо Майбаха здесь нужен снегоход. Вместо золотых украшений с бриллиантами — сильные амулеты. Ладно, на счет бриллиантов он погорячился. Иногда они идут в работу. Фокусируют энергию нужного сорта. Шубы — да, но чтобы тепло, а не красиво. На море можно съездить, с этим проблем нет. Но все остальное — фантики, мишура, картинки с

рекламных буклетов.

— Тебе помочь с бутербродами? — звонко спросила Ирина.

— Нет, все готово, садись.

А с другой стороны, женщины не терпят отказов. Когда оба уже почти в постели, сказать нет — убить все, что могло бы быть дальше. Нет, она не перестанет улыбаться, будет вежливой. Даже слишком вежливой и приятной. Но любые поползновения в свою сторону начнет яростно пресекать. Из мести. «Ах, ты в прошлый раз обломал меня? Теперь сам страдай!» И чем дольше, тем лучше. Этого шаман тоже не хотел. С опаской приглядывался к спокойной и сосредоточенной Ирине. О работе думает или о том, как сбежать поскорее?

— У тебя есть бумага и ручка? Хочу порисовать.

— Этого добра навалом, — на выдохе ответил Изга, — но давай сначала поедим.

Бутерброды не жевал, а глотал. Холодный чай наполовину остался в кружке. Руки у шамана не дрожали, зато ногам досталось. Мелкий такой неприятный озноб, словно побочный эффект от спинальной анестезии. Реальность окончательно рассыпалась на миллион монет, подброшенных в воздух. Если шаман со своим отказом от близости совершил ошибку, то уже не знал, что делать. Выкладывать правду на стол? Твердить, что предназначенные друг другу должны быть вместе, иначе поодиночке никогда не будут счастливы? Он сам не верил в это до конца. Звериному чутью, голосу в голове «моя, моя» — да. А туманным выкладкам, приходящим с прозрением — нет.

Монеты встали на ребро. Удара сердца не хватало, чтобы упали в одну или в другую сторону. Вероятность всегда одинакова. Да или нет. Все остальное — красота формул. Начальные условия, чет, нечет, дано — обнуляются, когда монета вращается в воздухе. Вселенной наплевать, что ты придумал и рассчитал. Она поступит так, как ей нужно.

Скрип петель на дверцах шкафа до дрожи полоснул по нервам. Кровь ударила в голову. Изга ошибся! Открыл Ирине не то, что хотел.

— Ого, как много! — рассмеялась она и провела пальцами по корешкам ежедневников, исписанных от эрзаца до эрзаца рукой шамана. — Они пустые? А, нет, вижу, что не новые. Уголки кое-где мятые и потертые. Чьи они? Твои, рабочие?

Удар тока прошел по позвоночнику, духи слетелись голодной стаей. «Хотел, чтобы она лучше узнала тебя? Давай, чего скис? Страшно? А ты надеялся, будет легко? Не передумал еще? Шкуру ведь с живого сдерет и все разглядит. Вот он ты весь».

— Мои, — глухо ответил шаман. — Там... заметки. Я писал, чтобы не забыть то, что видел в трансе. Половины не помню... Большую часть. Разгружать нужно голову, искать ответы. Текстом получается точнее. Записывая, мысли структурируются...

— У меня тоже так, — улыбнулась Ирина. — Бывает, полчаса голову ломаешь, а возьмешь листок, нарисуешь и вот оно. Ты разрешишь посмотреть? Я понимаю, это личное, но все же...

Она замерла, не закончив фразу. В глазах вспыхнуло белое пламя. Как фонари на воротах в небеса. У Эрлика, кстати, точно такие же. Монета все еще стояла на ребре, а Изга не чувствовал ног. Татьяна всплыла в памяти, безразлично махнув рукой: «Подумаешь, псих».

— Пожалуйста, — тихо сказала Ирина и снова вместо двух-трех слов облизнула губы.

Духи сидели на плечах, по две сотни на каждом. Интересно им было. Изга с ума сходил от монотонного жужжания комаров и мелких укусов. Все, что могли — пустили в ход, но тянули в разные стороны. Ни понять, ни распознать, ни выбрать. Только самому решать. Его узловая точка. Ключевой момент.

— Хорошо, — кивнул Изга, едва согнув деревянную шею. — Можешь посмотреть.

Глава 9. Заметки

Шкаф с ежедневниками стоял в гостиной возле маленького стола и вращающегося кресла рядом с ним. Еще одно рабочее место шамана, я уже поняла. Чистые блокноты и мешок ручек к ним лежали за соседней дверцей от заполненных. Основательно Изга запаса. Я как фанатка канцелярии оценила. Шесть полок, утрамбованных в два ряда. Сколько же здесь лет?

Хотелось найти самый первый ежедневник. Возможно, он действительно был рабочим. Туда хирург Извольский записывал телефоны коллег, расписание совещаний, фамилии пациентов с заметками. Такие ежедневники всегда полупустые, если не сказать едва тронутые. Пара десятков записей под нужными датами и все. Занятые работой мужчины покупают блокноты в кожаном переплете, чтобы ничего не забыть, а в итоге забывают их заполнять. Девушки — другое дело. В социальных сетях есть целые сообщества любителей планирования. Домохозяйки и фрилансеры вручную рисуют сетку, заполняют списки, ведут трекеры полезных привычек. Ни один квадратный сантиметр страницы не остается пустым. Те, кто умеет, делают скетчи — наброски цветов, котят, веселых рожиц. Остальные клеят наклейки. Взрослые тетеньки занимаются тем же, чем маленькие девочки в школе. У меня в пятом классе тоже был такой дневник с вырезанными из журналов фотографиями поп-звезд, но даже в голову не приходило записывать туда количество выпитой за день воды, вести учет принятых таблеток и отмечать начало менструации.

Ежедневник шамана должен стать взрывом мозга. Не банальным переписыванием рутины, а крупницей той самой настоящей информации, которую ни за что не найти в открытом доступе. Нет ее там. Если и просачивается, то немедленно убирают. Зачем делиться секретами бесплатно? Да и за деньги никто не горел желанием. Особенно такие, как Изга. Я и сейчас не надеялась, что он с первых страниц откроет все тайны, но мечтала подглядеть хотя бы одним глазком. Шаман нервничал, пока я выбирала, какой блокнот прочесть. Сидел на диване и держал телефон вверх ногами. От задумчивости случайно включил фонарик и теперь у него между пальцами горел яркий белый свет.

— Они по датам разложены?

— Нет, я заполнял их хаотично. Сначала пытался делить по сферам, но потом плюнул и писал все подряд. Самые первые лучше не бери, там сумбур, начни где-то с середины.

Я до сих пор не верила, что он согласился. Да, в блокнотах рабочие записи, но в его случае это все равно, что пустить к себе в душу и позволить разгуливать там без присмотра. Безумно смело. Безумно.

Свою тетрадку с глупыми стихами и признаниями в любви мальчикам из класса я сожгла. Дождалась, пока наш подсобный рабочий разожжет отопительный котел, бочком просочилась в дверь и по одному листу сбросила все в камеру для топлива. В комнатах особняка потом долго было слишком жарко, отец ругался.

Вряд ли Изга писал в блокнотах между строк что-то уж совсем интимное. Иначе придумал бы любой повод, чтобы отказать. «Потом как-нибудь, не сейчас». Я бы поняла, не стала обижаться, но вместо этого держала в руках кусочек чужой жизни, выраженный словами, и никак не решалась его открыть.

«Ты совсем меня не знаешь. Есть нюансы, их много и они разные». Значит, захотел рассказать? Вернее, чтобы я сама увидела. Это подразумевало некий не произнесенный вслух договор. «Я открываюсь тебе, ты открываешься мне». Если я не готова к ответному жесту, то лучше поставить ежедневник обратно на полку. Изга тоже поймет. Не знаю, обидится или нет, я должна в себе разобраться.

Пустить человека к себе в постель гораздо легче, чем в свою жизнь. И то до конца не открываешься. Играешь роль, надеваешь маску и стараешься как-нибудь так получить удовольствие, чтобы не выглядеть пошло, глупо или смешно. Никаких посторонних слов, кроме эротичных стонов, нелепых движений, странных желаний. Нужно все время держать себя в руках и не увлекаться процессом больше, чем партнер. Иначе можно спугнуть его возбуждение. Мужчина фыркнет, отстранится, а потом скажет, что с тобой было так себе. Затем добавит еще что-нибудь про бревно и будет жалеть о потраченном

впустую времени. Мысленно, конечно. Тебе скажет: «Пока. Может, еще созвонимся».

Что шаман попросит взамен своей откровенности? Своих профессиональных секретов, мыслей, над которыми бился не один год? Рассказать об отце? Сдать пароли от внутренней сети альянса, заключить невыгодный для нас контракт на грабительских условиях или просто устроит допрос? Что я сама готова рассказать? Как мои единственные серьезные отношения закончились провалом? Что я с тоски купила вибратор и он до сих пор лежит в коробке? Батарейки уже, наверное, сели, и заводская смазка высохла окончательно.

«Смешно, — стучало в голове. — Пора выключать паранойю».

Слишком сложный заход для промышленного шпионажа. К тому же я сама попросила листок бумаги, а потом выклянчила право открыть блокнот. Изга хотел, чтобы я лучше узнала его, и сделал первый шаг. Смелый поступок сильного человека, а я тряслась над своим прошлым, будто там было что-то ценное. Если убрать всю работу и вспомнить, что осталось, то едва ли наберется хотя бы на один блокнот. И то ерунда будет. Нет, мне совершенно нечем уравновесить сделанный подарок, но я постараюсь. Пусть шаман спрашивает потом, что хочет, отвечу. Тем более он и так много знает.

Закладка-ляссе сама легла в пальцы. Пятая часть от начала блокнота. Поехали.

— Почерк у тебя интересный, — улыбнулась я.

— Понятный хоть?

— Вполне.

Мысли шамана текли на лист потоком, действительно немного напоминая личный дневник по форме, но не по сути. Ничего рутинно-бытового или постыдно-маниакального. Рассуждения о том, что когда-то читал или видел. Изга пропускал информацию через себя, придавая ей эмоциональный окрас и вплетая в то, что уже хранилось в голове. Иногда давал остроумные оценки, где-то явно звучал сарказм. Доставалась господам теоретикам «неошаманизма» и заикливости коллег на ритуалах. Так и хотелось спросить: «Чего ты стеснялся? Все же здорово».

— Ты читай, я пока котел проверю, — пробурчал Изга и встал с дивана.

— Угу.

Не выдержал? Я тоже не любила, когда в мои пояснительные записки к проектам внимательно вчитывались. Все написанное сразу же казалось несусветной ересью и бездарной макулатурой. А вердикт ждала с замиранием сердца. Хотя бы вялого «нормально», чтобы выдохнуть и приступить к обсуждению уже без нервов.

— Ты хорошо пишешь, — сказала я ему в спину и шаман тут же обернулся. — Я половины не понимаю, но мне очень интересно. Знаешь, это дар сам по себе — уметь излагать мысли так, чтобы за ними хотелось следить.

— Спасибо, — кивнул Изга, но до конца не расслабился.

— Ты не думал издать книгу? Материала более чем достаточно.

— Нельзя. То, что приходит ко мне, приходит только ко мне, я за это плачу. У других свой путь и своя цена.

— Странно. Но, может быть, правильно. Я просто не думала об этом в таком ключе.

Я снова погрузилась в текст и не заметила, как он ушел.

Датчик показывал температуру воды в системе отопления. Семьдесят пять градусов. Достаточно, чтобы прогреть дом в не самый лютый мороз. Для себя Изга поставил бы еще меньше, но для Ирины старался. Нельзя ей болеть, тяжело будет иммунной системе без селезенки. Пусть так и спит в одной рубашке, а по дому ходит в легкой кофточке и джинсах.

Угля бы еще принести, чтобы потом за ним не бегать. Золу за сараем вытряхнуть, в котельной пол подмести. Чем угодно заняться, лишь бы не думать, что Ирина сидит и читает. Шаману казалось, что время идет бесконечно медленно. Он мысленно прикидывал, сколько бы сам осилил за пять минут и считал страницы. Маниакально хотелось, чтобы она прочитала все. Буквально каждый блокнот от корки до корки. А потом они бы долго говорили, разбирая самые удачные и интересные моменты.

Ага, размышлялся. Реальность такова, что терпения Ирины хватит максимум на четверть первого ежедневника, а вместо впечатлений во всех подробностях она вежливо улыбнется и промолчит. Ладно, уже хорошо. Не стоит раскатывать губу, Вселенная над таким откровенно смеется.

Изга ветошью вытер пальцы от угольной пыли и все-таки пошел обратно в гостиную. На полпути поддался детсадовскому порыву подглядеть из-за угла. Сильно в открытом проеме не высунешься, но постоять несколько мгновений, пока Ирина не видит, можно.

Она читала. Не отложила блокнот в сторону, решив, что для вежливого интереса хватит, а увлеченно переводила взгляд с одной страницы на другую. Хмурилась, когда не понимала шаманских закорючек, смеялась над чем-то, задумчиво водила пальцем по подбородку. Красивая женщина, Изга налюбоваться не мог. Облако красных волос, пеной взбитое после душа, безумно ей шло. В ней самого начала жила какая-то неправильность. Нехарактерность для дочери олигарха. Будто она действительно была не на своем месте и занималась не тем, чем хотела. И то, как увлеклась записями, лишний раз это подтверждало.

Вмешаться? Рассказать ей, что сбиться со своего пути очень просто? Что тебе изначально не дают на него выйти? Еще со школы, куда тебя приводят родители, с секций, куда записывает мама, со слов отца: «Не занимайся ерундой, писательство тебя не прокормит. Поступай в мед, без куска хлеба не останешься». Что годы обучения, расписанные от сессии до сессии, план операции, график отпусков — это все составляют другие. Им плевать, чего ты хочешь на самом деле, они знают, как лучше. Мечтать ты должен о защите кандидатской диссертации, частной клинике, стажировке за границей. Твой путь украшен цветными стрелками-указателями, как новогодняя елка игрушками. «Туда, надо, должен, твоя судьба, твое признание». Тебя тащат по этому пути и подгоняют: «Быстрее, быстрее, не успеешь состояться, как специалист. Посмотри, у других уже то, это и вот это».

А зачем? Мне-то все это зачем?

И когда в голове впервые звучит такой вопрос, то вселенная нагло рисует на песке под ногами крошечную стрелочку совсем в другом направлении. «Туда посмотреть не пробовал?»

«Не пробовал, мне страшно. Меня никто не поймет и не поддержит. От меня отвернуться все те, кто видел во мне врача».

А стрелка все еще темнеет на песке и никуда не исчезает. «Туда».

И быть может все, что случилось с Ириной, было задумано ради одного момента. Вселенная привела ее в дом посреди тайги, лишила связи, поссорила с отцом, через духов заставила Изгу ошибиться дверцей шкафа и позволить ей прочитать записи, чтобы под ее ногами нарисовалась маленькая стрелочка «художник». Или журналист, архитектор, скульптор, музыкант. Быть может, дело вовсе не в предназначенности друг другу, а в том, что лежит на пути к нему? Изга нашел себя, теперь очередь Ирины.

«Бред», — засмеялись зловредные духи, и шаман привычно от них отмахнулся. Вселенная — умная барышня, но она часто повторяется в своих приемах. Все, о чем он сейчас думал, написано в ежедневнике с перфорацией на кожаном переплете. Сейчас он стоял корешком, но Изга помнил, что на второй полке примерно пятый справа.

Четвертый. Шаман ошибся, а Ирина взяла верно. Под руку толкнули.

Теперь можно и за углем сходить.

— Это тоже искусство, — рассказывал шаман, — но суть его в том, что каждый сложный

узор состоит из нескольких простых элементов. Выучить их может даже новичок. Ошибок здесь не бывает, неудачных работ тоже. Слишком абстрактная работа, её не с чем сравнивать, чтобы сказать «хорошо» или «плохо».

— Занятно.

Я пригласилась у него под боком и нагло положила голову на плечо. Путешествие по тегам социальной сети открывало какой-то новый мир. Иногда я заходила в профиль художников и смотрела, чем они занимаются. «Миллионники», конечно, только рисовали, а «простые смертные», если рассказывали о себе, то поражали воображение. Учителя, врачи, адвокаты, патологоанатом и специалист по проектированию инженерных сетей.

— Да, но это хобби, — возразила я. — Оно меня не прокормит.

— Нет, — честно ответил шаман. — Сейчас точно нет. Зато сделает счастливее.

Я хмыкнула на этот раз чуть расстроено и выключила телефон. В голове по-прежнему звенела тишина. Все старое из нее вытащили, а новое положить забыли. Ничего, дома что-нибудь придумаю. Билеты бы забронировать, но сил на них уже не осталось. Это же надо вставать, искать сумку, в ней паспорт, заходить на сайты бронирования, вспоминать логины и пароли от личных кабинетов. А можно завтра? Одна ночь у меня точно есть. Позже отец все равно выйдет на связь и начнет орать, я хотела еще немного пожить без него.

Жаль, с шаманом уже ничего не получится, мы просто не успеем. Хотели, как лучше, а получилось, как всегда. Но я была благодарна за то, что он остановился. Прощаться будет легче. Но сейчас даже думать об этом не хотелось. Я закрыла глаза и услышала шепот над ухом:

— Засыпаешь? Постелить тебе на диване?

— Нет, подожди, а ужин? А поговорить? — я очнулась мгновенно. Сожаление, что мы расстанемся, уже отзывалось горечью. Было что-то важное, что я хотела узнать перед тем, как уеду. Я даже поклялась, кажется. — Как ты стал шаманом? Я имею в виду не решение, а сам процесс. Просто взял бубен и стал в него бить?

— Нет, — улыбнулся Изга. — Ты уверена, что хочешь знать? Ладно, хорошо, я расскажу, но давай пока без ужина. Подробности уж больно не аппетитные. Боюсь, тебя будет тошнить.

— Нагнетаете? Не сочти меня маньяком или извращенкой, но заинтриговал. Рассказывай!

Глава 10. Посвящение в шаманы

Он не спешил, не смотрел на время каждые пять минут и не сверялся с графиком. Просто жил по внутреннему ритму. Вернее, все вокруг тянулось за шаманом и двигалось вместе с ним. Пауза вышла сочная. Изга вымыл руки, вытер их полотенцем и оперся о край стола. Я только что осилила три полных ежедневника. Меня должно было тошнить от шамана. От его мыслей, взглядов, особой манеры строить фразы и цеплять их друг за друга незаметными крючками. Должно было выворачивать наизнанку от идеи узнать что-то еще, но нет. Мне было мало. Мне отчаянно не хватало того, чтобы он произносил слова своим голосом. Чтобы они расцветали от его мягкого тембра и наполнялись дополнительным смыслом. Вторым, третьим, десятым. Фразы-косы, фразы-тугие жгуты.

Черт, да я дрожала от нетерпения. Такая особая лихорадка, будто подхватила простуду. Еще тридцать семь, ты на ногах, стыдно жаловаться и просить больничный, но мир вокруг уже нереален. Туман, какой бывает, когда смотришь на зажженную лампу сквозь ресницы. Силуэты плывут, ватой закладывает уши.

В доме было тихо. Во всей ночной тайге было тихо. Она жила голосом шамана.

— И все-таки, — осторожно начал он. — Я буду готовить и говорить, а то мы до утра не поедим, хорошо?

— Да.

Он медленно кивнул и повернулся к шкафчикам. Шум из постукиваний, позвякиваний и шороха деревянных лопаток закручивался вокруг шамана маленьким вихрем. Я закрыла глаза и наслаждалась мелодией. В ресторанах ее не слышно. Там играет музыка, а заматанные до предела повара носятся по кухне, никого не замечая. А жаль. Весь уют, все предвкушение от вкуса блюда в том, как скворчит что-то на сковороде, разнося дивный аромат. Я окончательно выпала из реальности. Передо мной снова разворачивалось таинство. И как, скажите, пожалуйста, такой большой человек мог так плавно двигаться?

— До бубна в рассказе далеко, ты уж потерпи. Сначала со мной случилась шаманская болезнь.

— О, я слышала про нее в мультфильме «Мадагаскар». На теле жирафа Мелмана заметили странное пятно и сказали, что он скоро умрет.

Вот ведь как. Не пила, а язык заплетается. Ерунда всякая с него слетает аж с удовольствием. Здравствуй глупая улыбка, ага.

— Чушь там сказали, — усмехнулся Изга. — Шаманская болезнь — это о другом.

Он смотрел на меня и помешивал иногда овощи в сковороде. Лопатка тихо стучала о покрытые тефлоном борта.

— Миру живых и миру духов очень не просто существовать рядом друг с другом, — наконец, заговорил он. — Мы привыкли думать, что их вообще нет. А у них есть строгое правило, что лезть к воплощенным нельзя. Никаким боком, ни даже из любопытства и «я просто посмотреть».

— Но они все равно лезут?

— Естественно. Не могут по-другому. Невозможность действовать при том, что полностью осознаешь себя — жестокая пытка. Представь, что ты парализована и лежишь в одиночестве сотни лет. Вот будет где-то рядом. Чтобы хоть как-то облегчить страдания, некоторые духи решаются на отчаянный шаг. Они пытаются навязаться непрошенными гостями в тело, где уже сидит воплощенный дух. Втолковать свои мысли, заставить произнести их вслух, подвигать руками, ногами.

— Поиграть, как с куклой?

— Да, почти. Это преступление с точки зрения законов мира духов и одновременно ловушка. Дух, связанный с чужим телом, становится уязвим для таких, как я. Никто не

защитит его, когда я, имея на это полное право, разорву связь и выброшу его обратно в пустоту бездействия. А там он получит свое наказание. Поверь, УК РФ нервно курит, в нем вообще фантазии нет. Карают духов за проступки крайне изощренно.

Я продолжала улыбаться, стыдясь того, насколько мое настроение не совпадало с тем, что говорил Изга. Я пять раз ходила вокруг этой мысли и только сейчас решилась на нее взглянуть. Симптомы совпадали. Они появились внезапно, я с трудом их вспомнила и меня пугал диагноз. Точно так же я слушала физрука в школе, когда без памяти в него влюбилась. Что это? Запоздалая реакция на поцелуй? Нет, ну это не серьезно. Я собралась уезжать, думала о прощании, о билетах.

И не забронировала их. Рука не поднялась. Вместо этого я сидела на диване и млела от того, как шаман готовил ужин. Дура старая.

Блин, как же материться хотелось. Нет, я все понимала, Изга — интересный мужчина. Не совсем в моем вкусе по внешности, но я всегда любила профессионалов. Причем именно слушать, как они рассказывают о работе. Энергетика там сумасшедшая, затягивает даже против воли. Поэтому я и проморгала момент. Ежедневники, духи, записи — любопытство казалось таким привычным. Словно я опять сидела в кафе и слушала, как кардиохирург делал операцию на открытом сердце. Но один крошечный нюанс менял все. Андрея я не пожирала глазами так, как Изгу. Не чувствовала трепета, смущения, удушливой волны жара от каждого его взгляда. Я не чувствовала ничего, кроме желания побыть пять минут на экскурсии в мире кардиохирурга.

Твою мать. Гребаные гормоны, долбанное воздержание! В кого еще бросить камень? Как такое вообще могло случиться почти в тридцать лет? Сейчас время для зрелых чувств, проверенных временем, а не для вот этого вот всего.

— Но это крайний случай, — Изга постучал лопаткой по борту сковороды и выключил конфорку. — Шаманов мало. На всех подселившихся в тела духов нас бы просто не хватило. Живых спасает защита. Хитрая система сигнализации. Когда дух пытается внедриться, как-то навредить тебе или просто появляется рядом, внутри происходит буря. Ты чувствуешь такой ужас, какой себе даже представить раньше не могла. Инстинкты бунтуют, заставляя бежать, прятаться, хвататься за освещенные в церкви кресты, чертить мелом круг на полу. В общем, делать все, чтобы показать непрошеным гостям, как им не рады.

— Логично.

Я понемногу приходила в себя, сложная тема отвлекала. Изга закрыл сковороду крышкой, пошел к дивану и снова началось. Кровь быстрее побежала по венам, но при этом совершенно парадоксально сковало от неловкости.

— Если ты вдруг услышишь голоса духов, — Изга сел рядом. Его собственный голос звучал так близко, что отзывался дрожью во мне. — То система защиты внушит тебе, что это ненормально. Безумие. Ка-та-стро-фа! Теперь ты — вечный пациент психбольницы. И чтобы выздороветь, придется заставить голоса замолчать. Беда шаманов в том, что нам нужно общаться с духами. Без них никак. Однако системе защиты плевать, она работает в штатном режиме. Духи приходят, а им: «Пошли прочь!»

— И вы сходите с ума?

— Да, — честно ответил Изга. — Выражаясь в принятых аналогиях, шаманская болезнь — это время от первого срабатывания защиты до ее взлома и перенастройки. Но не представляй себе слишком уж ужасных последствий. Кровавую пену у рта, замученных и задушенных в припадке людей. Нет, духи-помощники не желают нам зла, они приходят за другим. Поэтому стараются все сделать мягко, во сне. Это сразу выключает часть защитных механизмов. Люди нормально относятся к кошмарам. Гораздо лучше, чем к ярким видениям наяву.

— Еще бы. Мало ли чего может присниться? Встал утром с кровати и забыл.

Язык стал деревянным. Я пыталась говорить, но постоянно отвлекалась. Сколько новых оттенков появилось у ощущения тепла. Изга намеренно касался меня бедром. И от того, что явно не думал о новом поцелуе, это казалось испытанием. Дразнило, будоражило.

— «Взламывать» будущего шамана начинают лет с семи, с одиннадцати, — он продолжал, не обращая внимания на мое состояние, или успешно делал вид. — Всем снится примерно одно и то же. Ужасные монстры с рогами, козлиными копытами, синими хвостами и рыбьей чешуей. Пауки, сколопендры, бешеные собаки. Они все нападают и хотят убить. Но на самом деле духи ничего не делают. Просто сидят рядом. Это система защиты свирепствует. Так продолжается до тех пор, пока шаман не начнет привыкать к духам. Желательно разглядеть их получше, попробовать заговорить.

— Поучаствовать во взломе со своей стороны?

— Я повторяюсь? — с улыбкой спросил Изга и убрал прядь волос с моего лба. — Ты в ежедневнике это прочитала?

— Нет, — голос почти перестал меня слушаться. — Всего лишь слежу за твоими мыслями и пытаюсь их продолжить.

— У тебя получается. Так вот, кошмары прекращаются, когда происходит одно из двух: либо шаман побеждает духов, либо они перестают нападать. То есть система защиты отключается, но все равно остается в спящем режиме. С этого момента молодого шамана можно учить входить в транс.

Он замер, так и не коснувшись губами моей щеки. Еще немного и я бы снова не устояла. Забралась к нему на колени и продолжила начатое. Но энергетика падала. Изга сам гасил ее, как и в прошлый раз.

— А сколько тебе было лет, когда защита отключилась?

Я хваталась за разговор, как утопающий за соломинку. Пыталась вернуть ощущение трепета. Нет, оно никуда не делось, просто градус снизился.

— Тридцать.

— Ого. Это поздно?

— Да, — от шамана повеяло сожалением. — Именно так мне и говорили. Личность сложилась, будет трудно взглянуть на мир другими глазами. А что делать, если духи одолевают? Оперировать они не мешали, но в реанимации появлялись регулярно. Большую часть проделок я потом осознал, когда начал понимать, откуда ноги росли. Привезли в роддом женщину. Острая гипоксия плода, экстренное кесарево. С ребенком все хорошо. Две кисты сосудов головного мозга не в счет. Чудо по сравнению с тем, что должно было быть. Зато мама...

Изга вздохнул и нахмурился. Тяжело было вспоминать?

— Все началось с того, что на нее не подействовала спинальная анестезия. Акушер уже скальпель взял, живот пальпировал, а она: «Я все чувствую». «Так бывает, — ответил ей анестезиолог, — главное, чтобы больно не было». Пациентка успокоилась, и он кивнул акушеру. Тот зажимом ей кожу на животе и прихватил. Причем экран ведь перед ней стоял, она не видела движения. «Ай! — крикнула. — Больно».

— И что делают в таком случае?

— Общую анестезию. «Кетамин. Сто» и поехали. Ребенка неонатолог унес, акушер шов сделал, пора просыпаться, а она никак. Признаков комы нет, а в себя не приходит. «Надо ждать», — сказал анестезиолог. На всякий случай ее перевели в реанимацию. Я у себя в ночь дежурил. Все тихо было, но не спалось. Слышу, беготня по коридору. Четыре часа прошло после операции, она никак. Один раз крикнула, что больно и снова отключилась. Анестезиолог с акушером сообразить не могут, что не так. Я нос высунул из отделения и меня подключили. Ну, должна проснуться, обязана. Ничего не мешает. Снова крикнула, мы к ней. Смотрим, глаза открыла. Все выдохнули, акушер зашебетал, что операция прошла хорошо, ребенок в детском. Согласие на прививку ей тут же сунули, она подписала. Нормальная такая, адекватная. Заторможенная только немного и все. Акушер радостно простынь откинул, кулаком ей на живот надавил, она как заорет на всю реанимацию. Воздух в легких кончился, голова на подушку упала.

Я поморщилась, представляя себе это.

— Так больно было?

— Да. Болевой порог у всех разный, у нее низкий. Мы сначала болевой шок заподозрили, но он не подтвердился. Окончательно она проснулась в шесть утра. Бодрая, довольная. Из реанимации чуть не сбежала к ребенку. Кто-то двое суток лежит, встать не может, а она после такой истории как бабочка порхала. Вот что там случилось? Мне наставник через год объяснил, что. Духи вмешались. Нужен был и ребенок, и его мама. Живые, здоровые. Узловых точек на них — моё почтение.

— Избранные?

— Не совсем то слово, — шаман покрутил рукой в воздухе. — «Те, кого ведут». Вселенной не всегда плевать на нас, кое-кто ей все-таки важен. Их ведут от одной точки до другой. Целая команда рядом: хранители, помощники. Защиту не взламывали, с учетом ее существования действовали. Сначала внушили матери страх за ребенка, чтобы в роддом побежала, а потом «выключили» ее на время операции.

— Не позволили спинальной анестезии сработать? Специально, чтобы ее гарантированно усыпили?

— Да. Могли, конечно, сами ее в обморок спровадить, но тогда врачи бы не тем, чем надо занимались. А так и духи поработали, и бригада у стола, и мама не страдала от боли. Таких историй много, до утра травить байки хватит. Сейчас все по полочкам, а тогда добавляло вопросов к моему странному состоянию. Я ведь чувствовал духов над спящей женщиной. Серьезные ребята, нечета той мелочи, что обычно возле людей трется. Чувствовал и крыша дальше ехала. Анестезиолог с акушером на следующий день забыли, а я, как видишь, нет. Долго читал все подряд, на форумах общался. Поздно дар проснулся, да и ущербный он. Я ни разу в состояние транса сам не вошел. Бесполезно учиться на шамана. Теперь только терпеть и стараться игнорировать появление духов.

— Жестоко.

И очень на меня похоже. То, чем занимался, уже поперек горла стояло, а больше нигде не ждали. Изгой.

— Но счастливый финал-то у истории есть, — я обвела взглядом дом. — Ты стал шаманом.

— Да. Через месяц после того, как плюнул на это, мне Азыкгай позвонил. Старый шаман не признавал электронную почту, я ему письмо от руки написал, в конверт положил и отправил. Пока оно дошло, пока прочитал, пока до деревни доехал и с телефоном разобрался. «Приезжай, — сказал. — Посмотрим, что можно сделать». Я собрал вещи и купил билет до Якутска.

— Сюда потом приехал?

— Почти. Немного севернее по карте. Вместо GPS-навигатора проводника взял в деревне. Кое-как нашел дом Азыкгая. У шаманов принято жить подальше от людей и поближе к местам силы. Я зашел в избу вроде той, где ты проснулась. Азыкгай мне с порога бубен в руки сунул: «Ну, давай». А чего давать-то? Я в бубен колотушкой бью, но ничего не происходит. Не цепляет. «О-о-о, — протянул Азыкгай. — Совсем деревянный приехал. Ну-ка, ешь». И галлюциногенные грибы мне протянул. А терять-то нечего. Подумаешь, грибы. Да, галлюцинации будут жесткие, но все мои. То, что когда-то слышал, видел, чего боялся. Я пару грибов разжевал, даже вкуса не почувствовал. Позволил привязать себя к кровати за руки, за ноги. Старый шаман взял бубен и понеслась.

Изга покрутил кистью в воздухе, улыбнулся и замолчал. Пауза повисла, как говорилось в известном мультфильме, на самом интересном месте. Шаман специально меня провоцировал, чтобы его теребила? Уговаривать нужно?

— Дальше-то что? — послушно спросила я. — Те самые неаппетитные подробности? Учти, я в детстве «Кошмар на улице Вязов» смотрела. Все части. Даже глаза не закрывала, когда в кадре кого-то резали. Нервы у меня крепкие.

— Не настолько.

Изга расхохотался. Ему любая улыбка шла, но такая широкая и открытая больше всего.

— Ладно, — я отстранилась от нагретой телом спинки дивана и спустила ноги на пол. — Торжественно клянусь, что как только твой рассказ начнет причинять мне психологическую травму я попрошу остановиться.

— М-м-м, — протянул шаман, — серьезно все. Не переживай, я нагнетаю на пустом месте. Момент важен по сути, но в пересказе выглядит, как фильм ужасов. Причем не самый высокобюджетный и тщательно срежиссированный. То посвящение в шаманы, что ты могла краем глаза зацепить в документальных фильмах на канале Дискавери — всего лишь спектакль для деревенских жителей. Культурно-массовое мероприятие. Развлечение. Молодого шамана облачают в шаманский наряд, маску, торжественно вручают бубен. Но к тому моменту главное таинство уже позади. Со мной оно случилось без предупреждения. Как только Азыкгай подхватил мой дух, вылетевший из тела, и потащил в нижний мир.

— К Эрлику?

— Ты запомнила? — Изга расцвел от удовольствия, и у меня вернулось ощущение счастливой дымки. Легкого тумана перед глазами. — Да, к Эрлику, но не в его царство, а в особое место, где молодого шамана уже ждут демоны. Сначала отбирают все, что есть с собой. Бубен, в первую очередь, амулеты, зеркало, срезают монеты, если шаман посмел пришить их, не понимая, за что они даются.

— За что, например?

— За удачные камлания. За то, что вылечил человека, предсказал ему судьбу, прогнал злых духов из жилища, снял проклятие с целого рода.

— Понятно. Как кресты сбитых самолетов на фюзеляже.

— Вроде того. Перед посвящением их не должно быть.

— Логично.

— Потом снимают сам наряд, — кивнул Изга. — В моем случае одежду. Я пришел с пустыми руками, но видел на себе свитер и джинсы. Демоны резали их на лоскуты. Я еще удивлялся, какие острые ножи. Ткань дубовая, а они ее кромсали, как кожуру у яблока. Раздели меня догола и спрашивают: «С какой ноги начнем?» Маленький и толстый хотел с левой, а его приятель с правой. Мне, значит, выбрать предлагали. Ответа не дождались, за обе взялись. Сначала кожу сняли, затем мышцы начали резать, сухожилия. Кровь слизывали, чтобы не пропадала зря. Ведро под меня подставили. Я слышал как капли падали, запах чувствовал.

— Больно было?

Меня передеггивало. Как не старался шаман сгладить момент, рассказать о нем легко, а все равно пробирало до мурашек.

— Страшно. Невыносимо страшно. В том числе от того, что не можешь проснуться. Не знаешь, сколько времени прошло в реальном мире. Проснешься ли ты вообще. Это хуже, чем физическая боль. Её я тоже чувствовал. Не такую, какая должна быть, но все равно. Мне хватало. Я — хирург. То, что со мной делали, осознавал в полной мере. От ног остались только кости, демоны пошли выше. Мочевой пузырь, кишечник, желудок, легкие. Их удаляли, разрезая на доли, я чувствовал, что лишаюсь воздуха. Глоток за глотком, пока ничего не осталось. Настоящий приступ удушья, а проснуться невозможно.

Меня в жар бросало. Я нервно терла пальцами лоб и жмурилась до красных кругов перед глазами.

— Чем все кончилось? — голос звучал глухо и совершенно бесцветно.

— Я умер. Дух отделили от тела. Избавили сначала от мяса, а потом от костей. Переход в новое состояние невозможен, пока не расстанешься со старым через метафорическую смерть. Почти буквальную. В этом и заключалось посвящение.

— Да пытка это, казнь, как угодно назови. Зверство. Зачем все было раздувать до такой степени?

— Чтобы поверил, — Изга склонился ко мне, но коснулся пальцем собственного лба. — На всех уровнях от подсознания, памяти тела, эмоций, мыслей до сверхсознания. Строго снизу вверх, чтобы дошло правильно. И ни единого шанса на откат назад.

— Оно того стоило? — я сидела, схватившись руками за голову. Дышать получалось через раз. — Помогло хоть?

— Да, — Изга осторожно погладил меня по плечу, попытался обнять. — Я проснулся шаманом. Мир обрел голос, миллионы разных слоев, оттенков. Он больше не делился только на черное и белое, а получаться у меня начало то, что раньше стояло в одном ряду по степени вероятности с хождением по воде, полетами наяву, файерболлами на открытой ладони. В моем темном-претемном лесу показался след из хлебных крошек. Я знал, куда хотел идти все это время. Оказывается, если Вселенной нужно, то она делает все, чтобы ты поверил в свои силы. Реальность вокруг начинает меняться. Появляются нужные люди, идеи, ситуации. Информация сыпалась на меня из всех источников, как из рога изобилия. Я слышал подсказки в попсовых песнях на радио, и они вели меня к следующей хлебной крошке.

— Ты был тем, кого ведут?

— Я и сейчас им остаюсь, — шаман взял мою руку и поцеловал пальцы. Я сама поняла, какие они холодные, когда их обожгло дыханием. — Разве что поводок ослабили и разрешили притормозить. Не лететь вверх, захлебываясь от встречного ветра. Скажи... Я кажусь тебе сумасшедшим?

Тишина обволакивала. Я сидела в объятиях шамана и не вздрагивала больше от страха. Сердце билось тихо, размеренно.

— Нет, не кажешься. Наоборот. Теперь весь мир какой-то другой.

Я верила в то, что говорила. Никогда не была наивной дурочкой и любую мелочь подвергала сомнению. Но все действительно изменилось, стоило услышать впервые густой и низкий голос бубна. Увидеть, как шаман входит в транс, срезонировать с ним. Никакого отторжения ни тогда, ни теперь. Я крепче сжала руку Изги и улыбнулась.

— Надеюсь, ужин прежний. Вкусный. Давай есть.

— Хорошо.

Остаток вечера прошел все в том же тумане. Мы ели, Изга травил медицинские байки, рассказывал анекдоты. Я смеялась и тут же зевала так, что слезы наворачивались на глаза.

— Устала, — пробормотал Изга и ушел за постельным бельем.

Смущать меня не стал, постелил себе в соседней комнате. Я же донесла голову до подушки на диване и закрыла глаза.

Уже в полудреме в голове вращалась карусель из мыслей. Шаманы, духи, чудеса. «Те, кого ведут», узловые точки, «если Вселенной нужно». Нет, ну почему ей от меня ничего не нужно? Я бы не отказалась от парочки чудес. Ладно, достаточно одного. Такого, что случилось со спящей женщиной. Я бы из роддома не вылезала, когда узнала, что беременна. Все девять месяцев там провела, лишь бы ничего не случилось.

Изга спал рядом, но я не решилась тормозить вопросами, возможно ли такое при моем бесплодии? Как вообще случаются чудеса, что для них нужно? Пусть шаман спит, нам обоим сегодня хватит.

Нет у Ирины часа. Минут сорок, не больше. И Модун ничем не поможет. Якуты привыкли жить размеренно. Пока соберутся, обсудят, поговорят, пока сядут, наконец, на снегоходы, шамана с его гостьей уже расстреляют.

Изга не видел метки над своей головой, но догадывался, что она там есть и горит еще

ярче, чем у Ирины. Если с дочери олигарха еще можно выкуп получить, то шаман, как лишний свидетель, совершенно не нужен. Муж Сандары тоже домой не вернется. Все якобы замерзнут. Буря — удобный повод. Он буквально заметет следы.

Шанс спастись был, но призрачный и всего один.

— Не нужно приезжать, — ответил Изга. — Я сам разберусь.

— Добро, — Модун вздохнул и запыхтел в трубку. — Тут это... Я знаю, что не вовремя. Но у меня жена вчера трепалась, что в доме Олега скандал был.

— Что с Сандарой?

— Так ты в курсе, — голос председателя стал тихим, тягучим. — Я ничего не хочу сказать. Каждый живет, как знает. Но когда спишь с чужими женами, то рано или поздно от их мужей прилетает.

Все-таки поползли слухи. Неприятно стало так, будто действительно что-то было и их с Сандарой застукали вместе. Не тянул тот поцелуй на измену. Даже на флирт никак. Но попробуй докажи это ревнивому мужу. Сандара в приступе раскаяния могла раздуть трагедию до вселенских масштабов. Или просто соврать, что близость состоялась, чтобы Олег согласился на развод. Однако ругаться — это одно, а расстаться навсегда с женщиной, которую любишь — совершенно другое. Вот и вспыхнула у Олега в голове идея, кто виноват. Кто крутился возле его жены, лил ей в уши ересь про ЭКО, а потом захотел воспользоваться ее наивностью. «Если твой мужик слаб и не может сделать ребенка, то давай я помогу». А работа проводником для мордоворотов — всего лишь повод, чтобы приехать. Посмотреть, как избивают шамана. Поучаствовать по мере сил.

Дурак.

Он же Ирину под пули подставил, а она ему ничего плохого не сделала.

— Я понял тебя, — ответил Изга. — И повторяю, сам разберусь. Спасибо, что позвонил.

— Не за что, — отчеканил председатель. — Передумаешь с помощью — обращайся. Все, давай.

Модун повесил трубку и шаман тут же выключил телефон. Жаль, что современные модели неразборные. Аккумулятор просто так не вытащить. А надо, иначе куда не беги, везде найти можно будет.

— У тебя проблемы? — мягко спросила Ирина. — Из-за того, что Сандара приезжала?

— Да. Разреши мне не рассказывать все подряд, только суть. К нам спешат на снегоходе воинственно настроенные гости. Ничем хорошим встреча не закончится, поэтому лучше уйти.

Бессмысленно пугать Ирину убийством. Ей ничего не даст это знание, только доведет до ступора или острейшей паники. Посыплются вопросы, а потом она обязательно решит, что шаман ошибается. Никакой опасности от мордоворотов нет. Люди Карла Римана приехали, чтобы спасти его дочь, а метка реагирует на что-нибудь другое. Или тоже ошибается. Прости, Ира, времени слишком мало. На споры его вообще нет.

— Куда уйти? — спросила она. — Ты починил снегоход?

— Нет, он не заводится и я не знаю, что с ним. Пойдем пешком. Тайга не настолько пустынна, как кажется. Есть, по крайней мере, три точки, где мы можем укрыться. Я буду камлать к духам-хранителям местности, они подскажут, куда лучше идти. Не факт, что это ближайшая точка. Поэтому, одевайся, пожалуйста. Поверх твоей одежды я дам горнолыжный комбинезон, куртку и валенки. Надеюсь, ты в них не утонешь.

— Подожди, — Ирина поморщилась и потерла пальцами лоб. — А нельзя договориться? Сейчас не каменный век, даже за побои светит статья. Я понимаю: ревность, состояние аффекта...

— Ира, одевайся!

Проклятье, повысил голос. Сейчас в ней разыграется чувство протеста, и она из принципа будет все делать наперекор шаману. Не силой же тащить ее за собой.

— Бегать — глупо, — настаивала она. — Вокруг глубокие сугробы. Да нас легко найдут по цепочке следов!

— Не успеют. Метель слишком сильная, уже через полчаса никаких следов не будет.

— Ты боишься? — Ирина хмуро сдвинула брови и сложила руки на груди. — Настолько, что готов обморозиться? Да нас самих снегом занесет. Фингал под глазом от ревнивого мужа твоей и моей жизни точно не стоит!

— А очередь из автомата в живот? Удар ножом в горло? — в бездну полетели планы побережь психику Ирины. Придется говорить, как есть. — Олег везет с собой убийцу. Больше людей на снегоход физически не поместится, двое других будут ждать в деревне. Искать транспорт, чтобы присоединиться к первому. Они приехали за тобой. Собираются закончить начатое, раз уж с вертолетом вышла осечка. Я не знаю, что будут делать. Скорее всего симитируют еще один несчастный случай. Положат тебя полуголую в сугроб и будут ждать, пока замерзнешь.

— С чего ты взял? Метка смерти, предсказание, голоса духов? Прости, я пока не понимаю всех шаманских тонкостей. Объясни мне, пожалуйста.

Ничего не выйдет с объяснениями. Здесь или верить на слово, или рисковать всем, оставшись в доме. Ирина права в том, что не хочет идти в буран через тайгу. Но у шамана нет ни одного достаточно веского довода, чтобы ее разубедить.

— Пойдем в избу, — вздохнул он. — Я в любом случае буду камлать к духам, может, выясню что-нибудь. Посмотрю на гостей...

— А ты можешь? — глаза Иры вспыхнули любопытством.

Как же в ней все перемешано. И чувства к ней разные. То обнять хочется, то задушить, то снова обнять.

— Да, — сдался шаман, позволяя реальности идти по выбранному ею участку пути и надеясь, что он все же выведет в нужную точку. — Есть два способа. Я могу послушать, как гостей описывают духи, а могу сам покинуть тело. Обернусь орлом и полечу над тайгой. Одевайся. Сапоги и шубу оставь здесь, сумку тоже. Я не буду выключать свет, запру чердак, подвал и несколько комнат на втором этаже. Пусть гости думают, что мы с тобой спрятались где-то в доме. Пока выбьют все двери и перевернут шкафы вверх дном, я соображу, что делать.

От идеи нарядиться в горнолыжный комбинезон пришлось отказаться. Разница в росте и размере между мной и шаманом удручала. Утяжки и ремень не особо спасали. Комбинезон мешал двигаться. И если по дому я еще ковыляла вперевалку, то из первого же сугроба точно бы без помощи Изги не выбралась. А по замыслу шамана нам полагалось бежать.

Нет, я не дура, и с инстинктом самосохранения у меня все в порядке. Убийцам до дома Изги еще доехать нужно, а перспектива замерзнуть насмерть — вот она, за порогом. Ночь. Тайга. Буран. Сугробы. Нулевая видимость и температура двадцать восемь градусов ниже нуля. Может, для Якутска и не ахти какой лютый мороз, но мне точно хватит.

Надеюсь, непрошенным гостям тоже. Вот не стыдно желать им смерти. Чтоб они заблудились и ездили кругами, пока бензин не кончится! А там, глядишь, и двигатель не выдержит низкой температуры, заглохнет. А «прикурить» не от кого и греться нечем. Тайга — не федеральная трасса, тут попутки неделями не бывает. Если справедливость существует, то по весне снег сойдет только с двух трупов, а не с четырех, как хочет Изга.

Да стоило представить себя, погибающую от холода, как поднимался порыв спорить до хрипоты. Зубами хвататься за любую возможно остаться дома в тепле. Я не хотела мучиться в последние часы своей жизни. Уж если выбирать смерть, то лучше пулю в лоб. Быстро, надежно, эффективно. Р-р-раз и тебя нет.

Жаль, шаман не разделял моих мыслей.

- Быстрее, — ворчал Изга, хлопая дверями и бряцая ключами. — Ира, давай быстрее.

— Идем. Я готова.

Буран действительно был серьезным. Едва я вышла на улицу, как лицо залепило снегом. Тулуп давил на плечи, ветер норовил сорвать шапку. Шарфом надо было по самые брови замотаться и плевать на красоту. Ладно, в избе переделаю.

— Как долго ты будешь камлать? — спросила я, перекрикивая завывания ветра. Дверь в избу уже занесло, шаман откапывал нижний угол.

— Не знаю. Постараюсь быстро, но я не контролирую процесс. Ты можешь выбрать, когда тебе проснуться? Вот и я не могу.

Наша главная проблема. Не зная дороги, бессмысленно куда-то бежать, а выясняя маршрут, можно не успеть выйти из избы. Про оружие я молчала. Будь оно у шамана, давно бы достал. Это первое, за что хватаются мужчины, чтобы создать хотя бы видимость контроля над ситуацией. Чем больше я думала, тем сильнее понимала, что мы не спасемся. Куда ни плюнь — везде тупик и смерть. Звонить отцу поздно. Между мной и столицей семь часов лета. Да и кому я там нужна, господи? Кому приспичило меня убить?

Паника накатывала. Я чувствовала ее волнами жара. Хотелось вырвать лопату из рук шамана и копать быстрее. Делать хоть что-нибудь, не стоять на месте.

— Уже все?

— Да, хватит.

Изга дернул дверь на себя и с громким скрежетом прочертил полукруг на снегу перед валенками.

— Прости, я дурак. Нужно было вешать так, чтобы она открывалась вовнутрь.

Дом горел всеми окнами, но я не видела его отсюда. Изба встретила кромешной тьмой. Приходилось рукой шарить в пустоте, чтобы не споткнуться.

— Я зажгу свечу, — пообещал шаман. — Мне без надобности, я все равно в трансе ничего не вижу, а тебе будет не так страшно.

— А что быстрее, — перебила я, нащупав задницей табурет, — разговаривать с духами или самому летать?

— Когда как, — Изга гремел чем-то в углу, но недолго. Огонек свечи вспыхнул в его широких ладонях. — «Ие-кыла» — сложная вещь. Раньше считалось, что перевоплотиться в дух зверя можно только один раз в году, когда почернеет последний снег. Но и духи-хранители местности могут не отвечать слишком долго. Тут не угадаешь. У Оюны, она бережет лес, где стоит моя изба, тяжелый характер.

— Ты говоришь о ней, как о женщине.

— Она и есть женщина. Я бы рассказал красивую легенду о том, как она стала хранителем, но времени нет. Сиди на табурете, пожалуйста, и старайся не двигаться.

Свечу шаман поставил на чугунную задвижку, торчащую из печи. Бубен и медвежью шкуру принес с собой из дома. В темноте маска с клювом орла выглядела особенно зловеще. Пламя горело в мертвых глазах птицы.

— Это обязательно? — прошептала я.

— Да. Все, что может помочь с ие-кыла нужно пустить в ход. Я постучусь к Оюне, и если она не ответит за два удара сердца, сделаю все сам.

— Ты их услышишь? Удары сердца.

— Нет, я буду считать.

Шаману пришлось раздеться до льняной рубахи и хлопковых штанов. Изба не успела остыть слишком сильно, в печи поддерживался огонь, но я все равно поежилась. Желания снять тулуп пока не было. Колотушка взлетела в воздух и ударила в бубен.

— Бом!

Густой и богатый звук тут же добрался до живота.

Бом.

Я качнулась вперед, но резонанса не чувствовала.

Бом.

Не цепляло меня, не вело вслед за бубном. Слишком много мыслей в голове. Слишком страшно.

Бом. Бом. Бом.

Изга пошел по кругу, пламя свечи зашипело ему в спину и рассыпало искры.

Бом. Бом.

Зачем меня хотят убить? Почему? Что я сделала? Слишком мелкая сошка в холдинге отца. Незначительная. Я специально не лезла в серьезные вещи. Я — менеджер среднего звена. Меня даже сейчас заменили не глядя. Щелчком пальцев. Зачем убивать?

Бом. Бом.

Еще и так нагло. Без выкупа, без объявления войны. С настырностью психа, у которого стояло на жертву и мозги отключались. Ни одного шанса не дали договориться, ехали убить.

Бом. Бом.

Время текло в ритме бубна, шуршало костяными подвесками на костюме шамана, отзывалось эхом его шагов. Я все-таки качалась в такт и расстегнула тулуп. Жарко стало, печь разгоралась без всякой помощи, и буран выл за стеной. Бревна толстые, а звук пропускали лучше. Станный, чавкающий.

Бом. Бом.

— Изга!

Голос прозвучал, как сквозь овчину тулупа. Сдавленно, неразборчиво. От удара кулаком я вздрогнула вместе с дверью. Холодный ком в животе лопнул, боль вспыхнула красным маревом перед глазами. Мы не успели.

— Изга, это Олег! Открывай!

Шаман не слышал. Длинные полы медвежьей шкуры взлетали крыльями орла, открытый клюв чертил острые тени на стене. Поздно бежать. Шамана убьют в трансе, а я буду смотреть.

— Изга, тут издец, что творится! Я на снегоходе, нужно бежать!

Выманивал? Прикидывался другом, чтобы не мучиться с закрытой дверью? Там два замка. Один навесной. Причем внутри. Изга надежно прятался от внешнего мира.

— Проснись, — прошептала я. — Еще можно что-то сделать. Проснись, пожалуйста.

Дверь тряслась. Кажется, Олег с разбега врезался в нее плечом. Хрустела, скрежетала железом, но держалась. Я больше не могла сидеть. Схватила свечу с задвижки и переворачивала все, что было за печкой. Лом, кочерга — что-нибудь! Да хоть скалка, если ею можно ударить! Бесполезно. Слишком темно. Черные вещи в черной комнате.

Где выключатель? Черт!

— Изга, тебя убьют, бежим!

— Заткнись, — со стоном попросила я. — Тебе никто не верит.

Голос звучал хрипло и никак и не мог вырваться из глотки. Воздух избы высушил небо. Насквозь пропитался свечным чадом. Я нащупала жестяное ведро и звякнула тонкой ручкой. Уголь. Камнями бросаться? Если найти большой, то можно ударить Олега по затылку, когда он ворвется в избу.

— Шаман, твою мать! — рявкнул якут и все стихло.

Бом. Бом. Бом.

Ритм бубна сбивал. Мне показалось, я слышала хруст снега за дверью. Олег ушел, подарив несколько минут. Подарив шанс.

Я бросилась к шаману. Почти сбила его с ног, но не смогла остановить. Он был поездом, пробивающимся сквозь сугробы. Тараном шел, не замечая сопротивления.

— Изга!

По щекам его бить? Я пыталась отобрать бубен, но пальцы вцепились в рамку намертво. Ногтями оставляла на коже красные полосы — шаман не обращал внимания.

— Изга, родной, очнись.

Истерика прорывалась слезами. Я уже ничего не видела, трясла его и толкала. Должен быть способ! Не может он стучать в бубен вечно.

Я повисла на медвежьей шкуре, просто ноги подкосились, и шаман, наконец, не выдержал. Мы упали на пол с громким стуком бубна. Рефлекторные движения прекратились. Изга поднимался на локтях, и я решила, что он очнулся.

- Уходим! Прямо сейчас. Всю тайгу на брюхе переползу, клянусь. Давай, родной, давай!

Он не слышал. Маска блестела стеклянными глазами, а под ней я увидела пустой взгляд мертвого орла. Шаман не вышел из транса, Он вставал на ноги, чтобы снова бить в бубен.

— Ну и черт с тобой! Ну и сдохнем оба! Давай вместе, как Ромео и Джульетта, а?

Они не успели поцеловаться, но у меня было время. В голову лезла возвышенная чушь о последнем дыхании, украденном у жизни. Обещанном друг другу, когда прозвучало «не будем торопиться». Мы и здесь опоздали. Господи, как глупо все, как бездарно. Что нас держало?

Я обняла шамана за шею и прижалась губами к его губам. Мгновение пыталась раздвинуть их языком, а потом почувствовала отклик. В затуманенном разуме Изги вспыхнула новая искра. Он качнулся вместе со мной, придавил телом к полу и поцелуй стал настоящим. Таким же, как на кухне. Я знала, что он последний. Пыталась надышаться, насытиться, запомнить каждый оттенок. Кровь бурлила. Бежала по венам все быстрее и быстрее. Адреналин всегда где-то рядом с похотью. Жизнь, смерть — вечный круг. Я чувствовала, что улетаю, меня затягивало в черную бездну. Да, еще, вот так. Острее, безумнее.

Изга укусил меня за губу и зарычал. Глухо, по-звериному. Я выдохнуть не успела, как распахнул тулуп на груди. Овчина застряла на плечах, никак не хотела сниматься. Он раздражался, дергал и вдруг рывком перевернул меня на живот.

— Изга!

Ледяные доски обожгли щеку, прижались к груди. От испуга я вздрогнула и еще сильнее, когда холодом обдало голую поясницу. Шаман задрал тулуп и спустил штаны вместе с бельем.

— Нет! Не надо!

Под чудовищным весом его тела я не могла шевелиться. Успела завестись, но не настолько, чтобы влаги хватало. Налитый кровью орган ткнулся туда, куда ему полагалось природой. Инстинктами. Я из последних сил толкнулась вперед и открыла рот, пытаясь закричать.

Нет, я не хочу. Я не хочу так!

Шаман прижал мои руки к бокам, а ноги держал коленями. Последней вспышкой зажглась надежда, что ничего не выйдет. Почти «по сухому». Больно будет, тяжело.

— Остановись, пожалуйста, Изга!

Он медленно входил в меня. Я чувствовала, как сдается тело под натиском, под давлением. Медленно и неотвратно. Я открывалась против воли, позволяла себя наполнять. «Чего боялась, глупая? Сама же хотела».

Как же его много, мамочки. И как же хорошо. Тело наливалось тяжестью, лоно увлажнилось. Стало легче. Шаман убрал волосы с моего лица, поцеловал в шею. Новый ритм захватывал нас, теперь он был для двоих. Я улыбалась, укрытая от холода мужским телом, захваченная в плен. Прогнулась в спине, чтобы лучше чувствовать каждый толчок. Жар нарастал даже слишком быстро. Я хотела кончить и знала, что получится. Осталось два удара сердца. Один.

Замок заскрежетал металлом, что-то тяжелое врезалось в дверь. Изга впервые сбился с ритма и замер.

— Олег вернулся.

Говорила точно я, но голос не узнала. От следующего удара полетели щепки. Олегу надоело долбиться просто так. Он взял топор и решил вырубить замок.

— Одевайся, — глухо сказал шаман и только тогда освободил меня от своего веса.

Без транса движения стали неуклюжими. Я видела, как Изгу трясло, когда он вставал на ноги. Рубаху заправил в штаны одним движением, я провозилась чуть дольше. Еще морщилась, что ледяное белье коснулось разгоряченной кожи.

Реальность вернулась похмельем и жгучим стыдом. Орудуй Олег топором чуть активнее и увидел бы нас. А убийца тоже с ним?

— Изга! Ты здесь?! — Якутский рогоносец, наконец, вломился в избу. Маленький, плюгавый мужичок в дешевой куртке. Уже серой от старости и грязи. — За ней приехали, — он ткнул в мою сторону лезвием топора. — С оружием, я видел. Нас тоже в расход пустят. Давай быстрее, еще успеем уйти. Я дверь дома снаружи бревном подпер.

Какой герой! Спаситель, прямо таки.

— Где Сандара? — глухо спросил шаман.

Я заметила паузу. Мгновение, когда у Олега изменился взгляд, и он быстро облизнул губы.

— Дома, где ей еще быть? Спит.

Слишком бодро сказал, слишком широко улыбнулся. Догадка ударила лезвием по натянутым нервам. Олег лгал.

Время остановилось. Темнота заполнила голову, мешая дышать и думать. Меня парализовало от ужаса. Где-то на границе реальности и сна, в моем собственном трансе я уже видела, как топор летит в голову шамана.

Орел камнем упал вниз. Сложил крылья и когтями впился в добычу. Изга взял Олега за горло. Просто шагнул к нему и через мгновение поднял в воздух. Второе движение сделал еще быстрее. С такой силой впечатал якута в стену, что мне показалась, у него череп треснул.

— Прости Олег, мне некогда играть с тобой в «верю, не верю». Ирина, собирайся. У нас есть снегоход.

Глава 12. Побег

Якут не шевелился. В темноте я не могла разглядеть, вытекает ли из его разбитой головы кровь? Может, там уже целая лужа. Но нет, характерного запаха не чувствовалось.

— Бубен мой найди, пожалуйста, — попросил Изга, положив ладонь на лоб Олега.

— Он жив?

— Да. Сотрясение мозга, но ничего страшнее нет. Скоро придет в себя. Бубен, Ира, я без него не уйду. Его еще в кофр желательно положить. Там хотя бы лямка есть, за спину повесишь.

Я подчинилась с готовностью робота-манипулятора в руках техника. Сработал старый рефлекс занять себя чем-нибудь, пока сознание пребывало в ступоре. Слишком много случилось за пять минут. Оперативной памяти не хватало переработать.

На коленях стояла, пока ладонями по строганным доскам пола шарила. Бубен закатился под печку, а кофр лежал там, где шаман его оставил.

— Мне ведь нельзя его трогать.

— Один раз можно. Не смертельно, — пробормотал Изга, склонившись над телефоном. Когда успел достать? Экран горел белым светом. Большим пальцем шаман быстро набирал сообщение. — Колотушка. Я уронил ее. Тоже нужна.

— Кому ты пишешь?

— Конту Сергею Геннадьевичу, он обещал помочь людно, конно и оружно. Отправляю координаты.

Я ничего не понимала, но от выдержки шамана хотелось впасть в самую черную зависть. У меня пальцы срывались с замка-молнии на кофре, как руки тряслись, а Изга координаты отправлял! Или он до сих пор не в себе? Я пригляделась и заметила, что больше удаляет, чем пишет. Мыслями точно не здесь и лишнего слова не вытянешь. Что это было только что и со мной, и с Олегом? Торжество инстинктов над разумом? Звериные повадки? Меня то в жар, то в холод бросало, стоило осознать контраст между человеком, писавшем в ежедневниках, и тем, кто обшаривал карманы бессознательного якута.

— Ключи, — пробормотал Изга под металлический перезвон. Сунул их в карман и быстро оделся. — Сиди пока здесь, я проверю, где снегоход. Колотушку найди.

— Ты знаешь, куда ехать? — крикнула я ему в спину.

— Да. Оюна поведет.

Дверь со скрипом бороздила снег у порога. С улицы задуло пригоршню снежинок и шаман забрал половину с собой. Я достигла предела страха. Он держался на стабильной высоте, больше не рос, но и не собирался падать. Определяющий момент, ключевой. Узловая точка, как бы сказал Изга. Или у нас будет транспорт, или нет.

Сколько бы моих знакомых мужчин сейчас сидели в углу и скулили от ужаса? Сколько из них даже в приступе отчаяния решились бы броситься под топор Олега? Да плевала я на десять образований, манеры и врожденный аристократизм. Иногда, чтобы защитить себя, нужно стать зверем.

А ведь Изга не такой. Я не зря не узнавала его. Что-то в нем повернулось на сто восемьдесят градусов, перестроилось, стало другим.

«Тот, кого ведут, — стучало в голове. — Ведут».

Снова нет. Он не марионетка в руках духов, он все делал сам. Каждое решение, как бусина, нанизывалось на нить лежащего перед ним пути. Ни одной лишней, глупой неправильной. Даже мой безумный взбрык встал в общую картину. Не будь его, мы бы

ушли и остались без снегохода. Именно здесь я должна была заподозрить волю духов, но вдруг все стало не важным. Мы оказались в нужной точке, и я не могла на нее налюбоваться. Даже то, как происходят чудеса — само по себе чудо.

— Ирина, — тихо позвал шаман с улицы. — Выходи.

Колотушка попала под ноги. Я подняла ее и сунула в карман тулупа. В валенки почти запрыгнула, как легко входила стопа в широкое голенище.

— Бубен, — напомнил Изга.

— Здесь, — я толкнула его в бок, и круглый кофр показался из-за спины.

— Хорошо. Иди за мной. Быстро.

Путь казался свободным. В доме что-то грохотало, но не настолько, чтобы напоминать звуки выстрелов. Такое не пропустишь и ни с чем не спутаешь.

— Пригнись, — попросил шаман, и я послушно опустила плечи. Теперь из-за сугробов ничего не видела. Каждый шаг добавлял адреналина в кровь. Где-то впереди стоял снегоход, как заветный приз в нашем забеге на среднюю дистанцию. Мы почти спаслись. Еще пять шагов, десять.

Я чуть не налетела на него в темноте. Больно ударилась коленом и взвыла.

— Тише, — взмолился Изга. — Садись.

Снова все наощупь. Сначала широкое сидение, потом спина шамана.

— Держись крепко, — приказал он, обернувшись. — Я буду занят дорогой. Не смогу следить еще и за тобой. Готова? Поехали.

Снегоход заворчал простуженным голосом. Я вцепилась в куртку Изги изо всех сил. До последнего ждала выстрелов или погони, но обошлось. Мы уехали.

Изга не понимал, как до сих пор не врезался в дерево. Первое время ехал по знакомой местности, но даже там боялся. Фары снегохода не давали ничего. Они показывали танец снежинок вместо дороги. Метель превращала воздух в бульон из крупных хлопьев. Густой такой, наваристый. Снежинки будто ложкой кто-то перемешивал. Они закручивались в спирали и летели, куда им вздумается. Нулевая видимость. Не дальше кончика носа.

Ирина до сих пор не спросила, куда они едут, а Изга не спешил объяснять. Не до этого сейчас. Поверила? Уже хорошо. Обнимала крепко, как просил, лицо за его спиной от бурана прятала. Притихшая, напуганная до дрожи. Чем дольше молчала, тем сильнее шаман верил, что именно он ее напугал, а не таинственный убийца.

Слишком быстро они ушли. Выстрелы не гремели, погони не случилось. Изга не знал, поверила ли Ирина в то, что убийца вообще был. Пробежала мимо, не оглядываясь на дом и не прислушиваясь к шуму разгрома. Зато звериная сущность шамана развернулась перед ней во всей красе.

Изге выть хотелось и кусать кулак до крови. Сказал же сидеть на табурете и не двигаться! Вроде по-русски сказал, от-чет-ли-во! Зачем она к нему бросилась?

«Дура», вертелось на языке, но Изга понимал, что от злости на самого себя. Должен был предупредить. Потратить пару минут и разъяснить все. А если бы ударил? Головой на стену бросил, как Олега? Силы в тот момент, как воды в бездонном колодце, было. Чудо, что Ирина осталась жива и здорова.

Здорова ли? Когда очнулся, она уже под ним была. Реальностью оказалось то, что считал видением. Ярким, правдоподобным, мучительно-сладким, но видением. Её тело вздрагивало под ним, отзывалось на каждый толчок. Должен был остановиться сразу же, но куда там? Все уже случилось и сознание снова померкло. Он брал свою женщину. Так грубо, как хотел, и как она позволяла. Оба забылись от страсти, оба получали удовольствие. Но, может быть, ему показалось? Изга не помнил первых минут. А если

Ирина кричала и отбивалась от него? Недолго. Звериной сущности наплевать на сопротивление. Голые инстинкты, распоясавшееся подсознание. В таком состоянии он мог сделать больно, причинить вред. Она ведь не позволит осмотреть. Будет гордо молчать или посылать к демонам в мир теней. Туда, где ему место с таким отношением к своей половине. Изгу в жар бросало, стоило представить синяки на теле, оставленные им.

— Дерево! — крикнула Ирина.

Он вывернул руль и пролетел от него в двух сантиметрах. Снегоход чуть не закопался в глубокий сугроб, и пришлось остановиться. Бульон из снежинок закипел. Они хрустели на зубах.

— Ты уснул? — Ирина тряхнула за плечо. — Изга?

— Нет, я здесь. Все в порядке.

Оюна его бросила, шаман больше не чувствовал тонкой связи с духом-хранителем. Уверенность, что он едет туда, куда нужно, померкла. Как давно он остался один?

— Где мы?

В метель не разглядеть, да и черные стволы деревьев везде выглядят одинаково. Но фразу «не знаю» шаман не мог позволить себе произнести.

— Сейчас поедem, подожди немного.

— Ты устал? Давай я сяду за руль, если это возможно. Просто говори, куда ехать.

— Нет, это по-другому работает, я должен сам.

Объясниться бы. Сбросить из головы тяжелый груз вопросов, услышав на них ответы. «Как ты? Я очень плохо себя вел? Обидел?» Признаться, что не помнил половину. Увидеть, наконец, реакцию Ирины. Она спрятала её глубоко, пока искала бубен и шла до снегохода. Молча. На автомате. И это доводило до невроза. Рвало в клочья выдержку и сбивало со связи с Оюной намертво.

— Руки замерзли? — шаман снял перчатку и потянулся к варежкам Ирины.

— Нет, еще нормально. Разве что кончики пальцев. Чуть-чуть.

— Можно посмотрю?

«Прикоснусь». Теперь слово казалось запретным. «Обниму, сожму в ладонях, поцелую». Шаман заслужил пощечину и был готов получить ее прямо сейчас. Но Ирина сняла варежку и протянула руку.

— Смотри.

Кожа казалась горячей. Шаман сжимал тонкие пальцы, гладил тыльную сторону ладони. Осмелел и нырнул в широкий рукав тулупа. Предплечье теплое.

— Ноги? — пробормотал он и повторил тоже самое с валенками. Ладонь спокойно проходила в голенище. Жаль, не проверить дальше. Стопа от холода страдала первой. Но если Ира не артачилась и надела шерстяные носки, то все в порядке.

— Мы заблудились, да? — тихо спросила она. — Ты поэтому проверяешь? Думаешь, сколько я выдержу на морозе?

— Нет, я позову Оюну и мы поедem дальше. Ира, я поговорить хочу. Знаю, что не вовремя, но иначе нельзя.

Она нахмурилась. Убрала с лица воду от растаявших снежинок и вздохнула.

— Я знаю о чем. Давай, если нужно. Это и есть твои нюансы? Те самые разные... которых много.

Думал, легче будет, но кровь ударила в голову, и озноб судорогой прошел по позвоночнику.

— Эти в том числе. Ты не думай, я такой не каждый день. Подобного вообще не должно было случиться. Нельзя насильно выводить шамана из транса. Если душа вне тела, то может не вернуться. Застрясть в других мирах.

Что он делал? Лекцию читал? Или Ирину отчитывал? Проклятый рефлекс искать себе оправдание, когда виноват! Нельзя его здесь придумать. Никаким «побочным эффектом от шаманства» не отделаться. Хотел, чтобы Ирина осталась с ним? И как? Останется теперь?

— Прости, — сказал Изга. — Не так все должно было быть.

Ветер бил в спину, снегоход урчал заведенным двигателем. Столько шума в тишине ночного леса, но не слышно главного. Голоса женщины, ставшей подарком Вселенной. Подарком, который он чуть не сломал.

— А мне понравилось, — улыбнулась она и обняла его за шею. От дыхания растаяли снежинки на воротнике куртки. — Только давай в следующий раз на кровати или на диване. И без тулупа. Штаны бы тоже снять полностью. Хотя и так было неплохо. Не грузись, пожалуйста. Мне кажется, ты переживаешь больше меня.

Воздух кончился. Живот дергался, но на вдох движения не хватало. Изга на порыве прижал Ирину к груди так, что руки заныли. Она придавала ему сил, поднимала к небесам.

«Моя женщина. Моя».

Горизонт светлел. Мы потратили на операцию «спасение» половину ночи. Шаман сидел на снегоходе и пытался заново услышать зов Оюны, а я утаптывала снег на ближайшей ровной площадке. Барахлил наш компас. Спутниковый навигатор глючил и выдавал ошибку. «Из-за меня» — хотелось сказать вслух, но я не стала нагнетать. Углубился шаман в самобичевание, даже не думала, что его это настолько выбьет из колеи. Значит, не все равно. Значит, действительно что-то из ряда вон выходящее и привычкой стать не должно.

А ведь мог сослаться на трудности профессии, на особенности измененного сознания. Мужчины горазды придумывать оправдания. То у них характер сложный, то кровь горячая, то детство тяжелое. «Ну, вот такой я. Люби, каким уродился, или проваливай». Алкоголики и наркоманы — те вообще чемпионы. После каждого запоя слезно клянутся, что «это было в последний раз», а потом без зазрения совести продолжают куролесить. Все водка проклятая или наркотики виноваты. «Ты знаешь, без них я нормальный».

Я не знала, какой Изга на самом деле. Не помещался он ни в один шаблон, его нужно было постепенно открывать шаг за шагом. Слишком много внутри. Бездна без конца и края. То, что я видела — хорошо, если десятая часть. И она мне нравилась. Самой себе стыдно признаваться, но когда мужчина настолько мужчина, то и близость умопомрачительная. Черт, да у меня от воспоминаний белье промокало! Низ живота сводило спазмом. А можно повторить? Второй раз, третий, четвертый, пятый, с прелюдией, с ласками, на всю ночь и чтобы основная часть Марлезонского балета была точно такой же! Однако сначала нам предстояло добраться до безопасного места.

Я проследила взглядом уходящие вдаль дорожки от полозьев и гусеничного трака. Неизвестно, сколько сюда ехали. Долго. Пешком я бы точно не дошла.

— Ирина, сядь на снегоход, он хотя бы теплый.

— Ты уже все?

— Нет. Пойду, пройдуся, может, настроюсь. Вроде цепляюсь к зову духа, но связь пропадает. Так мы далеко не уедем. Нужно наверняка.

Я обернулась на шамана, пытаюсь разглядеть его силуэт сквозь пелену снега. Он стоял, опустив плечи и не поднимая взгляд. Меня снова кольнуло досадой. Нужно было сразу отношения выяснить, не дожидаясь, пока это повредит. Я-то молчала, чтобы не мешать.

Думала, что все в порядке. А теперь из-за ерунды столько проблем.

— А если её задобрить? — я старалась вспомнить все, что когда-то слышала о духах. — Домовому же наливают молоко в блюдце, печенье кладут, а он тоже дух.

— Оюна — совсем не домовый, — улыбнулся шаман. — Но хранителей местности действительно принято задабривать. Особенно на туристических тропах и в охотничьих угодьях. Иначе обиженный дух будет чинить тебе препятствия. Вплоть до того, что столкнет машину с обрыва.

— Ого! Даже так?

— Я сам не проверял, байка это или правда. Иногда туристы сами срываются, если садятся за руль пьяными и агрессивно водят. Но несколько ржавых остовов в оврагах лежит — это факт. Водителей достали и похоронили, а местные теперь маниакально задабривают духа и приезжих учат. Мало ли что. Водку пьют. Полстакана выливают на землю, остальное в себя. Пока до турбазы через все места силы доберутся, уже никакие. Кто за рулем тоже духа задабривают, только соком. Дураков больше нет. Иногда суеверия серьезно так идут на пользу.

Я не знала, улыбаться или грустить. Изга умел выводить рассказами на самые разные эмоции. Все тот же дар, что и на бумаге. Еще одна черта характера.

— Жаль, что еды с собой не взяли. Я бы уже все карманы вывернула и разложила подношения на снегу.

— Еда — часть ритуала, но она больше для тех, кто не умеет по-другому. Духи питаются эмоциями. Низшие предпочитают первичное сырье — гнев, похоть, страх, радость, восторг, счастье.

— Ты негативные специально раньше позитивных назвал?

— Да, они сильнее. Ярче, держат крепче и получить их проще. Если сравнивать с едой, то это как харчо из баранины против овощного салата.

Удар под дых всем сторонникам позитива и беспричинной ежедневной радости. Хотя, расскажешь им про овощной салат, еще и гордиться будут. Кормят духов исключительно здоровой пищей. Зато если я психану, то от меня сразу на весь день отстанут, укатываясь из моего подсознания, как сытые колобки.

— А высшие? — спросила я, улыбаясь, — Они что любят?

— Там другая градация, но ладно. Пусть будут высшие. Им уже стараются готовить сложные блюда из большого количества ингредиентов. Занятие любимым делом, переживание момента, устремление к своему истинному предназначению, творчество. Я сочиняю для Оюны стихи.

Меня ревностью ударило так, что в глазах потемнело. Захотелось «врубить» героиню фильма «Любовь и голуби» и прошипеть злобно: «Сучка ты крашенная!» Призрачная то есть. Нет, это выше моих сил! Какая-то давно умершая девица слушала стихи шамана, а мне он ни одного комплимента до сих пор не сказал!

— Ира? Что случилось?

— Ничего, — дернула я плечом. — Сочиняй, если нужно, а то мы замерзнем здесь втроем. Ты, я и не дождавшаяся стихов Оюна.

Изга шумно выдохнул, помолчал, а потом ответил:

— К духу местности бессмысленно ревновать. Она хоть и женщина, но изменить тебе с ней я никак не смогу.

— Да знаю я. Но все равно... — я не закончила фразу. Села на снегоход и уставилась в белесую пелену снегопада. Ноги мерзли даже в валенках, и руки уже приходилось в рукавах прятать. — Извини, это действительно глупо.

Изга обнял меня и поцеловал в замерзшую щеку. Я не смотрела, как ушел и долго стоял на месте, погружившись в себя. Шаман, хирург, рассказчик, поэт — что еще я о нем должна узнать? Я к тридцати годам только водить научилась и планы к рабочим проектам составлять, а тут такое. Словно время для нас текло с разной скоростью. Он жил, как ему нравилось, а я не вылезала из Дня Сурка.

Оюна подношение приняла. Я не успела окончательно закоченеть, как шаман вернулся за руль снегохода. Рассвело уже на половину, скоро можно будет фары выключить.

— Держись крепко, — напомнил Изга, и мы поехали.

Дорогу я не запоминала. Прижалась щекой к спине шамана и закрыла глаза. Снегоход ехал плавно, но иногда нырял в овраги и поднимался на пригорки. Без усталости и жалоб на низкую температуру. Мне бы его железные нервы и морозостойкий корпус. Кожа на лице болела, холод добрался до щиколоток. Обморожения не получу, но простыну запросто.

— Мы бы не дошли, — сказала я, не надеясь, что Изга услышит, но он ответил.

— Мы бы не пошли так далеко. Я рассчитывал на другой дом. В пятнадцати километрах от меня стоит охотничья заимка. У нее нет хозяина. Просто изба, где всегда есть вода, дрова и запас консервов в тумбочке. Каждый, кто в ней останавливается, перед уходом пополняет запасы. Местные о ней знают, поэтому я собирался отдохнуть там, согреться, поесть и пойти дальше. Но Оюна сказала, что Азыкгай здесь. Мой наставник. Не знаю, зачем приехал. Побывать еще в одном месте силы, поговорить с духами. О его доме, о том, что в той стороне вообще есть жилье, не знает никто. Почти приехали, кстати. Направо в низине. Видишь?

Снег перестал сыпать ведрами. Я сощурилась и разглядела бревенчатую избу на поляне. Из трубы тонкой струйкой тянулся дымок. Не знаю, ждал ли нас старый шаман, но Оюна не обманула. Я была готова забрать обратно слова про «сучку» и мысленно извиниться. Видя такие фокусы, во что угодно согласишься. Я дожила до тридцати лет и представить не могла, что за стеной офиса абсолютно спокойно существует другой мир. Тот, где голоса духов заменяют маршрут на карте, а шаманы знают друг о друге без телефонов и социальных сетей.

Изга остановил снегоход у покосившегося забора и в окнах зажегся свет. Я почему-то ждала лая собак, запаха гари и пронзительного скрипа деревянной двери. Но мы не в деревне. Шаман Азыкгай появился на пороге дома совершенно бесшумно.

— Ну, здравствуй, Георгий. Кого привел ко мне?

Глава 13. Азыкгай

В отличие от своего ученика, Азыкгай был стереотипным шаманом. Из-под шапки торчали длинные пряди седых волос, а на меня смотрели монголоидные глаза. Я не могла угадать, сколько лет старому якуту. Семьдесят? Восемьдесят? Морщины такие, будто яблоко на солнце высохло. Кожа темная, дубленая. А одет просто. Не по-шамански. Хотя Изга вообще в джинсах ходил, но сейчас горнолыжный костюм надел.

— Доброе утро, ойуун, — сухо и очень серьезно сказал Изга.

Титул шамана назвал? Второе имя? У меня от усталости и нервяка голова на странные слова не срабатывала. Я по легкому напряжению между мужчинами чувствовала — что-то не так. Да, не на свадьбу приехали, но я более теплой встречи ждала, наверное. Все же ученик. Или мы слишком серьезные проблемы привезли с собой?

— Её зовут Ирина, — Изга погладил меня по плечу и ненадолго прижал к себе. Чертовски характерный жест. Так дочерей и жен знакомым представляют. Чтобы сразу дать понять «чужая территория, губу не раскатывать, руками не трогать». У нас пару часов назад близость случилась, я бы под пытками не назвала наш статус, а шаман спокойно решил за двоих. Нет, он имел право, конечно. Именно за двоих он сейчас и отвечал. — Азыкгай, я привел ее в твой дом, чтобы спасти.

— Привел? — шаман встал на цыпочки, пытаясь разглядеть что-то над плечом своего рослого ученика. — Снегоход не твой, что ли?

— Нет, я его угнал.

— Хозяина куда дел?

— Сотрясение мозга ему устроил. Олег лежал в моей избе, когда я уехал. Уже должен был очнуться. А в доме выбивал закрытые двери убийца, приехавший за Ириной. Буран следы замел, но в покое нас не оставят. Я жду погоню завтра. Максимум послезавтра.

— А танк почему с собой не взял? Как отбиваться будем? Я — старик, она девица, ты один.

— Я попросил помощи.

— У духов?

— У людей. Сергей Конт, банкир и супруг Натальи. Я тебе о ней рассказывал.

— Помню, — хмуро ответил шаман и задумался.

Я боялась, что откажет. Идти нам больше некуда. Топливо в баке снегохода не бесконечное. Чудо, что хватило сюда доехать. Олег, как я поняла, не особый богач. До полного мог и не запрапляться. Ехать ему было не далеко.

Меня накрывало страхом и сожалением по мере того, как холод поднимался от щиколоток к коленям и от запястий к локтям. А если незваный гость с психу, что мы ушли, убьет Олега? Нет, он, конечно, сам виноват, но ведь пытался спасти. Делал вид, хотя бы. Да, я его жалела. И дом шамана тоже. С убийцы станется его поджечь. Просто так от жажды разрушения и чтобы нам было некуда возвращаться. А еще в дом можно положить труп Олега и списать все на пожар от неисправной проводки.

Господи, да когда это кончится? Больше всего мне хотелось лечь, уснуть и чтобы никто не трогал.

— Ноги чувствуешь?

Голос старого шамана прозвучал так тихо, что я его не сразу услышала. Когда проморгалась и сфокусировала взгляд, то расплывчатое пятно превратилось в лицо Азыкгая. Он смотрел на меня снизу вверх, как ребенок на взрослого. Или взрослый, присевший на корточки, чтобы опуститься до уровня ребенка.

— Чувствую. Стою же.

— А язык не ворочается. Пойдем. Не бойся, я не кусаюсь, а в доме у меня сухо и тепло. Тебя родители как ласково называют?

Я споткнулась о порог и врезалась плечом в косяк. Боль сбила и без того спутавшиеся мысли. Отец даже в младенчестве звал полным именем, а мама умерла. Я не запомнила ее, и когда листала альбом с фотографиями, то ничего не отзывалось при взгляде на женщину в свадебном платье. Тоска, может быть, обида. Будь она рядом, все бы пошло по-другому.

— Никак. Ирина.

Старый шаман хмыкнул, усадил меня на табурет и кивнул на Изгу.

— А он как называет?

От смущения кончики ушей чуть не закипели. Я не ожидала от себя такой острой реакции. Взрослая женщина, циничная бизнес-леди, а рефлекс, как у школьницы. Еще не хватало пальчиком в ладошке поковырять.

— Ирина, — признался Изга, — иногда просто Ира. Так мы останемся?

Азыкгай обернулся к нему и впервые улыбнулся. Морщины завязались в узлы у вздернутых уголков губ.

— Я давно к Эрлику стучусь, да не пускают пока. А вам там делать нечего. Через порог мой переступили, метки сразу мерцать начали. Обе. Есть ли у меня — даже знать не хочу, но другой рассказ послушаю. За что убить хотят твою ненаглядную? Дорогу кому-то перешла или чего другого натворила?

- Я не вижу, — пробормотал Изга. — Пусто вокруг нее.

— Врешь, — покачал головой Азыкгай. — Смотришь, но не замечаешь. Вместе подумаем. Потом. Сейчас греться нужно. Сетку из подпола достань. У меня там аптечка. А ты Ирина-Ира, валенки снимай. Тулуп тоже долой. Папу как зовут?

— Карл, — прокряхтела я.

Замерзшие ноги намертво застряли в валенках, а негнувшиеся пальцы срывались с голенища.

— Злой мужик? Суровый?

— Бывает.

— Ругался по молодости, когда ты водку хлестала?

Я чуть не поперхнулась, но один валенок, наконец, поддался. Шаман следил за мной крайне внимательно. Помогать не рвался, да я бы и не позволила.

— Да и шут с ним, если ругался. Сейчас пить будешь. Молодой, ты где?

— Здесь, ойуун.

Изга достал из сетки пыльную бутылку водки.

Я собиралась отказаться, как только ее увидела. Даже рот открыла, но тут же закрыла, понимая, что адекватные медикаменты остались в столице или в саквояже хирурга Извольского. А там, где их не было, в целительную силу водки верили свято.

В голове хихикали сразу два голоса. Один — бывшего сокурсника с его бородатыми байками и странными присказками. Он, поднимая рюмку водки, всегда говорил: «Да разольется живительная влага по периферии телесной не ради пьянки окающей, а дабы не отвыкнуть». И второй. Женский, вкрадчивый. «Ирочка, запомните на всю жизнь, девушкам пить водку не прилично».

— Ты пьяная как? — спросил Азыкгай, доставая из антикварного комода три граненых стакана. — Буйная? Хулиганить будешь?

— Нет.

Старого шамана короткий ответ не устроил. Он явно ждал чего-то большего. Может, сцену с обязательным ломанием, отказом от спиртного и кокетливым: «Что вы, что вы, я не такая». А у меня язык чесался процитировать еще и Булгакова. «Это водка? Помилуйте, королева. Разве я позволил бы себе налить даме водки? Это чистый спирт». Кстати, ни разу не пила медицинского. Говорят, он сладковатый.

— Тогда давай, — скомандовал Азыкгай, протягивая мне стакан, наполненный на четверть. — Залпом. Как лекарство.

Пробку до этого шаман скрутил с треском и профессионально повернул бутылку, чтобы водка через дозатор текла тонкой струйкой. Два других стакана он оставил на столе. Едва я сунула напиток под нос, как тут же почувствовала характерный спиртной дух. Хотя не самогон и то ладно. Не была я фанаткой натурального продукта. Запах его не нравился. Кедровые шишки, березовые бруньки и ягодные сиропы положение не спасали. Ага, я тот еще знаток. Главное, вслух не умничать. А то, правда, подумают невесть что.

— Ира, подожди, — остановил Изга, когда я уже выдохнула и поднесла стакан к губам. — Азыкгай, у тебя закуска совсем нет? Холодный чай, тогда, что ли, налей.

— Тихо ты с закуской, — махнул на него рукой старый шаман, — все есть. Но раз дама не просит, то я не настаиваю. Ну, давай, красавица.

Глаза старого шамана блеснули азартом. На представление настроился? Ладно, будет ему представление. Мне как раз ребячество в голову ударило. Захотелось побыть взрослой на глазах у серьезных дяденек. Показать, как лихо умею пить. Я задержала дыхание и махнула стакан. Спирт, разбавленный водой, очень мягко скатился прямо в желудок. Рот наполнился теплом, я пережидала бурю, не дышала, терпела. С закуской или с запивкой, конечно, легче, но и так сойдет. Однако Азыкгай жестом фокусника достал из-под своего табурета банку с огурцами. На ходу подцепил с комода вилку и вручил ее мне уже с добычей. Вот теперь на язык действительно попала живительная влага. Соленая, пряная, ароматная. Я чуть не замурыкала от удовольствия. Кто никогда не хрустел соленым огурцом после стопки водки, тот считай и не жил.

— Хорошо, — выдохнул вместо меня Азыкгай и широко улыбнулся. — Давай стакан, налью еще.

Он спойть меня решил?

— Для согрева хватит.

— Не спорь со старым шаманом! — грохнул он кулаком по колену и притворно рассердился. — Я здесь врач.

Изга демонстративно прокашлялся у него за спиной.

— А ты, молодой, прокатил хворую девицу на снегоходе в лютый мороз, — не оборачиваясь, осадил его Азыкгай. — Со свежим послеоперационным швом. Чего забыл у неё в животе?

— Разрыв селезенки был. Падать в неисправном вертолете с большой высоты никому не полезно. У нее повязка там, нужно поменять. Нет, я не против, пусть пьет, но за завтраком и после перевязки.

— Тогда готовь завтрак. Я сам ее перевяжу.

Я фыркнула от смеха, но все комментарии оставила при себе. Особенно, когда «молодой» хирург с многолетней практикой послушно достал из подпола картошку и начал ее чистить. Какое мое дело? Это их погрешности. Которые в каждой избушке, как известно, свои.

Нормальная аптечка у Азыкгая тоже нашлась. Перекись водорода, муравьиный спирт, зеленка, йод, таблетки в бумажных стандартах. А еще вместо стерильных повязок на клеевом слое меня ждал бинт и лейкопластырь.

— Еще бы подорожник достал, — тихо проворчал Изга. — Я же привозил тебе нормальный материал.

— Кончился, — невозмутимо ответил шаман, укладывая бинт слоями. — Я теми заплатками окно заклеил, чтобы не дуло. Хорошо держатся.

Я уже не могла терпеть. Давилась смехом и прятала нос в воротник кофточки. Изга сносил подколлки учителя стоически и даже теперь разве что чуть-чуть закатил глаза и буркнул что-то под нос.

Азыкгай прежде чем снять с меня повязку долго держал над ней ладонь. Я чувствовала жар от его пальцев, а может, мне просто показалось. Водка всасывалась в желудке, разливаясь теплом по телу. Правильно выпитый алкоголь без труда исполнял свою главную функцию — расслаблял. Я уже мечтала уронить голову на подушку и забыться беспробудным сном. Тем более ради перевязки меня пересадили на диван.

— Ложись, — приказал шаман, убрав ладонь. — Нормально там все, заживает. Руки у твоего хирурга из правильного места растут.

Изга замер, не дочистив картофель, а потом качнул головой и продолжил снимать кожуру. Видимо, старого якутского шамана и столичного главу холдинга «Альянс» роднило то, что похвалы от них годами не дождешься. Я от отца вообще не помню, чтобы ее слышала.

— А знаешь ли ты легенду, красавица? — спросил Азыкгай, деликатно отрывая повязку от раздраженной кожи. — О том, как храбрый шаман Керемкер сражался в царстве теней за душу больной девушки? Эрлик много испытаний послал ему, но Керемкер выстоял.

— Ей не до легенд сейчас, — как-то слишком поспешно возразил Изга и нечаянно уронил картофель в чашку с водой.

— Отчего же? — хитро улыбнулся шаман, и я сразу поняла, что легенда не простая. — Пусть послушает. Ты готовь, готовь. Так вот. Победил в последнем испытании Керемкер самого Эрлик-кана и забрал душу прекрасной Тумаини. Очнулся от транса и увидел, как плачет над ней мать, а отец гладит дочь по голове. «Чудо случилось, — шептали все родственники, — чудо». Жаль, бедная была семья, нечем заплатить асты шаману. Вот-вот духи прогневаются, но уж больно хороша Тумаини. Отец заметил, как смотрел на нее молодой Керемкер. Подумал и сказал: «Нет у меня большего сокровища. Забирай Тумаини в жены». Сыграли они свадьбу и нарожали кучу детей. С тех пор и повелась традиция красивым девушкам благодарить шаманов за исцеление по-особенному.

У меня алкогольный жар холодным потом вышел. Я, не контролируя себя, уставилась на Азыкгаю с открытым ртом. Ничего себе цена у перевязки! То-то он сам рвался ее делать!

— Да не бледней ты так, — расхохотался шаман. — Я стар. Мне уже без надобности. А вот молодой... Но то ваше дело.

Теперь мы оба смотрели на Изгу. Я не думала, что у него так сильно краснеют уши. Да и сама чувствовала себя не лучше. Не знала, куда деть руки. Выходит, рассчиталась уже? Заплатила асты за спасение. А свадьба? А дети? Это часть оплаты или они просто под руку в легенде подвернулись?

— Азыкгай, — процедил сквозь зубы Изга. — Тебе картошку на сале жарить или как?

— На сале, конечно. Оно в подполе за банкой с помидорами.

Теперь мне как никогда хотелось водки. Можно сразу полстакана.

Картошка не пригорела, и соли в ней оказалось достаточно, хотя голова повара была занята чем угодно, но не процессом приготовления. Соскучился Азыкгай, одичал в тайге. Тишина и пустота внутри требовали, чтобы их заполнили словами. Любыми, лишь бы звучали. А вместе с ними смех, удивление, злость, растерянность, радость, смущение, снова смех. Азыкгай тянул их из гостей и пил, как микстуру от одиночества. Изга не хотел мешать, рука не поднималась, но легенда стала той палкой, что еще не ломалась, но уже громко трещала.

«Зачем?» — хотелось спросить наставника.

Он почувствовал, что Ирина — предназначенная пара, увидел жест Изги на пороге дома и решил, что у них уже все сложилось? Можно подкалывать счастливую новобрачную, чтобы она рдела от смущения?

О, Ирина краснела, как рак. Только вместо скромности сквозь ее фальшивое спокойствие пробивалась настоящая ярость. Хрупкое доверие, робкая улыбка и такое желанное «мне понравилось, все хорошо» — разбились вдребезги. Один намек. Один проклятый намек, что близость стала оплатой за спасение и можно начинать сначала. С того дня, когда Ирина впервые открыла глаза в доме шамана и набросилась на него с кулаками. О, боги верхних миров, кто тянул Азыкгай за язык?

— Еще, — попросила Ирина, сев за стол, и поставила стакан ближе к бутылке. — Под закуску.

Радость старого шамана погасла, как огонь, оставленный в печи без присмотра. Не нужен особый дар проницательности. Разъяренную до дрожи женщину всегда видно. С ней рядом стоять не приятно и не важно, кричит она или молча смотрит на пустой стакан.

Просьбу Азыкгай не выполнил. Обернулся к Изге и спросил:

— Она не знает?

Палка перегнулась и сломалась.

— Что я должна знать? — взвилась Ирина. — Прейскурант? Сезонные скидки на услуги или привилегии VIP-клиентов? Вы вдвоем решили, что я — шалава с Тверской?

Гнев требовал выхода. Изга видел, как удар пошел импульсом из груди по плечу до локтя. Как Ирина сжала кулак и скривилась от боли. Но вспышка молнии погасла, а гром не прогремел. Дочь Карла Римана проглотила обиду. Изга почти видел тугой черный ком, который она протолкнула по горлу вниз. И в комнате стало темно. Ирина погасла. Ушла в себя, превратившись в черную дыру. А Изга все еще стоял и смотрел на нее как дурак.

— Пей, — Азыкгай достал из комода пластиковую бутылку и поставил на стол. — Клюквенный морс. Он вкусный. Георгий, на два слова.

Ноги со скрипом ботинок оторвались от пола. Два шамана оставили притихшую женщину в комнате, и вышли в сенцы. Света здесь почти не было. Только белые и желтые полосы через щели двух дверей.

— Она не знает? — повторил вопрос Азыкгай.

— А ты как догадался? Предназначенность уже без транса видно?

Старый шаман тихо хмыкнул в темноте.

— Кожей чувствуется. Да ты и не прятался, с чего вдруг заднюю дал?

— Потому что нельзя вот так с порога, — зарычал Изга, — вываливать на человека правду, как тюремный приговор зачитывать. «Отныне и до конца жизни ты — моя половина. Шаг влево, шаг вправо — сплошное несчастье. Не нравлюсь тебе? Терпи! Никуда ты не денешься». Как думаешь, она бы дослушала фразу до конца или сразу сбежала? Да, не знает. Да, я не собирался говорить вообще никогда! И теперь оправдываться не буду.

— Ну и зря, — выдохнул Азыкгай. Посмотрел на дверь в комнату и ногой подвинул к ней одну из коробок. — Женщины любят такие истории. Им важно знать, что они принадлежат кому-то, и что эта связь крепче штампа в паспорте. Да и тебе не наплевать. Мне со стороны хорошо видно. Сколько красавиц возле тебя увивались? А ты на неё одну надыхаться не можешь. Как привязанный. Куда она, туда и ты смотришь. Она дернулась — ты рассвирепел. А повода не было. Беззлые шутки беззубого старика. Скажешь не так?

Изга чувствовал, что ответ уже на кончике языка, но зубами его прикусил. Азыкгай не задавал вопросов просто так. После некоторых его ученик ходил по дому кругами и ночью не мог уснуть. Ирина вспылила, у нее характер такой, но Изга за что на учителя взъелся? За легенду? Или за свое решение молчать о предназначенности?

— Все так, — тихо подтвердил он.

Азыкгай кивнул. Ученик не видел, но знал, что он это сделает.

— Проблемы ее на себя принял, ко мне привел, помощи попросил у одного из богачей, а ведь зарекался хоть когда-нибудь так поступить. Ты потерялся, Георгий. Сбился со своего пути на чужой.

— Он тоже мой.

— Это ты так думаешь, а она согласна? Что-то по ней незаметно.

— Она расстроена. Я... глупость сделал. Взял её грубо... В транс.

От признания легче не стало. Наоборот. Вина камнем в груди потяжелела. Проснулась, не успев толком придремать. Азыкгай долго молчал. Изга думал, ничего уже не скажет. Тишина опять застлала маленький дом, забиралась в каждый угол, хватала за ноги и тяжестью ложилась на плечи.

— Я вас одних оставлю, — пробормотал старый шаман. — Напой её водкой с клюквой, пусть поспит. Потом поговорите.

— Камлать будешь?

— Да. Может быть, ты не видишь беду, потому что сам под меткой ходишь. Судьбу со своей предназначенной делишь. Рано ты к Эрлику собрался, очень рано.

На этот раз кивнул Изга. Медленно и незаметно.

Учитель на ощупь нашел бубен на стене. Один из тех, что сделал сам. Ветер и свет пролились из двери, на туго натянутой коже вспыхнул алый рисунок. Азыкгаю дарили бубны из рук мастеров. Произведения искусства, хоть сейчас в музей. Но он любил голоса своих.

— Она ждет тебя, Георгий, — напомнил старый шаман.

— Я иду.

Дверь закрылась, но Изга не двинулся с места. «Напоить» — слишком просто. Снова отложить тяжелый разговор и надеяться, что все сложится само собой. Нужно потерпеть, дать Ирине время, чтобы привыкла к необычному мужчине, появившемуся рядом с ней. Постепенно сближаться, узнавая друг друга через мысли, слова, прикосновения. Слишком просто и совершенно невыполнимо. Конт придет, чтобы спасти и тут же увезет Ирину домой. Зачем ей оставаться? Ради чего?

Медицина в столице лучше. За деньги старшего Римана найдут профессора и команду специалистов. Будут вести Ирину со всеми полагающимися диетами, режимом и новейшими методиками восстановления пострадавшего иммунитета. Узнав, что дочь опоздала по уважительной причине, Карл Рима́н после больничного восстановит ее в должности. Хотя Изга был уверен, что его обещания уволить были пустой угрозой. И отношения не сразу, но изменятся. Страх потерять ребенка с любым родителем творит чудеса. Сразу вся дурь из головы испаряется и психологи не нужны. Ирина окунется в прежнюю жизнь и забудет шамана из якутской глубинки. Зачем он ей со своими трансми, замкнутостью, отшельничеством? А уж как папа Рима́н будет не рад такому зятю, слов-то сразу не придумать. Его порыва спасти дочь от всех бед хватит, чтобы броситься спасать в том числе от неправильного мужа. «Не позволить девочке сломать себе жизнь».

Он прав, с ним не поспоришь и предназначенность не поможет. Её голос слишком тихий. Ирина не услышит за криками отца. Не выберется из-под его железобетонных аргументов. «Этот мужчина тебе не подходит». И хоть дворовым псом под дверью скули,

ничего не изменится. Ирина не выберет шамана. Он бы сам себя не выбрал. Гиблое дело, безнадежное.

Узловая точка превращалась в точку бифуркации. Момент, когда дорога, идущая по заданной прямой, расщеплялась на множество вариантов. От самых вероятных до совершенно невыполнимых. Выбрать можно любой, осталось сделать только две вещи. Увидеть подходящий тебе вариант и решиться на него.

«Мечтай, — приказал себе Изга, — и слушай то, что приходит в голову».

Он шел по темному коридору к полоске света впереди. Там журчала вода, гремели тарелки, и веселый голос из телевизора пел про Коржика, Компота, Карамельку. «Три кота, три хвоста. Миу, миу, миу».

— Кристина, папа пришел!

— Папа!

Топот маленьких ножек не мог звучать громко, но Изга слышал его. Приятнее всего на свете, дороже стука сердца. Дочь выбежала из пятна света и бросилась на руки.

— Родная, ты соскучилась?

— Да.

От нее пахло выпечкой и духами матери. Ирина обнимала точно так же, аромат остался на волосах ребенка. Маленькое счастье. Маленькая обезьянка, повисшая на шее.

— А где твоя мама?

— Там.

В полоске света впереди. До нее два шага, три, пять...

Он никогда не пройдет их, если будет молчать. Пугало все от неопределенности до полного краха, но только так появлялся шанс. Она должна знать.

Изга открыл другую дверь и вошел в комнату.

Глава 14. Точка бифуркации

Без шумной компании водка действительно превращалась в лекарство. Средство для дезинфекции душевных ран. Но я еще не дошла до той стадии алкоголизма, когда калдырят в одиночестве и занюхивают рукавом. Морс пошел плохо. Кислый был, шаман почти не насыпал в него сахара, а самостоятельно шариться по его шкафам в поисках куска рафинада мне не хотелось. Перебьюсь. Запью ощущение горечи кислятиной и вернусь к самокопанию.

Обо мне ведь говорили за закрытой дверью. Склоняли и так и эдак недостойное поведение невыносимой девицы. Мы в школе сейчас, да? Я плевалась бумажными шариками через корпус ручки в спину соседа? Стул ему мелом изрисовала, мокрую тряпку в портфель положила?

Всего лишь сказала о том, что услышала. Да, я дергаюсь на такие вещи. Пусть теперь строгий школьный директор Азыкгай приказ напишет о моем исключении. Не судьба мне понравиться тем, от кого зависела моя жизнь. Характером не вышла. Интересно, Изга меня защищал? Ну, хоть немного?

Отец бы не стал. За свое униженное: «Я с ней разберусь» перед директором, сполна бы отыгрался на мне. Домашний арест на две недели, вынос приставки из комнаты и утилизация музыкального плеера в ведро. В воспитательных целях, разумеется. Исключительно от великой отцовской любви.

Я все-таки бахнула водки. Запивать ее кислым морсом оказалось приятно. Чуть стану навеселе, как обида на отца лезла из всех щелей. Словно я так и не выросла. До сих пор после всех моих неудач и промахов всплывало в памяти его недовольное лицо. Кого-то Адом стращали, а мне было достаточно рассерженного: «Ирина!», чтобы голова втягивалась в плечи.

Азыкгай не похож на Карла Римана, но как только он неудачно пошутил, я сразу поставила знак равенства. Отец бы тоже назвал шалавой, узнав, что случилось между мной и Изгой. Поняв это, я выпила еще водки.

Дверь скрипнула. Я поймала этот звук, цокнув языком. Клюква уж больно кислая. Язык в трубочку свернулся.

— Что с тобой?

Изга стоял на пороге с таким лицом, будто нас обоих выгнали из дома. Его-то совершенно не за что, не прав Азыкгай.

— Со мной? — пробормотал шаман и потер ладонями лицо. — Со мной все хорошо. Ты ела? Почему тарелка полная?

— Не лезет, — призналась я. — Картошка слишком жирная. Я к такому не привыкла.

Ага, принцесса опять капризничала. Я скривилась от самой себя и потянулась за бутылкой.

— Будешь?

— Да, — кивнул он.

Мелких глотков не признавал, жажнул сразу полстакана и потянулся за огурцом.

— Азыкгай нас выгнал?

— Что ты? — округлил глаза шаман. — Нет. Забудь о том, что случилось. Проехали. Есть вещи поважнее вольных интерпретаций старых легенд.

А вот это уже интересно.

— Так он неправду сказал? Никакой свадьбы и детей?

Изга вздрогнул или мне показалось. Широкие ладони хирурга легли на стол. Он

специально не сцеплял пальцы в замок, я чувствовала. Не хотел закрываться, но и сказать то, что собирался, никак не мог.

— Проклятье, да откуда трагедия? И где Азыкгай?

— Камлать ушел в место силы, — выдохнул Изга. — Здесь недалеко. Вернется часов через пять.

— Ого. А он не замерзнет?

— Нет, он привык. Там землянка, сложенная из бревен, и кострище. Да и в трансе невозможно замерзнуть. Не переживай.

Второй вопрос просился на язык: «А он выдержит?» Немолодой дедушка, чтобы танцевать с бубном пять часов. Но это их дело. Шаманское.

— Так что на счет легенды?

— Средневековый обычай, сейчас так никто не поступает, — размеренно начал Изга и все-таки потер ладони друг об друга. — У меня в мыслях не было что-то ждать от тебя кроме простого «спасибо». Ты его сказала. Больше никаких счетов и благодарностей.

— Точно? — протянула я, чувствуя желание отыгаться еще одной неуместной шуткой. — Подумай, может, ты хочешь жениться? Я вроде ничего так невеста.

Во второй раз он не дернулся, но пружина внутри ощутимо сжалась. Я заметила, как Изга втянул живот, слегка опустил плечи и посмотрел на меня исподлобья.

— А ты бы пошла за меня замуж?

Нет, мы точно в школе. Мои одноклассники любили подкатывать с таким вопросом и на любое да или нет выдавать: «Ну и дура». Девчонки обижались первое время, но в десятый раз шутка всем надоела.

Я же сложила руки на груди и посмотрела на беленый известью потолок. Никогда не откровенничала на подобные темы, но то ли водки выпила слишком много, то ли устала за последние дни слишком сильно. Язык развязался. Врачу ведь можно рассказать? Ему и не такое рассказывали.

— Я хотела замуж когда-то. Думала, что человека нашла подходящего, мы жили вместе. Знаешь, его тапочки в коридоре, куртка на вешалке, щетка рядом с зубной пастой. Он тоже много работал, но вечера мы проводили вместе. Тихий семейный просмотр сериалов под пиццу или роллы. Мне казалось, что все идеально. Что вот-вот я увижу кольцо в бархатной коробочке и услышу предложение, но мужчина медлил. Ладно, не все такие решительные, шаг серьезный. Кто-то семь лет встречается, прежде чем в ЗАГС идет, а мы всего год. Нужно подождать. Еще подождать, еще. Однажды он спросил, как я на счет детей. «Да, — ответила я и чуть до потолка не подпрыгнула. — Да!» И мы перестали предохраняться. Я робко намекнула на свадьбу. Логично же все, правда? «Конечно, — ответил он. — Забеременеешь, сразу поженимся».

Я замолчала, в горле пересохло. Тогда это воспринималось ерундой. Не очень высокоморально с точки зрения отца, но какая разница? Сколько невест вышли замуж с животом? Не я первая, не я последняя. Даже в салонах платья шили с учетом интересного положения. Я узнавала.

— У тебя нет штампа в паспорте, — тихо заметил Изга. — Извини, я посмотрел, когда пытался выяснить, кто ты такая и можно ли сообщить родственникам.

— Хорошо, — качнула я головой и почувствовала, как меня ведет из стороны в сторону. Алкоголь действовал. — Ерунда, у меня в сумке секретов нет. Ребенка у меня тоже нет. Мы год пытались, ничего не вышло. Честно пошли в медицинский центр на обследование, оставили там три моих зарплаты и все без толку. Он здоров, я здорова, а детей нет. «Бесплодие неясной этиологии». За ту астрономическую сумму, что я потратила в центре, мне посоветовали сходить к психологу. «Возможно, у вас психологический блок стоит». А возможно, что нет. Я не стала проверять. Мой мужчина ушел. Прямо сказал, что ему не нужна бесплодная жена и ушел. Конец истории.

Меня, как обычно, накрыло болью от обиды, но отпустило быстро. Легко было, словно я лежала на облаке. Никому не признавалась о причине разрыва, даже отец не знал. Не думала, что после ежедневников должна Изге эту откровенность. Просто рассказала, и мне стало хорошо.

— Вы могли пойти на ЭКО, — пробормотал шаман, поглаживая пальцем переносицу. — При таком бесплодии, когда проблема только в зачатии, шанс выносить ребенка очень высокий. Ты действительно здорова. Я видел, когда лечил тебя... своими методами. Репродуктолог не предложил вам ЭКО?

Вопрос серьезный, а я улыбалась пьяной улыбкой во весь рот. У хороших врачей на приеме чувствуешь себя как дома. С Изгой было еще лучше. Я с подругами так свободно себя не чувствовала. Мужчина, понимающий в женских тонкостях и искренне интересующийся — это что-то.

— Предложил, но мой мужчина отказался. Это противоестественно. Ребенок родится больным. Дауном. Лучше из детдома взять, но он не готов.

— Не готов, — вздохнул шаман и низко опустил голову. — Не захотел он. Мифы о больных после ЭКО детях давно опровергли. Вероятность хромосомной аномалии не больше, чем при естественном зачатии. Особенно, если возраст у партнеров за сорок, сорок пять лет. Но ты молодая, проблем не должно было быть. Беременность протекает сложнее — да. Это относительное показание к операции кесарево сечение — да. И это все преодолимо. Было бы желание.

Изга поднял на меня взгляд, но смотрел куда-то в пустоту. Ровно мгновение, потом я почувствовала его рядом. Так, словно сел на мою сторону дивана и обнял.

— Я так считаю и я убежден, что если женщина хочет родить, то все, кто рядом с ней: врачи, родственники, супруг, обязаны наизнанку вывернуться, чтобы ребенок у нее был.

У меня глаза защипало. Я зажала пальцами переносицу, но не перестала улыбаться. Есть такие слова, после которых жить хочется. И ты не головой это понимаешь, а чем-то глубоко внутри.

«Спасибо», — так и не сказала я. Просто не смогла в тот момент.

Бутылку водки мы не допили. Ни к чему уже было. И так стало удивительно тепло. Мы болтали, сидя за столом. Улеглись на диван и снова болтали. Эйфорию словили, когда ничего не страшно. Половину утром не вспомним. Я задремала на плече шамана. Уткнулась носом в его свитер и отключилась.

— Вставай, — Азыкгай тряс за плечо, но говорил тихо. Почти в самое ухо. — Подъем, Георгий.

Ирина вздрогнула и завопилась под боком. Теплая, разомлевшая под одеялом. Шаман укрыл ее под шею. Может, не стоило? Вспотеет, хуже будет.

— Кумар у вас, — поморщился Азыкгай. — Бутылку на двоих уговорили?

— Нет, там осталось.

Изга не понимал, зачем оправдывается. Мысли текли тяжело и медленно. Черно-белыми обрывками всплывали лица Олега и Сандары, рисунок полозьев снегохода на дороге, оставленный дом. То, что давно сидело в мозгу и не давало покоя. А сверху тонким слоем ложились свежие заботы. Цветные, как одежда Ирины. Её ярко-голубые джинсы, синяя кофточка, красные волосы.

Диван скрипнул, когда Изга встал. Размял шею, плечи, поискал взглядом графин с водой. Жарко Азыкгай натопил избу. И ведь не убавишь температуру, только проветривать.

— Вы поговорили? — глухо спросил старый шаман. — Ты признался?

— Нет.

— Слабак.

Изга хмыкнул и надолго приложился к графину. Пил прямо из горлышка. Вода колодезная, с привкусом. Нужно было глубже бурить и скважину ставить.

— Знаю, что слабак, но язык не повернулся. Пойдем в сенцы.

— Там темно. В прошлом году проводка выгорела, так никто и не починил. Я же с духами общаюсь и с другими шаманами. Среди них нет электриков.

Упрек прошел мимо ушей, хотя раньше Изга бы взвился: «Почему не позвонил?» А сейчас в сознании щелкнуло:

— Твой телефон где?

— В коробке лежит, я его не включал.

— Молодец, я свой выбросил. Пойдем на улицу.

Азыкгай в верхних мирах понимал больше, чем в устройстве сетей сотовой связи. Удачно, что активный номер у него так и не появился. Значит, даже теоретическая возможность запеленговать их местонахождение исключалась. Это осложняло убийцам поиск и давало Сергею Конту время отправить обещанную группу в заданные координаты. Пусть Ирина отдыхает, пока она все в безопасности.

Мороз не успел окрепнуть, значит, к вечеру опять поднимется ветер и засыплет все свежим снегом. Таким же ослепительно белым, как тот, что уже лежал сугробами возле крыльца. Изга жмурился, привыкая к нему после темной избы. И не сразу заметил, что дорожка расчищена.

— Ты не ходил камлать?

— Ходил, — буркнул в ответ Азыкгай. — И почти сразу вернулся. Ты не знаешь, почему Оюна такая злая?

— А причем тут Оюна?

— Совершенно не причем, — вздохнул старый шаман. — Просто неприятно, когда ревнивая женщина тебе взглядом спину высверливает.

Изга зубами скрипнул и потянулся за лопатой. Уж лучше снег кидать, чем выбрасывать энергию в воздух. Что ж все происходит одновременно?

— Я думал, она успокоится.

— Одного мужика двадцать лет прождала, потом его с детьми от другой увидела и пошла топиться. Тут второй на сторону смотрит...

— Я ничего не обещал!

— Меньше ей стихи читать нужно было!

К месту лопата пришлась, вся злость в руки уходила. Азыкга й потому был неудобным собеседником, что всегда оказывался прав. Оюна — раненая душа, навечно привязанная к месту, где когда-то чуть не утопилась от несчастной любви. Оттолкнули духи от края. Она потом долгую жизнь прожила и часто ходила к плоскому камню благодарить тех, кто ее спас. Но до конца от обиды не избавилась. Так и не смогла простить соперницу.

— Она ревнует к Ирине. Бросила меня на полпути сюда и не хотела больше помогать.

— Скажи спасибо, что хоть так. А то могла убийц по следу привести к избе еще раньше, чем тебя.

Самое страшное, что может до сих пор. Люди не чувствуют зов духов так, как шаманы, но могут потянуться слепыми котятками на голос матери. Идти и не думать, куда. «Интуиция, чудо! Я будто заранее знал, что мне туда нужно». Оюна знала. И так хотела известить соперницу, что была готова подстроить её убийство. Может, поэтому метка до

сих пор горела над головой Ирины. Да, она мерцала, шанс спастись появился, но как понять, что нужно делать дальше?

— Оюна откуп потребовала.

— Снова стихи? — приподнял брови Азыкгай. — Сплясать просит, спеть? Так давай вместе. Я вроде как покрываю вас, тоже виноват.

— Нет, — Изга чувствовал, что несет бред. — Она потребовала, чтобы я отдал ей красоту Ирины.

Слово в слово. Изга произнес это так, как услышал. Не одна лишь Вселенная умела вольно трактовать формулировки, в случае с требованиями духов это тоже работало.

— Совсем свихнулась, — проворчал старый шаман. — Она изуродовать её предлагает? Кислотой облить?

— Ветрянкой заразить. Чтобы Ирина с язвами на лице не казалась мне такой привлекательной, а Оюна почувствовала себя отомщенной.

Шаманы замолчали. Изга расчищал двор от снега, Азыкгай стоял на месте и смотрел в небо. Разгадку ребуса с красотой нужно найти, иначе недовольный дух житья не даст в буквальном смысле.

— Временное изменение её устроит? — рассуждал вслух ученик. — Написать что-нибудь обидное на щеке или лбу, нарисовать на теле?

— Что именно? «Дура, стерва, уродина?» Так мы Ирину унизим, но красоты не испортим. Думай, Георгий, голова тебе на что? И руки хирурга... Шрам сделать? Длинный, во всю щеку.

— Она не согласится. Точка.

Жар заливал тело под курткой. Изга тоже пил и похмелье вот так выходило. Оюна ведь понимала, что шаман не согласится. Сядет на снегоход и увезет свою женщину туда, где дух местности над ними будет не властен. Или именно этого хотела? «С глаз долой, из сердца вон?» Мудро. Но не сейчас, когда им некуда бежать. Бензина хватит, чтобы добраться до границ территории Оюны, но до ближайшей деревни там — нет. Значит, ради спасения жизни Ирины, красоту придется портить.

Руки опускались. Не смог сказать о предназначенности, как об уродстве говорить? В глаза как смотреть? Гордился, что не станет главным мудаком в жизни Ирины, не переплюнет бывшего сожителя и родного отца — и что теперь? «Прости, так нужно»? «Я все равно буду тебя любить?»

Будет. Всегда. Когда она располнеет после родов и тело уже не вернет прежнюю форму. Когда в волосах заблестит седина, и лицо покроют морщины. Её характер останется прежним и, может быть, чуть-чуть испортится. А объяснять, что все хорошо, что так идёт время, станет сложнее. Один шрам ничего не решит. Совсем. Но Изга не хотел, чтобы он был.

— Так, ладно, — не выдержал Азыкгай. — Ревнивая баба не главная наша проблема. Разберемся, из-за чего стоит метка, сами с убийцами договоримся, даже если Оюна их прямо сюда приведет. И помощи из столицы можно не ждать.

— В идеале так, — кивнул ученик. — Нет причин убивать — нет метки — нет смерти. Но я даже примерно не представляю, куда копать.

— Да все туда же. Ты видел красное облако над головой Ирины?

— Близкий родственник, энергия мужская, облако метки не касается. А раз взаимодействия нет, то мимо.

— Глубже нужно смотреть, — усмехнулся Азыкгай. — Да брось уже лопату, она мешает тебе сосредоточиться. Я забрался в то облако по самые локти. Отец кровью связан с убийцей дочери. У неё есть другие родственники?

Семейные разборки? Какая-то давняя вражда, о которой Ирина не знала? Тогда понятно, почему не ждала беды и не верила в опасность.

— Родственники всегда есть. Особенно жадные до денег родственники. Пойдем, спросим?

— Пойдем, — согласился Азыкгай.

Спросонок, да еще и с похмелья вдуматься в то, что говорили шаманы оказалось сложно. Они рассказывали про облако, кровную связь, метку, которая на нее реагировала. Очередной ребус с не слишком приятными выводами. Моей смерти хотел кто-то из своих. Я грешила на работу, но мысленно похаживая вокруг своих проблем несколько дней, не нашла, за что зацепиться. Кредит? Ерунда. Если банк откажет и мы не получим его сейчас, то сроки проекта всегда можно сдвинуть. Да и я там всего лишь посредник, моя смерть ничего не решала. Что-то крупнее и серьезнее завязано на отца. Шантажировать его моей смертью? Да, может быть, но меня не брали в плен. Меня собирались убить в том вертолете. Снова не срастало. Значит, копать нужно в другую сторону.

Месть, как предположил Изга? Детективом Агаты Кристи пахло. Она любила тему злобных родственников, да и не родственников тоже. Вот только я совершенно точно никому не переходила дорогу. И так и эдак прикидывала, все свои конфликты вспоминала со школьной скамьи — ничего из того, за что бы стоило убить. Ну, нагубила кому-то, ну, тендер из-под носа выдернула. Увольняла, отказывала в должности — так никто же из-за этого не повесился.

— Родственники, родственники, — бормотала я, перебирая пальцами воротник кофты. Иногда дула на грудь прохладным воздухом. С дивана встала мокрая, волосы к шее прилипли. — У меня очень мало родственников, на самом деле. Отец — единственный ребенок в семье, я тоже. Может, у его родителей были братья и сестры, но я о них ничего не знаю. Мы не общаемся. У отца партнеры есть. Много. Друзья еще. Разве что среди них кто-то из дальних ветвей затесался, о ком я даже не подозреваю. Женщины выходят замуж, меняют фамилии, родство остается. Но они не могут претендовать на наследство, даже когда я умру. Седьмую воду на киселе адвокаты по соответствующим делам в расчет не берут.

— А любовницы у твоего отца есть? — сухо спросил Азыкгай.

Старый шаман сидел на табурете, а его ученик подпирал плечом буфет. Оба вернулись с улицы сосредоточенные и хмурые. Я не возражала против мозгового штурма. Это в любом случае лучше, чем просто ждать.

— Конечно, есть. Траур по моей матери он давно не носит. Свободный мужчина. Богатый, влиятельный, щедрый. Можете представить, какая очередь выстраивается к его постели.

— Мачехи у тебя были? — подал голос Изга. — Хоть когда-нибудь.

— Так, чтобы жили с нами и просили называть себя «мама» — нет, ни одной. Отец умудрялся заводить настолько скоротечные романы, что я о них узнавала из десятых рук. То лицо гламурной модели мелькнет на полосе светской хроники, то ляпнет кто-нибудь в курилке про очередную пассию. И, слава Богу, что они не крутились возле меня. Большинство женщин нашего круга те еще стервы. Вы думаете, у одной из них мог появиться ребенок?

Мужчины переглянулись и кивнули почти синхронно. Да, все логично. Единственный, кто мог соперничать со мной за право унаследовать строительный холдинг «Альянс» — внебрачный сын.

— У отца есть завещание, — продолжила я. — Ни разу его не видела, не знаю, кто туда вписан, но могу догадаться. Он давно намекал, что строит империю для меня, только передавать её в управление не спешил. «Молодая еще, не потянешь». Однако завещание — другое дело. Оно о будущем. И если существует второй ребенок, то у него те же права, что у меня. Четких подозрений снова никаких, уж извините. Гипотетический единокровный брат может быть как старше, так и моложе меня. Проверять все окружение тестом ДНК? Придумать вспышку заразной болезни и массово взять кровь на

анализы? А если наследника нет рядом? Вдруг кто-то другой вместо него дергает за ниточки?

— Можно обойтись без теста, — скрипнул табуретом Азыкгай. — Если собрать их вместе, скажем, на банкет, и чтобы кто-то из шаманов посмотрел родство.

— Нет, ойуун — остановил его Изга. — Это долго. Ирину убьют раньше.

— Служба безопасности разберется, — вмешалась я. — Шульгин поднимет документы, составит родословную до семнадцатого колена и все выяснит. А я пока могу отсидеться в тайге. Пёс с ним, с проектом, жизнь дороже. Найдут, кто его подхватит и возглавит. Но это всё, если Изга не возражает, конечно.

Посмотреть на него я постеснялась. Слова как-то сами сорвались с языка, я едва успела сообразить, что навязываюсь. Одно дело, из вертолета вытащить, прооперировать, и совсем другое — пустить к себе надолго. При таком раскладе заказчика убийства могут искать месяцами.

— А ты хочешь? — спросил шаман с такой надеждой, что я окончательно смутилась.

В животе порхали проклятые бабочки. Я фыркала в моменты, когда их описывали, а теперь сама почувствовала. Легкая, приятная щекотка. Вот и как отвечать?

— Да. Если ты хочешь...

Слова окончательно застряли в горле, я не могла ни языком их вытолкнуть, ни проглотить. Еще месяц назад гордо бы уехала домой, охранников требовала, Шульгина по срокам подгоняла. Того, кто посмел поднять на меня руку, уже бы живым не считала. А сейчас покушение казалось удобным поводом, чтобы остаться рядом с шаманом.

Он сел на диван и накрыл ладонью мои сцепленные в замок пальцы.

— Я очень хочу, Ирина, я уже говорил тебе. Оставайся. Жаль, мы сейчас не можем вернуться в дом, но я найду место, не переживай.

— Зачем искать? — проворчал Азыкгай. — Живите здесь. С Оюной только нужно договориться. Ты знаешь как, Георгий.

— Стихи? — неловко улыбнулась я, но Изга в ответ помрачнел.

От внезапной тишины воздух в избе стал тяжелым. Холодом потянуло по ногам.

— Нет, не стихи. Оюна требует откуп за то, что довела нас до дома Азыкгая. Она сказала: «Отдай мне её красоту». Нужно обрезать твои волосы и сделать из них подношение духу.

Глава 15. Танец двух шаманов

Я уставилась на него, забывая моргать. Слышала рассказ о духах, но никогда бы не подумала, что местная хозяйка тайги выставит мне счет.

— А взятку вечнозелеными она возьмет? Безнал принимает?

Да, я не горела желанием расставаться с десятью годами жизни, что я потратила, отрачивая волосы, ухаживая за ними в салоне и расчесывая их каждый день прядка к прядке. Они спускались почти до бедер, были идеального красного цвета и так, на минуточку, очень мне нравились.

Изга сжал мои руки крепче. Настроился уговаривать долго и красноречиво, я уже догадалась. Когда призрачная зараза успела ему мозги промыть?

— Нет, — жестко сказала я, чтобы оба шамана слышали. — Она манипулирует вами, разве не понятно? Я обрежу волосы, она скажет: «Мало. Давай переодевайся в рубище, мажь лицо сажей, сбивай брови, выщипывай ресницы». Эта мертвая стерва...

— Тише, — осадил Азыкгай, — она слышит.

— Да плевать. У нее помощи попросили, она выделяться начала. Причем задним числом, до места же все-таки довела.

— Ира! — Изга обнял за плечи и прижал к себе так, что дышать стало тяжело. Голос не повысил, наоборот, тихо заговорил над самым ухом. — Пусть получит, что хочет. Так даже лучше, что ты без волос останешься. Ты связана через них с родом своего отца. С убийцей. Я проведу обряд. Мы попробуем если не разорвать связь, то значительно её уменьшить. Посмотрим, как отреагирует метка.

— А если получится, тогда что? Дружок Олега прямо в дороге развернется и поедет обратно?

— Не исключено, — прошептал Изга. — Но может произойти и десяток других неслучайных случайностей. Вплоть до падения метеорита на снегоход преследователей. Любое проклятие — программа. Если разгадать принцип ее действия и взломать код, она начнет менять реальность уже в другую сторону.

Бред какой-то. Я вздохнула тяжело, но из объятий Изги даже не попыталась вырваться. Вопрос верить ему или нет не стоял, я просто не понимала.

— Объясни, пожалуйста, я душой себя чувствую. То есть ты проводишь обряд, отрезаешь мои волосы, относишь их под какой-нибудь камень, чтобы Оюна приняла, и убийцы летят домой?

— Ты умница, — улыбнулся Изга и прижался лбом к моему лбу. — Все верно, только в цепочку нужно добавить звеньев. Я провожу обряд, твоя связь с убийцей ослабевает, гигантское красное облако, питающее проклятие, теряет энергию. Тот посыл, что оно давало преследователям, тоже гаснет и они уже не прут напролом. Мысли появляются всякие. «Да ну его в баню, скажем, что не нашли никого. Лучше уж кинуть заказчика, чем замерзнуть в тайге насмерть». Нет, они, конечно, попытаются нас найти, но если Оюна не будет им помогать, удовлетворившись откупом, то преследователи быстро заблудятся. И тогда тем более скажут: «Да идет оно все, пляшет».

Как он виртуозно заменял маты на цензурные выражения, я заслушалась. И залюбовалась заодно. Мне нравилась идея. Принцип «нет энергии — все разваливается» я понимала и без знания шаманских тонкостей. И оценила, кажется, не только я.

— А ты дерзким стал, Георгий, — покачал головой Азыкгай. — Всегда таким был, но сейчас... Я хочу на это посмотреть. Разреши мне самому подношение Оюне сделать. Заодно я посмотрю строго на строптивцу, если она вздумает не принять откуп.

— Хорошо, — кивнул Изга.

Обрядов получалось два, как мне позже объяснили. Если бы Изга один пошел с бубном к

месту силы, то совершал бы их по очереди. Но с помощью Азыкгая мы экономили время. Не очень сильно, если честно. Я молчала, но, по-моему, учитель просто захотел посмотреть на возмужавшего ученика. Вдруг уже переплюнул его в мастерстве?

Мои сборы были минимальными. Я корячилась возле крошечного зеркала, заплетая косу. Сердце кровью обливалось при виде красного шелка, струящегося между пальцами. Я душу из стилиста вынула, добиваясь такого оттенка. «Волосы тонкие, сожжем. — Нет, я хочу!» Теперь долго буду ходить с короткой стрижкой. Ничего страшного, наверное. Голову мыть легче.

— Ножницы нужны острые, — громко сказал Изга. — Точильный камень есть? Попробую хотя бы.

Они с Азыкгаем все ящики в его комод вывернули. Ножи у шамана были старые, кухонные. Как пилить ими мою косищу я не представляла. Особенно, если Изга в трансе будет.

— Подожди, у меня тут другое, — Азыкгай придвинул табурет и, кряхтя, полез на него, чтобы дотянуться до стопки коробок на комод.

— Ойуун, давай я.

— Да все уже, держу. Вот, смотри.

Он рукавом стер толстый слой пыли с невзрачной коробки из желтого картона. Изга бережно её принял и откинул крышку. Я тянула шею, но все равно долго не могла разглядеть, что там внутри. Деревянный чехол с орнаментом.

— Бронзовый нож, — объяснил Азыкгай. — Я думал, что потерял свой. Заказал мастеру новый. А пока он до меня добирался, нашелся старый. Лежит вот без дела. Заберешь?

Солнце зимой низкое, окна в избе маленькие, но рыжее лезвие поймало ослепительный блик. Огонь вспыхнул на черточках и завитках. Мастер украсил каждый миллиметр ритуального ножа.

— Тонкая работа, — восхищенно выдохнул Изга. — Спасибо за подарок, ойуун.

— Владей, — махнул он рукой и отвернулся.

С остальными обязательными предметами вышло проще. Как я поняла, есть строго индивидуальные вещи, вроде бубна и шаманского облачения. Их делают под конкретного шамана, к ним больше никто не может прикасаться. Зато нож, зеркало или перья со скрипом, но можно одолжить на время. А коврики и чаши для подношений духам Изга вообще бросал в рюкзак не глядя.

— Облачение твое где? — проворчал Азыкгай.

— Дома оставил. Все, что на мне было — унес, а шкуру пришлось поменять на горнолыжный комбинезон. Бубен Ирина привезла.

Старый шаман покосился на меня, но ничего не сказал. Да, я трогала бубен руками. Изга так высоко его ценил, что не захотел расставаться даже под угрозой смерти. Надеюсь, тонкая настройка не сбилась. Я не хотела вредить.

Как только зашли в избу учителя, Изга его забрал и старался держать на видном месте. Главный инструмент. Без него он — не шаман. Зато у Азыкгая бубнов было аж пять штук. Три рабочих и два «пустых». Подаренных мастерами, не настроенных и не связанных с духами. Все пятеро, тем не менее, висели рядом, как картины на стене в сенцах.

— Проводка, — ворчал старый шаман, зажигая свечу и показывая мне свои сокровища. — Георгий, вернемся из места силы — займешься.

— Хорошо.

— Это волк? — я не удержалась и потянулась к огромному, по сравнению с другими, бубну. На светлой коже из черных и темно-коричневых мазков собиралась голова волка. По краю бубна шел орнамент, напоминающий кружевные мандалы из инстаграм-профилей художников, которые мне показывал Изга. — Очень красиво.

— Очень, — согласился Азыкгай. — Но мой дух-хранитель черный медведь, а не волк. Тот, кто преподнес подарок, не подумал об этом. Поэтому бубен пустой.

— А у тебя какой дух? — с восторгом обернулась я к Изге.

— Орел, — ответил вместо него Азыкгай. Впору было стукнуть себя по лбу. Маска! Там же голова орла в обрамлении перьев. Изга помнил об этом и улыбался. Ну, сглупила я, невнимательная была. — Я знаю, о чем ты спросишь дальше, — снова заговорил его учитель. — Кто сильнее?

Ох, мужчины никогда не перестанут меряться длиной органа. Даже если она оба шаманы и говорят о духах-хранителях.

— И кто же? — я чуть не рассмеялась.

— Он, — учитель уверенно ткнул пальцем в ученика. — Родился таким, а не потому что дух орла его выбрал. Шаманы с подобным даром сейчас редкость. Последний из тех, кто мог встать рядом с богами умер двадцать лет назад. Изга один остался. Но он молод и его тянет все время не туда. Прогуляешь свой дар, Георгий. Сколько я тебе могу об этом говорить?

— Нормально все, — рассмеялся Изга. — Бери бубен, ойуун. Пойдем камлать.

Узкая тропинка шагов вела к месту силы. Азыкгай тяжело ступал по своим же следам, а за ним порхала, почти не проваливаясь в снег Ирина. Красивый фокус, Изга давно им восхищался. Нигде больше легкость женской поступи не ощущалась острее, чем на зимней дороге. Особенно, если долго светило солнце и снег, как сейчас, покрылся коркой наста. Он пружинил и не давал Ирине проваливаться глубоко. Но стоило наступить на ее след, как тяжелая мужская нога уходила вниз по колено. Изга тихо смеялся, вытаскивая себя, и возвращался на тропинку учителя.

Скоро стемнеет, им нужно торопиться. Требуя плату за помощь, духи не ждут дольше, чем до следующего утра. А ведь еще костер разводить, чтобы тот, кто не будет плясать с бубном, не замерз. На морозе огонь разгорается долго. На морозе все делается долго, природа спит.

— И часто вы так страдаете? — спросила Ирина, убрав красную косу за спину. — Это же вредно для здоровья. Ладно, сейчас безвыходная ситуация, но неужели в обычной жизни вот так каждый день на мороз ходите?

— Зимой боги отдыхают, — со стоном вытаскивая ногу из сугроба, ответил Азыкгай. — Аккурат от обряда закрытия небесных врат осенью до обряда открытия поздней весной. Но хоть богов никто просьбами и не тревожит, а люди болеют.

— Ага. Особенно в зимние каникулы и на Новый Год.

— Не надо о грустном, — вздохнул Изга. — Я часто на праздники дежурил. Приемник всегда до отказа забит. Как будто специально.

Ирина не прекращала улыбаться. Поднимала голову и щурилась на солнце, блестящее в прорехах густого переплетения крон. Тайга здесь как нигде напоминала сказочный лес. На пушистых ветках сосен до самых макушек лежало снежное серебро. Ветер сдувал его в воздух, и он искрился. Изга подумал, что Ирине идет эта звездная пыль. От нее она становилась свободнее и светлее. Словно душного красного облака над головой уже не существовало.

— Немного осталось, — пообещал Азыкгай. — Почти пришли.

В распадке между холмами стояли огромные камни. Жилище духов, место силы, точка наивысшей концентрации энергии. Здесь грань между мирами была чуть тоньше, чем везде.

Костер развели на маленьком утоптанном пятачке. Ирину посадили на шкуру, рядом с ней выложили подношения духам. Припрятанное Азыкгаем в комодке печенье, зефир с шоколадной глазурью и мед.

— Моей косы ей будет недостаточно? — нахмурилась Ирина.

— Я буду звать и других духов, — ответил Изга. — Их тоже нужно отблагодарить.

Взгляд у его женщины стал голодным. Шаман вспомнил, что она просила шоколадку в первый день, как проснулась, и ему стало стыдно. Лучше бы чаем со сладостями напоили, чем водкой.

— В избе еще остались пряники, мы обязательно поужинаем, а сейчас это трогать нельзя.

— Давайте тогда начинать, — расстроенно пробормотала Ирина. — Раньше сядем, раньше выйдем.

Косу она теребила красными от холода пальцами, варежки лежали рядом. Шаману казалось, она именно так решила попроситься.

— Жалеешь?

— Это важно?

— Да. Если не хочешь отдавать, обмен не состоится.

— Я думала, Оюне плевать на мое желание. Захотела — вынь да положь.

— Она упряма и своенравна, но дело в другом. Хорошо, что ты отдаешь нечто чрезвычайно для себя ценное. Это уравнивает то, что мы надеемся получить...

— Я не за волосы переживаю, — оборвала его Ирина и опустила взгляд. — Я боюсь потерять отца. У нас и так отношения не слишком теплые. Что будет после обряда? Что я почувствую? Пустоту? Ненависть?

«Облегчение», — хотел ответить Изга и осекся. Без долгих объяснений это слово прозвучит издевкой. Родителей нужно уважать, любить и ставить превыше всего. Так вбито в голову еще с детства. Потому и тяжело чрезвычайно, если любить отца или мать особо-то не за что. Одного факта, что они подарили тебе жизнь — недостаточно. Её можно так испортить, что будешь не рад ходить и дышать.

— А чего бы тебе хотелось? — спросил шаман и сел рядом с Ириной на шкуру.

— Завязывай с дурной привычкой отвечать вопросом на вопрос, — нахмурилась она. — Если бы я знала ответ, я бы не спрашивала.

— Ты его знаешь, — улыбнулся Изга. — Просто хочешь, чтобы он прозвучал от другого человека, иначе чувство вины тебя загрызет. А ты его раскормила до размеров кабана.

— Мы замерзнем здесь, если увлечемся психоанализом.

— Мы здесь ради тебя. Ради твоих ответов на вопросы. Сейчас самое время их получать.

Ирина вцепилась в резинку на косе так, что красные пальцы побелели. Изга боялся давить, специально путал её и говорил загадками. Не его она должна слушать, а себя. Жаль, что с первого раза не получится. Ни у кого не получалось.

— Моя мать умерла, — Ирина говорила и держалась за косу, словно она и была той нитью, что связывала ее с родителями. — Отец остался единственным родным человеком. Он вырастил меня, ни в чем не отказывал. Я на машине с личным водителем в университет ездила, пока другие толкались в душном метро. За обучение тоже он заплатил, за мои первые поездки за границу. Я на квартиру заработала благодаря должности в его «Альянсе». Да все, что у меня есть — все от него. Он стар и болен, ему нужна поддержка. И тут я такая: «Прости папа, но дальше сам. Наша связь разорвана, пути-дороги разошлись. Ариведерчи». Это свинство. Самое настоящее.

Что-то такое Изга и ждал. Даже повторял некоторые фразы за Ириной. Они звучали отголосками его собственных мыслей. Чувство долга, помноженное на чувство вины, крепче любой цепи.

— Ты сказала «его Альянс», — заметил шаман. — Ни «наш Альянс», ни «мой», ни просто «Альянс». Ты сказала «его». И все, что он тебе дал, ты тоже не считаешь своим, правда?

Теперь она задумалась. Не сделала вид, что думает, не достала из памяти готовый ответ, а действительно искала его, прислушивалась к чему-то глубоко внутри. Больно было, сложно. Линия губ изменилась, взгляд стал жестким.

— Потому что он твердил мне: «Здесь нет ничего твоего». И подарки делал, будто добавлял строчку к длинному счету, который собирался выставить позже.

— Ты ему до сих пор должна, — тихо сказал Изга. — И сколько лет еще будешь?

— Всегда. Потому что я его дочь.

— Так что тебя держит: любовь или чувство вины? А если любовь, то задай себе следующий вопрос: «Ты действительно его любишь или хочешь, чтобы он тебя любил?»

Ирина молчала. В ее глазах вспыхивали и гасли белые искры снега. Азыкгай стоял у камней, стараясь не шевелиться. Ученик его спиной чувствовал. Другой связью, тонкой нитью, которую ни за что не хотелось обрывать.

— Любил, — прошептала Ирина и улыбнулась самой стылой улыбкой, какую шаман у нее видел. Значит, не ошибся.

— Это единственное, что отец был тебе по-настоящему должен и чего не дал, спрятавшись за машиной, квартирой, престижной работой. Потому и нет обмена, а есть длинный счет, который тебе выставили и который ты не хочешь оплачивать. Тебе нечем платить, ты нищая. А знаешь, почему? Родителям платят любовью, полученной в детстве. С самого первого вдоха, с первого объятия. С каждым поцелуем на ночь любовь должна копиться, копиться... Чтобы потом она просто была без всяких вопросов и счетов. У тебя же изначально ничего нет.

Холод обнимал за плечи. Сгущался вокруг Ирины, оттесняя ее от живого пламени костра, оставляя в одиночестве. И как она не старалась держать высоко голову, у нее не получалось. Сила нужна для другого. Уж точно не для того, чтобы бороться с собственным отцом.

— Режь, — выдохнула Ирина и закинула косу за спину. — Давай уже и обратно пойдем.

Азыкгай качнулся темной тенью от камня, ветер подул на ветви и с неба просыпалась снежная крупа.

— Сам справишься? — вполголоса спросил учитель.

— Да, — кивнул Изга.

Плакать на морозе — плохая идея. Вытирать слезы заскорузлой шерстяной варежкой — верх безумия. Кожа горела. Я была уверена, что расцарапала её, если не до крови, то до устойчивых пятен, похожих на ожоги или на ссадины. Хороша красавица, Оюна точно будет довольна.

— Не сиди на холодном, — проворчал Азыкгай в спину, — походи вокруг шкуры.

Ага, как же. Изга уже бил в бубен, я слышала. Один раз попыталась встать у него на пути и хорошо помнила, чем все закончилось. Дайте мне поплакать, в конце концов!

И не смотрите, пожалуйста. Это слишком личное.

Я упрямо сидела на шкуре и делала вид, что считаю искры от костра, улетающие в небо.

Отец никогда меня не любил. Мысль звенела в мозгу с кристальной чистотой и ясностью. Как воздух в тайге. Как звезды, мерцающие в ночной вышине, свободной от душного городского смога. Не знаю, что Карл Риман чувствовал к своей дочери.

Наверное, его тяготило то же самое чувство долга и вины. Жена умерла, а дочь осталась. Её нужно растить, кормить, одевать. Желательно дать все самое лучшее, а как иначе? Он не знал как. Возле меня с рождения крутились няньки, потом репетиторы, наемные водители. Карл Риман превратил дочь в еще один проект, разбил его на этапы, поставил сроки и делегировал полномочия. Я — часть его империи. Не самая маленькая и дешевая, кстати. Ходячее капиталовложение, живые долгосрочные инвестиции и, отчасти, благотворительность. Он будет зол, когда я уйду. Расстроится ли? Вряд ли.

Маленькая девочка внутри меня до последнего не хотела в это верить. Ведь если меня не будет, со мной что-то случится и я, правда, уйду, то он все поймет. Осознает, как сильно любил меня на самом деле и бросится искать.

Да-да, уже полетел. «Если не появишься завтра, я тебя уволю». Не говорят таких вещей любящие родители. Ему плевать на меня. Тридцать лет рядом с ним были чем угодно, но не настоящей семьей. Коса жгла спину. Я мечтала, чтобы Изга поскорей ее отрезал.

Грохот бубна перестал быть монотонным. Я с трудом повернула затекшую шею и увидела, что Азыкгай тоже взялся за инструмент. Помогал ученику войти в транс? Что-то пошло не так?

Страх царапнул когтями, я зябко поежилась и подумала, что молитвы и стандартные поговорки на удачу сейчас неуместны. А зря. Они придавали хоть какой-то уверенности. Если Изга снова потерял разум, то справится ли с ножом? Вдруг начнет вместе с косой резать меня? Раскромсает шею, хлынет кровь и все. Нет больше Ирины Риман, кончилась. После обряда труп найдут. Азыкгай хоть и рядом, но тоже не в себе. Мамачки, во что я ввязалась?

Грохот бубнов входил в резонанс, я дрожала вместе с мембранами. Зубы сжимала так, что боялась их раскрошить. Кровь ударила в голову. Жар от костра, до этого греющий только грудь и лицо, разошелся по всему телу. Я больше не чувствовала ледяного ветра. Темнота манила, обещая спасение. Всего-то нужно встать на ноги и бежать.

Черт, я не могла подняться! Пересидела, ноги затекли. Резкие движения причиняли боль, а потом по коже рассыпались колющие искры. Хоть ползи по снегу, как летчик Маресьев.

Я почти решилась. Злая темнота тайги пугала меньше, чем то, что могло случиться, если все выйдет из-под контроля. Когда-нибудь Изга все-равно очнется от транса, и я вернусь, но сейчас нужно бежать. Я завалилась вперед и чуть в сторону от костра, но тут чья-то рука легла на плечо.

— Ира, — прошептал знакомый голос. — Все хорошо, я здесь. Не уходи.

Я даже не думала, что облегчение может быть таким приятным. Разом отпустило, с выдохом весь нервяк вышел. Даже ноги перестали болеть. Но глупый вопрос я все-таки задала.

— Ты в сознании?

— Да, — тихо рассмеялся шаман. Грохот бубна остался только один. — Сиди ровно, пожалуйста, я с ножом.

Теперь я поняла, зачем шкура. Разница в росте у нас значительная, но резать все равно удобнее, когда я сижу.

— Но как же? — обернулась я через плечо. Желтые отсветы от костра рисовали лицо Изги крупными мазками. Глаза все равно казались мутными, хоть он и говорил связно. — Как же транс?

— Я потом расскажу, если тебе интересно.

— Да, да, хорошо.

Я отвернулась и зажмурилась. Не буду его сбивать, обряд в разгаре. Об отце нужно думать, да? О нашей связи? Ох, стоило потребовать подробные инструкции, сердце бы сейчас так не стучало.

Бронзовый нож вышел из ножен с тихим шелестом. Я представляла, как он вспыхивает в свете пламени, горит. Сейчас в нем отразятся мои волосы, и голове станет легко. Азыкгай запел низкими горловыми звуками. Поляна возле места силы окончательно провалилась в другую реальность. Там светили те же звезды, тянулась долгая зимняя ночь, но все вокруг стало неуловимо иным. Магия рождалась на кончике бронзового ножа.

— Повторяй за мной, — попросил Изга. — Я отказываюсь от рода своего отца. Отныне и впредь пусть меня защищает Иннаар, дух-хранитель.

Он говорил что-то еще, я повторяла. Длинной вышла речь, но в память врезались именно две первые фразы. Коса долго не поддавалась. Изга крепко держал её у затылка и настойчиво пилил ножом. Я ничего не чувствовала, ничего не слышала, просто в какой-то миг возле шеи стало пусто. бубен затих, магия исчезла. Я сидела возле костра и переживала, что не встану на окончательно замерзшие и онемевшие ноги.

— Все?

Еще один глупый вопрос, но как же без него?

— Да, — Изга подал мне руку, а потом, не стеснясь, сгреб в охапку и попробовал поставить на ноги. Я радостно повисла у него на шее. От шамана пахло чем-то теплым. Куртку он оставил далеко за пределами пятна света от костра и вдруг начал дрожать.

— Холодно, — пробормотал, будто извиняясь. — Я оденусь, хорошо?

С другого бока меня подхватил Азыкгай. Он остался в тулупе, это ученик разделся. Сбросил с себя синтетическую ткань с таким же синтетическим наполнением, а теперь торопливо надевал обратно.

— Ненормальный. Простудишься!

— Шаманы не болеют, — проворчал Азыкгай.

— И врачи тоже, — подхватил Изга. — Мы, как деревья, умираем стоя.

— Шутки шутите?

— Я бы ему по лбу дал за такие шутки, — нахмурился старый шаман. — В баню пойдешь, Георгий. Оба пойдете греться.

Даже слово было теплым и уютным. Баня. Я улыбнулась и кое-как освободилась от хватки Азыкгай, жестами показывая, что все в порядке. Стою. Изга нахлобучил на голову вторую шапку поверх тонкой шерстяной и надел варежки поверх перчаток. Я должна была что-то у него спросить. Что-то важное.

— Кто такой Инар?

— Иннаар, — поправил шаман. — Один из моих духов-хранителей. Я подумал, что раз уж я разрываю твою связь с родом, то лишней такая защита точно не будет. Дух согласен, ты ему нравишься.

— Ну, хоть кому-то здесь я нравлюсь.

Я имела в виду Оюну, но мужчины, кажется, поняли. Азыкгай потоптался немного и поднял со снега отрезанную косу. Призрачная ревнивая соперница у меня уже есть, еще и телохранитель будет. Почему-то мысль грела не хуже костра, и любопытство дергало за язык. Как Иннаар будет меня защищать? Я его почувствую?

— Дар Оюне преподнесу, — пробормотал Азыкгай. — От тебя, Ирина, и от тебя, Георгий.

Второй обряд получился короче первого. Может, потому что старый шаман его заранее подготовил. Коса свернулась красной змеей в чаше. Я машинально провела ладонью над воротом тулупа и повертела головой. Пальцы поймали пустоту. Странное чувство, но привыкнуть можно.

— Помогло хоть?

Я имела в виду все сразу: разрыв связи, благосклонность духа-хранителя местности, реакцию метки смерти и еще десяток явных и неявных вещей, сотворенных магией.

— Да, — синхронно ответили шаманы, но продолжил один Азыкгай: — У тебя метка стала прозрачной, а у Георгия совсем исчезла.

Глава 16. Баня

Хороший ответ, ожидаемый. Но я так устала, что не смогла разобраться в собственных ощущениях. Наверное, стоило прыгать от радости до верхних веток сосен, а вместо этого захотелось сесть обратно на шкуру и просто смотреть в пустоту. Огромный минус ритуалов, молитв, гадания на картах и, чего уж там, психологических тренингов, в том, что результат нельзя потрогать руками. Он если и ощущается, то очень смутно и подозрительно сильно напоминает самовнушение. «Должно помочь — значит, поможет». Но тут даже этого не было. Я просто ничего не чувствовала. И мало что понимала.

— Подождите, если метка у меня осталась, значит, еще не все?

— Да, — кивнул Изга. — Заказчик ведь свою проблему не решил. Ты жива и по-прежнему претендуешь на наследство. Значит, мысль, что хорошо бы тебя убить из его головы не исчезла. Просто решимость ослабла.

— А он это понимает?

— Может быть, смутно чувствует, — Изга покрутил рукой в воздухе. — Обычно реальность меняется совершенно незаметно, но мы вмешались, и получилось резковато.

— Да не сообразит он, — фыркнул Азыкгай. — Максимум, по лбу себя стукнет: «Чего это я, какое убийство?» и тут же забудет. А уже потом, исподволь, мысль вернется.

— Ну или так, — не стал спорить Изга. — Главное, что у нас есть время и его достаточно много.

— И ты теперь в безопасности. Хотя бы ты.

— Это обманчивая радость, — поморщился шаман. — Коварная. Исчезновение моей метки может означать, что в ответственный момент нас с тобой разлучат. Я, например, поеду за едой в деревню, ты останешься одна, и тут нагрянут убийцы. Или во время нападения мне стукнут поленом по затылку, я отключусь и никак не повлияю на твоё похищение. Реальность изменилась, появились новые варианты вместо гарантированной смерти.

— Шило на мыло, — скривилась я.

— Нет, стало лучше. Мы хотя бы перестанем вздрагивать от каждого шороха, сходим в баню, выспимся, я почию проводку в сенцах. До утра нас точно никто не побеспокоит.

— А дальше что?

— А дальше планы не меняются. Сидим в избе, ждем Сергея, ждем, что будут делать нанятые убийцы. Срываться куда-то вместе или поодиночке сейчас не стоит. Можно, вернувшись обратно, привести за собой хвост.

— На троих еды хватит, — вмешался Азыкгай. — Не королевский пир, но все же. С голоду не помрем.

«Зато от скуки точно сдохнем», — хотела сказать я, но прикусила язык. Стыдно должно быть. От такой смертельной развлекухи меня избавили, что скуку вдали от цивилизации можно и потерпеть. Тем более где-то впереди маячила баня. Сдавалось мне, Изга туда со мной пойдет не просто так помыться.

В животе тепло разлилось от предвкушения, но лицо так сильно замерзло, что вместо улыбки вышла гримаса.

— Тогда домой?

— Да, собираемся, — ответил Азыкгай.

Баню топили без меня. Пока столичная Снегурочка медленно таяла от блаженства, поставив ноги на печку в избе, местные шаманы натаскали в баню воды, пустили дым из трубы и сообразили поздний ужин. Я краем уха слышала, что они обсуждали Оюну. Кажется, ревнивый дух не успокоился до конца. Я понимала, что проще уехать и не раздражать мертвую женщину, но сейчас Изга был против такого варианта.

— Хорошо как, — выдохнула я и пошевелила пальцами ног в шерстяных носках. — Кровь вроде бы шустрее по венам побежала, а в сон тянет.

— Ты просто расслабилась без стресса, — ответил Изга из открытой двери в сенцы, где он ковырял проводку. — Организм решил, что экстрима больше не будет и вернулся в режим сохранения энергии.

— А я думала, так побледневшая метка действует.

— И она тоже. Откуда-то же у тебя взялась уверенность, что опасности нет и все хорошо.

Тонко. Я лениво усмехнулась и закинула руки за голову. Тарелка с гречневой кашей стояла на коленях. Ужинала я, не отходя от печки.

— Где же мы спать будем? Диван всего один.

— В бане, — глухо прозвучал голос шамана из темноты. — Азыкгай здесь, а мы вдвоем там.

Вот это новость. Мой разомлевший организм, предвкушая очередной экстрим, тут же насторожился.

— Нет, я конечно, на все готова, но баня — не слишком-то жилое помещение.

— Так и было до того, как я здесь появился, — ответил Изга, выглядывая из сенцев с отверткой в руках. — Шесть лет назад я приехал учиться и остался. С гостиницами поблизости туго, сама понимаешь, да даже если в деревне дом снять и каждый день ездить, слишком долго получалось. Вот Азыкгай и сказал «живи». А где, если кроме дома только баня и совсем уж хлипкий сарай? Что-то новое строить? Проще веранду в бане закрыть, утеплить и привезти туда холодильник с диваном.

— Прямо люкс три звезды получился.

— Почти, — усмехнулся шаман. — Я там два года пробыл, потом в свою избу съехал. Азыкгай тоже на север подался. Я думал, он до сих пор там, но, как видишь, вернулся. И не позвонил. Так что когда Оюна сказала: «Иди в свой старый дом, там тебя ждут», я сильно удивился.

Количество невероятных совпадений давно зашкаливало, поэтому на еще одно я не обратила внимания. Может, Азыкгаю духи подсказали, а может, его повторный переезд никак с нами не связан.

— И все-таки. Почему баня? — никак не могла успокоиться я. — У дома тоже есть веранда. Да и пристройку к нему проще сделать, как мне кажется.

— Азыкгай по ночам храпит так, что стены трясутся, — виновато улыбнулся Изга.

Я чуть гречку с колен не уронила. Засмеялась и нога по стене печки вниз поехала. Тарелку подхватила, как заправский циркач, но немного на пол все-таки рассыпала. Растяпа. Пока убиралась, шаман закончил с проводкой. В сенцах вспыхнул свет.

— Готово, — сказал Изга, шумно складывая инструменты обратно в коробку. — Бери вещи и пойдем.

Смены белья я с собой естественно не взяла, запасной одежды тоже. Но мне досталась тельняшка Азыкгая. Новая, ни разу не стиранная и хранящаяся с тех лет, когда молодой якут служил на флоте. Куда там китайскому ширпотребу и современному трикотажу — на века вещь. Я ошарашенно гладила пальцами выбитую на ткани надпись- этикетку.

— Шестьдесят второй год?

— Да, как-то так, — пожал плечами Изга, — но хранилась она правильно, ничем вредным не обрабатывалась, так что носить можно. Тебе будет как платье.

С длинным рукавом, глубоким вырезом и хорошо, если закроет хотя бы половину бедра. Жутко эротично. Наверное. Я вздохнула, свернула подарок и пошла одеваться.

Азыкгая мы встретили по дороге в баню. Он так нарочито отказался мыться и заверил нас, что ляжет на диван и тут же уснет, что я окончательно покраснела. Хватит с меня и того, что Оюна будет подглядывать и подслушивать. В нашем маленьком островке жизни посреди тайги вообще все знали, что между мной и Изгой была близость. И еще будет с вероятностью в девяносто процентов.

Жилую комнату в бане я разглядывала уже постольку-поскольку. Кивала на пояснения шамана, где что лежит, косилась на дверь в помывочную и чувствовала, как слабеют ноги.

Никогда не считала себя королевой красоты. Отношения со спортзалом не сложились, выдающейся груди природа не подарила и главное свое украшение я недавно отдала духу-хранителю. Без красных волос до бедра у меня и посмотреть-то больше не на что. Да, не уродина, но такая обычная, что выть хотелось от тоски.

А вдруг призрачная ведьма именно на это и рассчитывала? Изга в трансе был, реальности не видел. В его фантазиях я, наверняка, казалась идеалом. Мужчины глазами любят и горазды придумывать, что там под одеждой. Хотел он меня очень сильно, значит, как минимум Мисс Вселенную вообразил. Стройную, но аппетитную. Округлую там, где нужно. А мне похвастаться нечем. Сейчас разденусь, скукожусь вся от смущения и услышу вздох разочарования в спину. «Да уж. Не то».

— Располагайся, — повторил Изга и во второй раз переложил с места на место стопку одежды. — Я пойду освежусь, напрыгался с бубном.

Утепленная веранда служила в бане прихожей, а мы стояли в той комнате, что когда-то была предбанником. Строили лишь бы построить, сильно не разбежишься, но шаман умудрился отступить от меня как можно дальше. Повернулся спиной к тому же и медленно стянул через голову свитер.

Я смотрела во все глаза, не думая, что ему сейчас дискомфортно. Что он тоже может меня стесняться. Мысль мелькнула на заднем плане и улетучилась. Мамочки, какой же он высокий и сильный! Рельеф мышц угадывался безошибочно и притягивал взгляд к широким плечам, красивым ногам, крепким ягодицам. Я от восхищения никак не могла рот закрыть и сидела с самой глупой из своих улыбок. Такому мужчине, который настоящий мужчина, а не обозначение половой принадлежности, позволялось иметь любые недостатки, но Изга как назло был умопомрачителен. Да мне бы фантазии не хватило представить то, что я увидела наяву. Танец с бубном, значит? Его бы ввести в обязательную программу тренировок. Так же как многочасовое стояние у операционного стола. Черт, нельзя быть настолько потрясающим!

Изга бросил одежду в плетеную корзину и на мгновение обернулся через плечо.

— Ты идешь со мной?

— Да, сейчас, конечно, — пробормотала я и запуталась в рукавах, пытаюсь снять кофту, не расстегивая пуговиц.

Как шаман ушел, услышала по тихому стуку закрывшейся двери. Одну меня оставил на растерзание неловкости. До чего же глупое ощущение. Взрослые люди, все уже было, а у меня юношеские гормоны на пару с комплексами разыгрались. Фигура, видите ли, какая-то не такая. Живот недостаточно плоский.

И, тем не менее, я разделась до белья и сидела на подлокотнике дивана, уставившись в пол. С чего я вообще взяла, что близость состоится? Шаман на полном серьезе плескался в помывочной. Набирал горячую воду в таз, разбавлял ее холодной. Как растирал тело мочалкой я уже не слышала, но по паузам в шуме воды догадывалась. Устал за весь день, намаялся. До постельных ли утех?

— Дура, — прошептала я самой себе и завела руку за спину, чтобы расстегнуть бюстгальтер.

В сауну можно войти в купальнике, еще и простыней обмотаться, но русская баня ничего подобного не предполагала. Разве что тазиком прикрыться от собственных комплексов. А еще лучше, чтоб шаману мыло в глаз попало, и он не смотрел на меня. Зато от нескольких дней лежания в отключке, стресса и скудного питания я похудела. Нет, это плохо. Первой в таком случае уменьшается грудь и уходят бедра, а я и так тощая.

Взявшись за ручку двери я параноидально подумала, что вредная Оюна все-таки добилась своего. Красоты я лишилась. Изрядного количества внутренней уверенности уж точно. Да и не к чему она сейчас. Не будет Изга рисковать нашей безопасностью, пока метка не исчезла. Если после прошлой близости Оюна отказалась показывать дорогу и косу мою потребовала, то что устроит сейчас? Нет, мы просто помоемся и ляжем спать.

Мысль приободрила. Я закрыла глаза, сосчитала до десяти и дернула дверь на себя. С порога тут же обдало влажным паром. Кончики ушей у меня горели только в парилке, а в помывочной всегда было чуть прохладнее и комфортнее. Шаман брился. Сидел у окна перед маленьким зеркалом и снимал со щек белую пену.

Я машинально потянулась к волосам, чтобы закрыть ими грудь, но пальцы коснулись неровно остриженной прически. Черт! Тот-то голову непривычно легко поворачивать из стороны в сторону и спина не горит. С прежней шевелюрой я бы давно вспотела. Пришлось прятать откровенно торчащие соски под ладонями. То, что ниже пупка меня не волновало. Если стоять ровно, то там ничего не видно.

— Будешь открывать кран, осторожнее, — предупредил Изга, ткнув бритвенным станком в торчащий из стены смеситель на длинной трубе, — вентиль горячий. Возьми мочалку.

— Ага, — ответила я и сбежала в парилку, чуть не задев упомянутый кран голым бедром.

Ох, да что ж такое! Я двух минут не выдержала. Показалось, что шаман смотрел на мое бледное тело со снисходительной жалостью. Без единой искры желания в глазах. Самооценка рухнула в бездну к Эрлику и демоны хихикали за спиной.

— Ира, тебе там нормально? — глухо спросил Изга из-за двери. — Не слишком жарко?

— Сойдет, — ответила я.

Уши от температуры сворачивались в трубочку. В маленькой парилке стоял сбитый из досок полоч, и пахло чем-то древесным. Я не различала между собой пихту, кедр и эвкалипт, сколько не читала надписи на пузырьках с эфирными маслами. Через пару секунд уже становилось все равно. Здесь тоже на камни чем-то плеснули. Не исключено, что натуральным отваром, а не синтетическим маслом из магазина.

Я легла на полоч и постаралась расслабиться. С трудом удалось вытянуть ноги и забыть, как неприглядно потеющее тело. «Я тут для другого, — стучало в голове. — Помыться и спать».

Баня делала свое дело. Жар проникал в каждую клеточку тела, туманил голову и растворял тугой нервный узел в животе. Становилось легко, сонно. Капли стекали по животу и бедрам, собирались лужицей в ложбинке на груди. Чакры открывались вместе с порами, было так хорошо, что уже ничего не нужно.

— Ира, тебя веником попарить?

Я живо представила связку березовых прутьев в сильных руках Изги и очнулась от парной дремы.

— Нет, не надо. Я сейчас выйду.

И, правда, пора, а то уже виски ломило. Аккуратно скатившись с полка я, все так же закрывая ладонью грудь, вернулась в помывочную. Изга глазами показал на приготовленный для меня таз с водой. Я старалась не смотреть лишний раз на обнаженного мужчину. Понимала, что увижу его достоинство в спокойном состоянии и

одновременно не хотела об этом знать. С самооценкой нужно что-то делать, иначе, проснувшись утром, я слова не смогу шаману сказать. Неужели именно так действует проклятие Оюны? Влечения, что вспыхнуло между нами, больше не будет?

Обидно стало до дрожи. Может, и в первый раз страсть я себе придумала. Сама же полезла с поцелуями, а Изга просто отреагировал на инстинктах. Когда был в сознании, он отказался от близости, и сейчас происходило то же самое.

— Спасибо, — буркнула я и опрокинула таз воды на голову. Она была прохладной, весь жар из парилки вышел. Потянувшись выжать волосы, я снова наткнулась на обрубок и окончательно психанула. Пружина в груди распрямилась, я выскочила из помывочной. В бездну все! В самую проклятую черную бездну! Где, мать его, полотенце? Где этот долбаный кусок тряпки?

Оно нашлось на гвозде. Я сорвала его, чуть не оставив дыру, и принялась яростно растирать то, что осталось от волос. Руки дрожали, с голых ног на пол ручейками стекала вода. Я так увлеклась, что не услышала скрип двери, не почувствовала новую волну жара. Вздохнуть не успела, как оказалась в объятиях Изги.

— Я надеялся, что потру тебе спинку, — прошептал шаман, стирая ладонью влагу с моего живота. — Мыльная ласка — это что-то особенно. Плавное, тягучее. — Он провел пальцами по животу вниз и коснулся складок кожи. — А вода безнадежно смывает всю смазку.

От контраста собственных мыслей и его слов я не знала, что сказать. Желание не вызывало сомнений. Я чувствовала, как напряженный орган касается моего бедра, и от прозрачной капли с самого кончика на коже остается еще один влажный след. Изга ласкал меня, добиваясь, чтобы откликнулась. Выгнулась навстречу и позволила проникнуть в себя глубже.

— Я обещал тебе кровать, но на диване тоже удобно.

— Все лучше, чем на полу, — ответила я, не узнавая собственный голос. Не хватало только застонать. Дыхание сбилось, глаза закрылись. Нежные пальцы хирургов нужны именно для этого. Доставлять удовольствие, а не резать и шить.

— Расскажи, как это было, — попросил Изга, — я половины не помню.

— А когда ты очнулся? До поцелуев или после?

— Пали в пустоту мы уже вместе. А поцелуи... я не знаю, как мог их пропустить. Помню руки твои на шее и что обнимала ногами. Так крепко.

Он отпустил меня только для того, чтобы я обернулась. Его кожа пахла кремом для бритья, на губах остался тонкий привкус свежести. Без одежды все чувствовалось по-другому, ничего не мешало. Но страсть была прежней. Изга держал её в узде, не давал разгораться слишком ярко и рано. А мне хотелось того безумия, что эхом звенело в словах моего мужчины. Я мечтала снова услышать голос его зверя.

— Я боюсь теперь, — признался он. — Кажется, что соскальзываю в транс уже от того, что рядом с тобой. Это другая реальность, так хорошо просто не бывает в обычной жизни.

— А ты покажи мне её. Я там ни разу не была.

Он замер на мгновение, а потом пальцы сжались стальной хваткой на спине.

— Ты уверена? — голос прозвучал хрипло, взгляд шамана окончательно заволокло туманом. Если страсть — ключ к другому миру и к нему, то я хотела там оказаться.

— Да. Ты был таким... подобрать слово сложно. Диким, первобытным. Настоящим. Я обо всем забыла, я действительно улетела куда-то в небо. Жаль, что не долго. Подари мне это снова.

Он ответил поцелуем. Таким долгим и ненасытным, что я пол перестала чувствовать под ногами. Стены качнулись, лампочка над головой ушла куда-то в бок. Я цеплялась за

плечи шамана, но он нес меня к дивану так легко, словно я ничего не весила.

Холодно стало от покрывала. Жесткая ткань с трудом впитала влагу и царапнула кожу. Ох, сколько скрипов я услышала от старенького дивана. Он нас выдержит? Не развалится? Плевать. В этом шалаше у меня будет свой рай.

«Иди ко мне, — хотелось просить криком или стоном, — иди ко мне».

Изга раздвинул мои ноги коленями и дал себя обнять. Я гладила его спину, целовала в шею. Даже невинные ласки заводили, рождали жар между нами и заставляли изнывать в предвкушении. Шаман терял голову. Поцелуи больше походили на укусы, дыхание — на глухой звериный рык. Я чувствовала, что вся его ярость достается смятой в кулаках подушке. А мне пьянящий запах его кожи. Я тоже поплыла. Воздух стал тяжелым, а тело, наоборот, легким. Не помню, в какой миг я перевернулась под шаманом, прямо в плену его рук. И выгнулась навстречу, застонав от того, что он заполнил меня одним резким толчком.

Кровь шумела в ушах. Я кусала губы, прятала лицо в подушке. Наше безумие было общим. Одним на двоих и помноженным на два. А хотелось еще больше, еще сильнее. Я не выдержала, закричала, когда тело выгнуло судорогой. Немыслимое удовольствие. Невероятное. Такая разрядка, что оставляет совершенно без сил. И дарит больше, чем я могла отдать. Намного больше.

Я очнулась, чувствуя приятную тяжесть мужского тела на себе. Жар вышел из нас липким потом. Изга поцеловал меня, дотянувшись до щеки. Потом убрал мокрые пряди волос и снова поцеловал.

— В голове шумит, как после транса.

— И пить хочется, — добавила я.

Он выдохнул, кажется, с улыбкой. Лег на бок и погладил меня по бедру.

— Здесь все рядом, но нужно дотянуться. Подожди, я дух переведу.

— Устал?

— Нет, однако пауза не повредит.

На лбу шамана влажно блестел пот. Я любовалась, как Изга облизывал приоткрытые губы и лежал с закрытыми глазами. Удовольствие все еще было общим. Я чувствовала его блаженство, как свое собственное.

— Сама принесу, лежи.

— Я почти поднялся.

— Лежи, кому говорю.

Я со смехом откинула край покрывала на его ноги и встала с дивана.

Приятная истома не отпускала. Я сама себе казалась легкой и какой-то другой. Даже волосы не беспокоили. Главное, не смотреть в зеркало, не портить момент. Уснувшие комплексы — они такие. Чуткие. От любой мелочи могут снова встрепенуться.

— Вода только в баке?

— Нет, есть в чайнике. Кипяченая.

Изга сел на диване и притянул к себе согнутую в колене ногу. Меня больше не беспокоил его взгляд, а, может, он с самого начала и не думал внимательно меня рассматривать. Хотя, о чем я? Не слепой же.

— Прическу можно немного подровнять. Я оставил правый угол длинным, извини.

Я налила воду в стакан, поставила чайник обратно на тумбочку и машинально провела рукой по волосам.

— Ерунда. Схожу в салон, там все сделают.

И тут же осеклась. Салон мне в ближайшие две недели не светил. А так же горячая ванна, теплый туалет, итальянская пицца и свежемолотый кофе.

— Ерунда, — повторила я с нажимом и отхлебнула воды.

От кипячения она пахнуть колодцем меньше не стала. Диван заскрипел, Изга встал на ноги.

— Нет, если тебя это беспокоит.

— Переживу.

— Ира, — он обнял меня со спины. Все еще горячий и разомлевший после близости. — У тебя очень красивые руки, посмотри. Ладони маленькие, узкие, пальцы длинные. Такие руки фотографируют, — шаман осторожно взял меня за запястье. — Их рисуют, лепят из глины. Если коснуться пальцами лица. Вот так. То будет портрет. Освещение можно выставить, волосы поправить, но того, что у тебя есть внутри, не изменить и не испортить. Утром проснешься не накрашенная, рубище наденешь, я буду видеть, как тебя встречает рассвет. Радоваться, что ты здесь.

— Но разве плохо, если я буду красивой? Для тебя.

— Для меня все будет хорошо, — он обнял крепче и тихо сказал над ухом. — Я люблю тебя. Ты — моя женщина. Единственная, неповторимая, ненаглядная. Никто этого не изменит. Помни это, пожалуйста.

— Хорошо, — эхом отозвалась я. — Георгий, я тоже тебя люблю.

— Георгий, — прошептал он и поцеловал в макушку. — Я заново привыкну к имени, если оно тебе нравится.

- Да.

Глава 17. Утро после

Солнце ярко светило в крошечное окно помывочной, а в предбанник лучи пробирались ползком через открытую дверь и теряли по дороге половину своей силы. Сквозь серую хмарь я едва различала силуэты банной утвари, развешенной на гвоздях одежды. Моя параллельная реальность пахла деревом и звучала утренними криками птиц. Рай в шалаше, как он есть, что бы ни говорили по этому поводу.

Шаман спал на диване, повернувшись ко мне спиной. Да, здорово, наверное, проснуться в объятиях друг друга, романтично, но сейчас я боялась лишний раз пошевелиться, чтобы не потревожить своего мужчину. Такое хрупкое утро бывает только в сентябре, когда идешь в школу, и лед осенних луж хрустит под ботинками. Голова еще пуста, но впереди уже маячат десятки уроков и сложных заданий.

Что будет дальше? Вот мы признались друг другу, уснули в одной постели, живем, по сути, вместе. Куда он, туда и я. Без вещей, без работы, без планов на будущее. Да, так можно, пока меня ищут убийцы, но что потом? Крупных предприятий с задачами моего уровня в Якутске нет. Да и сам город, как я поняла, настолько далеко, что ездить туда каждый день к девяти утра будет очень проблематично. Чем Георгий зарабатывает на жизнь, он мне так и не сказал. Не голодает, но все же. Потянет ли его бюджет еще одного человека? Не стану ли я обузой, имея все шансы самой обеспечивать нас обоих?

А дети? Мамочки, ведь мы вчера даже не подумали об этом. Ладно, я бесплодна и за несколько лет отвыкла переживать о контрацепции, но Георгий медик. У него где-то на подкорку должно быть записано красными буквами «осторожно», а он бровью не повел. Решил, что я на таблетках? Зачем они мне?

Уф, как сердце застучало, давление подскочило. Я-то буду рожать в любом случае, но хотелось бы обсудить это с будущим отцом ребенка.

Нет, забавное все-таки чувство. Еще вчера крест на себе ставила, как на женщине, а сегодня пинетки, пустышки и подгузники мерещатся. Стоило чуть не умереть дважды, чтобы так сильно захотеть жить. С головой окунуться в заковыристую проблему: «Как найти хороший детский сад в тайге?» Куда поставить кроватку в большом доме шамана. Хорошо, что ребенку есть, где гулять. Вся тайга в его распоряжении, а не только огороженный кусок асфальта у подъезда многоэтажки. Воздух чистый, продукты натуральные. Папа такой, какого ни у кого нет. Шаман.

Щеки сводило от непрекращающейся улыбки. Я обернулась к нему, скрипнув диваном, и все-таки разбудила. Шаман тяжело перевалился на спину. Черные ресницы затрепетали, судорога прошла по лицу и Георгий широко зевнул.

— Доброе утро, — прошептала я, целуя его в колючую щеку.

Черт, жесткая щетина. И выросла-то всего за несколько часов. Выходит, он вчера специально для меня на ночь брился. Не хотел царапать во время ласк, а я не догадалась. Заметила бы сразу, не психовала, что близости не хочет. Ай, Ирина Карловна, тридцать лет живете, а ума как не было, так и нет.

— Доброе, — отозвался шаман и обнял меня, одновременно потягиваясь всем телом. Чуть не задавил, но я не возражала. Огромный, сильный, неуклюжий спросонок, как медведь. — Не замерзла? Нужно в печку дров подкинуть, баня быстро остывает.

— Под одеялом хорошо, — проворковала я, уткнувшись носом в его шею, — а с тобой еще лучше.

Минуту мы нежились и молчали. Хрупкое утро почти превратилось в полный забот день, но немного времени еще оставалось.

— Ира, — позвал шаман, рисуя пальцами дорожки на моей спине. — Я вчера был настолько не сдержан...

— Знаю, мокрое пятно на простыне, наверное, до сих пор осталось.

— Да, — слегка смущенно ответил шаман и через паузу продолжил. — Ты так спокойна,

потому что предохраняешься?

— Ох, Георгий Александрович, — расхохоталась я. — Вот так оно обычно и бывает. Ты понадеялся на меня, я понадеялась на прерванный половой акт, а потом: «Упс, залет».

Выражение его лица показалось мне странным. Обычно мужчин охватывала паника, они подпрыгивали на кровати и орали благим матом: «Где Постинор? Сколько часов прошло?» Но шаман мягко улыбнулся в ответ:

— А хотелось бы?

— Да, — выразительно закивала я, округлив глаза. — Я хочу детей, я же тебе говорила.

Должна была добавить «только не сейчас», но слова застряли в горле. Что-то такое зажглось в глазах Изги, что у меня язык прирос к нёбу. Он приподнялся на локтях, от него повеяло теплом и острой, почти болезненной надеждой человека, спрашивающего у онколога: «Я буду жить?»

— Все получится, слышишь? Я знаю, ты уверена, что бесплодна, врачи так сказали, но преград нет. У тебя теперь другой мужчина, вся история начинается сначала. Конечно, мгновенно организм не проснется, хотя и такие чудеса бывают, но если пробовать, часто пробовать, то, может быть, ЭКО и не понадобится.

Он хотел сказать что-то еще. Я видела, как вдохнул и очень медленно выдохнул. Глаза по-прежнему лихорадочно блестели. Георгий тоже хотел детей, можно не спрашивать. От меня хотел. Но было в прозвучавшей недосказанности стойкое ощущение дежавю.

— Замуж ты меня тоже не зовешь. Зачем мучиться с регистрацией, а потом с разводом, если детей не будет, правда?

Сказка заканчивалась где-то здесь. С треском разбивалась о суровые горы реальности. Я напрасно намечтала себе тихое семейное счастье. Никто никому не нужен. Люди женятся, а потом мучаются друг с другом.

— Ира.

— Это все шутка, да? Мы знакомы несколько дней, ты уже о детях говоришь. Хочешь посмеяться над глупой бабой? Ударить в самое больное место? Я не бросаюсь на первого встречного, чтобы окольцевать его. Мне просто ни к чему. Прекрасно проживу одна и сама себя всем обеспечу! — я пыталась вырваться из его рук, билась под гнетом тяжеленого тела. — Отпусти! Не трогай меня!

— Ира! — крикнул он и сжал меня в объятиях так, что ребра заболели. — Ира, я видел нашу дочь, её зовут Кристина. Маленькая девочка с озорными косичками. Я видел её.

Видел в смысле «видел»? Как пророки видят будущее? Я замерла от шока и почувствовала, что он меня отпускает. Еще держит, но уже не давит так сильно. В ушах звенело, шумело, в голове вообще неизвестно что творилось.

— Я схожу с ума? Ты довести меня решил?

— Нет, это правда, — тихо и как-то беспомощно ответил шаман. — Боги предсказали мне судьбу. Я видел девочку, но очень долго не видел её мать. Потом ты упала с неба в вертолете. Видение четче не стало, зато я начал узнавать голос. И еще кое-что открылось.

— Я типо избранная? Предназначенная тебе Вселенной?

Ляпнула я со злости, с сарказмом и совершенно наугад, но шаман скривился от боли и кивнул:

— Да, именно так.

Гадство. Я отвернулась, чувствуя, что окончательно проваливаюсь в какой-то оголтелый сюрреализм. Тот, где время болтается жидким циферблатом на ветвях деревьев, и слоны ходят на ходулях. Жесткий перебор, да. В самый раз, чтобы объявить себя сумасшедшей,

шамана психом и бежать из бани без оглядки. Но я слишком хорошо понимала, что дойти ночью в буран без компаса и навигатора до одинокого домика посреди тайги — куда больший фокус, чем процитировать пророчество. И что безумие иногда только кажется безумием.

— Объясни, — попросила я, облизнув пересохшие губы. В первый раз прием сработал, сейчас тоже должно получиться.

— Спасибо, — дрогнувшим голосом сказал шаман и почему-то посмотрел в потолок. У меня тоже ком в горле встал. Черт, а я его чувствую! Вот эта нервная дрожь и облегчение за ней точно не мои!

— Сейчас, — пробормотал шаман и потянулся за вещами к стулу возле дивана. Половину уронил на пол, но все-таки выудил из кучи тряпья какие-то штаны. — Сходу не расскажешь, а в дебри лезть не хочется. Давай чаю попьем. Ох, я оставил еду в доме Азыкгая. Нужно было хотя бы пряники принести...

— Обойдусь без пряников.

— ... и травы в чай. Мяту, ромашку. Шиповник где-то был, но его долго заваривать и лучше отдельно.

Георгий меня не слышал. Сознание отделилось от тела и ушло куда-то погулять. Не прекращая перечислять сушеные полезности, шаман открыл дверцу печки, пошевелил кочергой угли и стал выкладывать на них узкие дощечки.

— Об этом нужно читать, но я не помню, где видел в последний раз что-то стоящее по теме. Сам надергал обрывками, а потом сложил из них целую картину.

Печка начала разгораться, шаман, наконец, успокоился, сел на табурет возле холодильника и вытянул ноги. Полкомнаты перегородил. Забавно, но разглядывание его крупной, чуть сутулой фигуры действовало на меня успокаивающе, а волнение подкупало. Когда профессионально врут, то смотрят прямо в глаза и толкают отрепетированную речь. Георгий же явно не знал, с чего начать.

— Я слышала о соуlmэйтах, — попыталась я помочь.

— Нет, там другое, — вздохнул он. — Похожие элементы есть, но если забираться глубже, изучать разные трактовки, то смысл расходится. Изначально идея проста. Есть связанные друг с другом души и если им повезло родиться в одно время и в одном месте, то они обязательно притянутся друг к другу. Не обязательно только мужчина и женщина. Есть пары друзей, наставник и ученик, братья, сестры. Но чаще и очевиднее это проявляется через влюбленность. Мы с тобой именно такая пара. Я уверен, потому что видел связь. Очень жаль, что её нельзя показать тебе. Прости, вещественных доказательств нет, только мои слова.

— У шаманов и идеалистов всегда так, — кривовато и не очень уместно пошутила я. Крыша продолжала ехать, причем с той же скоростью. — Мне, в принципе, доказательства ни к чему. Скажи две вещи: как связь проявляется и что дальше делать.

— Как проявляется? — повторил вопрос Георгий и потер коротко стриженный затылок. — Мы с тобой похожи. Не явно, но в мелочах. Там, где другие годами притираются, у нас все происходит быстро. Иногда, даже слишком быстро.

— Да, — с выражением кивнула я, а шаман понимающе улыбнулся.

С момента моего пробуждения до настоящего разговора многое шло слишком быстро. Я реагировать не успевала и, кажется, не до конца разбиралась в собственных чувствах. До сих пор это не мешало, но чем глубже я закапывалась в творящийся сюрреализм, тем сильнее хотелось выпрямить часы и отобрать у слонов ходули.

Про чай Изга так и не вспомнил. Сел обратно на диван и бережно взял мои руки в свои.

— Ира, ты потрясающая женщина. Удивительно чуткая. Меня никто не принимает так, как ты. Даже Азыкгай регулярно пытается переделать и куда-то направить, а ты будто всю жизнь меня знаешь.

Он поцеловал мои руки и прижался к ним щекой. На полотне Сальвадора Дали взошло солнце. Настоящее, теплое, яркое.

— А ребенок откуда? — пробормотала я, с легкой дрожью ощущая, что напрасно возвращаюсь к сложной теме.

— Пророчество, — повторил Георгий. — Боги ведают судьбы людей. Если шаман умеет спрашивать, ему тоже рассказывают.

— Ты вроде бы не видишь себя. Или это только меток касается?

— Судьбу мне Азыкгай предсказал, — улыбнулся он. — Давно. Я уже забывать начал.

Пока не появилась я, а вместе со мной не всплыло имя ребенка. Оно плотно сидело в мозгу шамана. Говорят, именно на стрессе проявляется все спрятанное, подавленное, сокровенное. Вот я и попала под каток высшего промысла, вмешательства потусторонних сил, происков незнакомых мне богов, пророчеств, меток, мистической связи. Я допускала, что где-то в высших материях записано: «Есть два человека, и они должны быть вместе», но звучало это не очень. Партия, тьфу, то есть Вселенная сказала «надо», шаман ответил «есть».

— Ты вчера признался, потому что должен? — хмуро спросила я.

— Нет, я действительно тебя люблю, — Изга стал каким-то твердокаменно серьезным. — Я понимаю, тебе неприятно думать, что выбора у нас нет. Что кто-то посторонний все за нас решил, и мы обязаны подчиниться. Но есть тысяча и один пример того, что даже предназначенные пары расстаются. Воля человека до сих пор многое значит, и духи над ней почти не властны.

Я осторожно забрала у него ладонь и сложила руки на коленях.

— Прости, мне нужно подумать. Очень сложно вот так сразу все осознать. Я тридцать лет жила в другом мире. Без духов, ритуалов, обрядов и предназначения. Мне тяжело.

— Я не тороплю, — ответил Изга. — И ты меня прости, я снова все сделал совсем не так, как хотел.

Будь моя воля, вообще бы ничего не услышала и не узнала. До чего же проще все было еще полчаса назад.

Взгляд от сложенных рук я так и не подняла. Изга отчаялся меня ждать и потянулся за рубашкой.

— Завтрак я, наверное, пропущу. Нужно узнать, что изменилось за ночь. Поговорить с духами. Сейчас Оюна и остальные — наши единственные средства связи с внешним миром.

— Конечно, иди, — согласилась я и выдохнула только, когда дверь хлопнула за спиной шамана.

Ревнивая призрачная баба не волновала ни капельки. Пусть хоть истерику закатит и обвал на равнине строит, случившегося уже не изменишь. Я была с Георгием, собиралась и дальше с ним встречаться, ребенка нам предсказали. Но внутри такая муть поднималась, что на языке горчило.

Спасибо книгам по саморазвитию и медитации, я умела прислушиваться к себе. Да, часто ошибалась и в упор не замечала очевидного, но острые эмоции различала.

Плохо мне. Гадко, муторно, тяжело, противно — черт, где нужное слово? Дискомфортно! Вот. Что-то грызло изнутри и никак не давало обрадоваться принятому решению. Словно в груди засел очередной черный сгусток, и не было шамана рядом, чтобы его достать. Что не так? Как выглядит моя заноза?

Предназначение? Да ничего в нем плохого нет. Вроде бы. Люди по расчету женятся и потом живут. В моем кругу такое сплошь и рядом. Родители мечтают соединить и приумножить капитал, детям некуда деваться. У кого-то даже получаются нормальные

семьи. Они потом счастливо рассказывают, что на самом деле давно заглядывались друг на друга, но не хватало волшебного пинка. И они не так уж не правы. Один круг, с детства рядом.

А мы с Изгой сильно врозь. И не будь крушения вертолета, никогда бы не встретились. Так что меня гложет?

В постели просто слов нет, как все хорошо. Ни с одним мужчиной ничего подобного не случилось. То самое «небо в алмазах» из женских сплетен о сокровенном. Высшее наслаждение. Так ведь и должно быть, если мы пара, да? А где тогда плохо?

Быт не устроен, уверенности в завтрашнем дне нет?

Ага, есть такое. Я бы куда с большим удовольствием увезла Георгия в столицу, чем осталась в доме Азыкгая. Там школа для дочери, университет — да весь мир в её распоряжении. И работа для меня не проблема. Помыкалась бы полгода, все равно устроилась. Специалист я хороший, этого не отнять. А здесь? Что я буду делать посреди тайги? Цитируя Простоквашино: «В вечернем платье дрова рубить? Или быков очаровывать?»

Но шаман Изга не поедет со мной. Его место там, где духи, вековые сосны и чистый воздух. Он не сможет все бросить. Не захочет. У него изба, настроенная, как музыкальный инструмент, амулеты на верстаке, просители с дарами, пациенты. Да и разве откажешься от призвания? В ежедневниках из шкафа черным по белому написано, что нет. Нельзя. Значит, мы обречены?

Больно стало, но дискомфорт не ушел, только усилился. Я скребла ногтями покрывало и маялась, как хотела встать. Походить по предбаннику вперед-назад. Плевать, что три шага в любую сторону, хоть как-то сбросить напряжение. Заноза до сих пор сидела в груди. Что-то еще. Что? Где?

Я бы осталась. Ради счастья держать ребенка на руках и жить с любимым человеком забила на карьеру. Какая мне карьера в декрете? Все работодатели бы сразу носом закрутили. «Любой чих ребенка — вы на больничном». Няня опять же. Смысл рожать, если твою дочь будет воспитывать чужая женщина?

Быт не налажен? Во-первых, он налажен, горячий душ и ванна с туалетом в доме Георгия есть, а во-вторых, знания мне на что? Умение организовывать пространство так, чтобы оно стало удобным. Как я поняла, все, что стояло в доме под шаманские требования обязательной натуральности не попадало. Чуток фантазии, последние достижения технического прогресса — и вуаля. Комфорт городской квартиры в отдельно взятой таежной глубинке. У меня аж руки зачесались схватить за задачу. Но от нервов это открытие не спасло. Я уже два шикарных оправдания придумала, а все равно переживала. В чем беда?

Я не верила в чувства шамана или сама была безразлична? Ерунда. Да, для любви слишком рано и есть большая вероятность, что эмоции притупятся, страсть угаснет. Но тут вот какое дело. Любовь, как семечко, растет из первой яркой симпатии. Если симпатии нет, то хоть десять лет жди и тщательно строй отношения по советам психологов, ничего не вырастет. А я кожей чувствовала шамана. Его удовольствие ночью, его всплеск надежды утром, облегчение от моих слов. Я понимала, как для него важно, чтобы я от шока не оттолкнула его. Он ушел с тяжелым сердцем, даже услышав «я подумаю». Мне стало мутно именно в тот момент. Я расстроилась, что разочаровала его.

Разочаровала. Расстроилась. Хотела угодить. Мечтала понравиться и быть в его глазах хорошей. Хотела, чтобы любил.

Мамочки...

Я судорожно вдохнула от ужаса и застонала. Тонко так, жалобно.

Хотела, чтобы любил, боялась разочаровать. Я вела себя с Георгием, как с отцом. Один-в-один. Боль окончательно взбудоражила старое болото, муть поднялась к горлу. Затошнило так, что я стала искать глазами ведро. Я вляпалась в старый капкан по самые

уши. На этот раз крепче и надежнее. От отца никогда не видела ласки, зато от шамана получала с лихвой. Маленькую девочку, наконец, кто-то полюбил, она стала нужна. Вот и вывернуться захотелось наизнанку. Жить в тайге? Да! Ревнивая баба-дух, предсказание-кандалы? Да, да, да! Лишь бы не разочаровать, лишь бы не потерять глоток воды в пустыне, иначе я сдохну.

Хотя я все равно сдохну. Когда шаман меня разлюбит и скажет, как Сандаре: «Уходи», я что делать буду? Ничего не останется, я ведь всем пожертвую ради него. Куда я уйду? В ледяное белое ничто таежных сугробов, чтобы наконец-то замерзнуть там насмерть?

Меня затрясло, как в лихорадке. Ногтями я оборвала высохшую кожу с губ, и на язык попал соленый вкус крови. Уходить нужно прямо сейчас, пока я еще понимаю, что происходит. Одеться, сесть на снегоход и уехать. Без меня Изге ничто не угрожает. У него метка смерти пропала, Азыкгай подтвердил. И сам шаман предположил, что мы будем порознь. Если я хоть чему-то научилась за несколько дней, то вот она — узловая точка. Момент, меняющий реальность. Да, да, Изга взял бубен и ушел. Он уже в трансе и не сможет мне помешать. Азыкгай спит, я тихо заберу ключи от снегохода, оставлю записку и уеду.

Так всем будет лучше.

Яиц в картонной коробке осталось всего три штуки. Азыкгай смотрел на них и прикидывал, что лучше. Потратить на оладьи? Молока нет. Тесто завести? С начинкой беда. Будь лето на дворе, собрал бы ягод, а зимой что в пирожки класть? Сушеный шиповник?

А еще яичницы хотелось. Так хотелось, что старый шаман слюной давился. Три яйца как раз на всех, но ведь остынет же, пока молодые проснутся. А проснутся, так ведь не сразу придут. Пока нацелуются, намилуются, нанежатся — день настанет. Значит, он себе одно яйцо пожарит, съест, а им потом на стол соберет. В погребе тушенка есть. «Энзешная», из стратегических запасов страны. Распродают их потихоньку, когда срок годности заканчивается и новым заменяют. Уже не то, что было раньше, но мясо все еще доброе. Одним куском, почти без жира. Такую тушенку с макаронами сварить — милое дело.

Слюну уже было сложно глотать. Азыкгай воткнул вилку в розетку и расчистил стол рядом с плиткой. Почистить бы её. Сковороду тоже. А то перед женщиной-хозяйкой стыдно. Вот так и верят все, что мужики сплошь безрукие и бесхозяйственные. Плитка в нагаре, эка.

Жир разогревался и щекотал ноздри характерным запахом. Белый кусок растаял почти мгновенно, Азыкгай катнул его по черному дну вверх вниз и разбил ножом скорлупу яйца. Желток целый остался. Сейчас бы теплого свежего хлеба. Натереть горбушку зубчиком чеснока и макнуть в рыжую сердцевину яичницы. Чтоб хрустело и таяло на языке.

Старый шаман снял сковороду с плитки и услышал, как открылась уличная дверь. Ирина пришла. Георгий тяжелее топает, а стройную барышню пойдя различил в тишине. Шебаршит чего-то там, как мышка. Даже свет не включила. Странно.

Воров Азыкгай не ждал. Тем легкая нажива нужна, в глухомань они не суются. Зачем, ежели полно богатых дворов в окрестностях Якутска? Там и собаки уже знакомые и замки смешные.

— Ира? — позвал шаман. Мышка в сенцах затихла.

Конфуз будет, коль свои женские премудрости искала. От ретивой мужской любви случается, что месячная кровь изливается раньше, чем её ждут. Не беспокоить бы, но у Азыкгая сердце дрогнуло. Ирина зашуршала по карманам одежды проворнее. Испугалась, заторопилась.

— Потеряла чего, красавица?

Старый шаман открыл дверь в сенцы, включил свет и замер. Слишком хорошо помнил, как выглядят одержимые духами люди. Их глаза в половину лица, красные прожилки на

белках, кривящийся в гримасе рот. Ирина по-человечески ссутулилась, но смотрела демоном из царства теней. По ногам тянуло стылým сквозняком потусторонней жути. Женские руки напоминали скрюченные лапы мертвой птицы. Длинные, белые, когтистые. Она пыталась порвать карман куртки. С отчаянной ненавистью скребла его ногтями.

Шаманское зеркало где-то в комнате. В мешке с другим ритуальным скарбом. Если дать Ирине посмотреться в него, то вместо глаз у неё будут слепые бельма демона. Или нет? Кто мучил её? Сквозняк прекратился сам собой, Ирина даже плечи распрямила.

— Ключи от снегохода ищó. Вдруг замерз и сразу не заведется?

Голос свой. Говорит, а не шипит. Но одержимостью все равно за версту несет. Глупые цели, странные поступки и железобетонная, несгибаемая воля.

— У меня ключи, — соврал Азыкгай. — Я отдам. Скажи только, зачем тебе.

Одержимые вываливают правду сразу и не задумываясь. «Цветы полить. Запереть рыбок, а то они плавают у меня по венам. Бензин из снегохода выпустить, это зло и скверна».

— Проверить, — тихо ответила Ирина. — Я же сказала.

Она хмурилась. Появилась первая эмоция, отличная от желания делать то, что задумала. Хороший знак. И крючок, запутывающий петли в сложном узоре. Кто туманит разум так, что оставляет клочок свободной воли?

— Пойдем в дом, — позвал шаман. — У меня там.

Она задумалась. Вернее, застыла и проблески разума из взгляда исчезли. Нельзя ей в дом, правильно. Там хитрый шаман Азыкгай схватит её в старческие, но все еще крепкие медвежьи объятия и не даст уйти. А ключи ей затем сдались, что кто-то на улицу гонит. Но почему не пешком? Куда проще, чем на снегоходе. Одна мысль нужна: бежать, бежать, бежать. А здесь мыслей две: бежать и снегоход. Чьи они?

— Где Георгий? — ласково спросил Азыкгай и улыбнулся.

— Там, — выдохнула Ирина. — С духами. Я пойду тогда, ключи у него спрошу.

Подсказки вот так и звучат. В лоб. Сквозняком снова по ногам потянуло. Невеста Георгия скривилась от боли и вырвалась из капкана разговора, в котором её держал старый шаман. Отвела взгляд, повернулась боком и схватилась за ручку двери.

Не успеет, не уйдет!

— Стой! — крикнул Азыкгай больше духам, чем ей. Добыча не уйдет, её разум не достанется чужой воле. Тот, кто гнал хрупкую женщину на мороз, явно не добра ей желал.

— Куда! — рявкнул шаман и накрыл собой Ирину.

Холод ударил из открытой двери, просыпал снежную крупу с козырька крыльца. Азыкгай не хотел делать больно, ему и не пришлось. Прижал беглянку к себе, как куклу, и втащил обратно. Мелкие трепыхания не в счет. Сил у неё почти не осталось.

— Тебя гонят, — твердил шаман. — Не свои мысли слышишь, чужие. Сопrotивляйся, ну! Дай сдачи!

Хоть бы кто-нибудь помог. Зеркало далеко, бубен на стене, но толку от него? Странная у Иры одержимость, необычная. То бьется, то затихает. Вязать по рукам и ногам нельзя, уговаривать тоже. Как бы угадать, кто внутри неё «за наших»?

— Отпустите, — зашипела Ирина чужим голосом, — все в порядке.

Тьма хлестнула по рукам. Шаман обрадовался, что больше не видел её глаз, а только красное пятно затылка перед носом. Подсказки всегда в лоб. Всегда.

— Иннаар! Говори громче, она не слышит! Еще бей, еще!

Дух-помощник Георгия, призрачный защитник. Его голос звучал вторым и сбивал Ирину с опасного пути. Со смертельного для нее побега в тайгу. Молодец, мужик, толковый. Ключи от снегохода. Надо же, как метко придумал.

Иннаар взял верх, беглянка в руках Азыкгая затихла. Гадать не пришлось, какая ведьма решила известить соперницу. Она здесь одна. Оюна.

Глава 18. Игры, в которые играют духи

Я намеренно прикладывала пальцы к раскаленной эмалированной кружке, чтобы прийти в себя. Не знаю, что чувствовали самоубийцы, вытащенные из петли, меня безумие держало долго и отпускало медленно. Одержимость каталась на языке медным привкусом крови из треснувшей губы. Перед глазами все еще стояла белая пелена таежных сугробов, куда я чуть не ушла. Пешком. Полуголая.

— У нее совесть есть? — громко спросила я Азыкгай.

Шаман снял горячий чайник с плитки и заваривал мне уже вторую кружку с травяным чаем. Я помнила запах старых вещей от него и невыносимую силу. Седой совсем старик, а меня таскал, как пушинку.

— Мозгов у неё нет, — поморщился Азыкгай. — С ней хотели по-хорошему, уважали, как хозяйку. Разговоры разговаривали, дар преподнесли. Она даже приняла его, скрипя зубами, и что устроила? Нет, не дело это. Теперь по-другому все будет.

— А сразу нельзя было по-плохому? — огрызнулась я. — Чтоб наверняка.

Стыдно стало за грубость, но и косу жалко. Я бы сейчас нервы успокаивала, переплетая пряди, а не дергала себя за криво обрезанные лохмы.

— Сразу нет, — покачал головой шаман. — Оюна — не простой дух. Управа на неё только у богов есть, а они не очень-то интересуются обидами людей.

— И здесь бюрократия, — проворчала я. — К богам, как к крупным государственным чиновникам, запись за два месяца, «оставьте вопрос в письменном виде, мы с вами свяжемся» и стандартный ответ по шаблону, написанный девочкой-стажеркой после десятого по счету делегирования.

— Нет, у богов все проще, — усмехнулся Азыкгай. — Они молчат.

— А дары принимают? — вскинулась я, вспомнив про весенний ритуал открытия небесных врат.

— Да. И молчат.

— Все, как у чиновников, — рассмеялась я, но вспышка радости быстро сошла на нет. — Невеселая картина вырисовывается. Что же тогда делать?

— Георгий пойдет к Эрлику, — пожал плечами Азыкгай. — Бог царства теней единственный, кто еще откликается на проблемы людей. Но и он не всех шаманов слушает. Только тех, к кому благоволит.

Я чувствовала, что за расположением Эрлика к шаману Изге крылась давняя и, наверняка, страшная история. Не хуже той, что я узнала о посвящении.

— И это долго. Нужен очередной ритуал, особое время года, луна в растущей фазе и так далее?

Скептицизм из меня полился желчью. Я уставилась на дрожащие пальцы и еще раз приложила их к горячим бокам кружки. Боль отрезвляла. Напоминала, что если все твои мысли — не твои, то единственное, за что можно цепляться — реакции тела. Оно не обманет. Такие выверты даже духам не под силу. Или я ошибалась?

— Долго, — согласился Азыкгай и поставил на стол вторую кружку. — И не понятно, получится ли. Эрлик может запросить такую цену, что Георгий не захочет платить. Оюну сюда хозяйкой не по людской прихоти прислали, и просто так никто не позволит ее заменить.

— Очередная неприкосновенная, которую нельзя уволить, — проворчала я. — У неё блат на самом верху? Она чья-то дочка или любовница? Ублажила кого надо после смерти?

Старый шаман поморщился, а я пожала плечами. Пусть Оюна слушает, мне уже плевать. Сколько грязи она мне в мысли вылила, не сдохнет, если хоть немного в ответ получит.

— Я понимаю, ты другого ждала. Все ждут. Иначе, зачем нужна магия, если она не решает проблемы одним щелчком? Вот так. — Азыкгай потер друг об друга сухие старческие пальцы. — Щелк — и рак в четвертой стадии рассасывается сам по себе. Щелк — и давно убитая девушка находится в лесу живая и здоровая. Щелк — и с неба сыплется богатство, признание, успех. Стоишь ты перед таким уверовавшим и не можешь ему объяснить ничего. «Какой же ты тогда шаман? Ты — шарлатан, я к другому пойду». Да хоть всю тайгу от края до края обойди, ничего не изменится. Есть то, чего мы можем и есть то, чего не можем. Но Георгий из тех, кому дано больше других. Он попытается.

Я не сомневалась в нем. Я, наверное, верила так же сильно, как большинство его просителей. Официальный поставщик чудес. Первый после всех богов.

— Она задолбит меня, — тихо ответила я шаману, чувствуя, как в груди снова поднимается горькая муть.

— Иннаар ей не позволит.

— Или я с катушек слечу.

Азыкгай рассказал, что со мной было сразу. Метафорами сыпал, схемы на листочке чертил. Повторял одно и то же по кругу несколько раз, пока я не вернулась в реальность.

Два духа сцепились внутри меня. Иннаар не мог навредить Оюне напрямую, зато был в состоянии влиять на меня. Ирину Римаан швыряло, как мячик от пинг-понга, из одной крайности в другую. «Наш мир похож на ежа, — объяснял Азыкгай. — Из его серой середины во все стороны к крайним точкам растут иголки. Свет вверх, тьма вниз, созидание вверх, разрушение вниз, порядок-хаос, закон-беззаконие, семья-одиночество, жизнь-смерть. Толкнет Оюна, ты сваливаешься вниз. Быстро, лихо, со свистом. Иннаару мало поймать, ему вернуть тебя нужно. Толкнет он — летишь вверх. Оюна злитесь, снова толкает.

Отсюда и мысли разные, но каждая в строгом соответствии с направлением. То детей хочется, то в семью не верится. То шаман перед глазами, то отец. Призрачная зараза знала, куда бить. Мне кажется, с ее подачи я летела особенно ловко. На благодатную почву падали сомнения.

— Ты чувствительная, — вздохнул Азыкгай. — Потусторонний мир к тебе близко-близко. Как к нам. Не знаю, одарила ли тебя Вселенная, не видел. Может, ты проспала все. Но то, как ты откликаешься на духов — уже знак. Печалиться не стоит, я хорошие новости говорю. Твой мужчина — шаман, так вам будет проще друг с другом.

— Если позволят, — не хотела я слезать с больной темы. — Если успеем, пока призрачная мстительница не подтянет тяжелую артиллерию.

Азыкгай начал отвечать, но тут за дверью конкретно захрустело подошвами по снегу. Я подобралась вся, в кружку вцепилась.

— Георгий?

— Открывай погреб, ойуун, — Изга в дверях снимал валенки, наступая пятками на носок. — Прятаться будем. Гости к нам. Привела, окаанная.

— Значит, не задался разговор, — цокнул языком Азыкгай. — Нет, ну а чего мы хотели? Чтобы женщина просто взяла и простила придуманную обиду? Так не бывает.

Философский настрой и медлительность старого шамана играли жестким контрастом с дергаными движениями Изги. Он горел энергией ярче лампочки в сто киловатт. Половицы скрипели под ногами, табуретки разлетелись в стороны от не самых сильных ударов. Шаман откинул вязаный половик и дернул за ручку на крышке люка.

— Ирина, свитер мой надень, в погребе прохладно.

— И темно, — добавил хозяин дома. — Зато живности никакой нет, можешь не бояться. Георгий, ты в баню ходил? Прибрал там? А то сунутся, женскую одежду найдут, я не докажу, что один здесь.

— И так и сяк сунутся. Не за тем идут, чтобы вежливо с хозяином поздороваться. Мне полдома разнесли. Закрытые двери выбивали.

— Тогда зачем погреб? — подала я голос. — Если все равно найдут?

— Затем, что я стрелять буду, — ровно и очень холодно ответил Азыкгай. — Изба маленькая. Не хочу, чтобы вас зацепило.

Я кивнула, ныряя головой в широкую горловину безразмерного шаманского свитера. Тяжелого, безобразного, шерстяного и жутко колючего. Ладно, в гроб, если что, переоденут, а в погребе и, правда, не жарко. Маленькое такое портативное бомбоубежище, вырытое в земле. В войну где-то под Москвой в таких погребах прятались от снарядов, а нам от пуль придется. Лишь бы крышку люка не пытались прострелить и гранату внутрь не бросили.

— Карабин у тебя один? — спросил Изга.

— Да, вторым так и не разжился. Патронов много, калибр — медведю хватит. Автомат бы, но я когда разрешение на гладкоствол получал, на мою справку от психиатра и так косились с подозрением. Твой карабин где?

— Продал, — выдохнул Изга, подталкивая меня к краю люка. — Ирина, давай первая. Спускай ноги. Осторожно!

Лестница вниз оказалась металлической и скользкой. Тапок с правой ноги я потеряла сразу же, второй угрожающе болтался на пальцах. Адреналиновый взрыв я сегодня уже пережила. На старых дрожжах бредило медленно и слабо. Руки почти не дрожали, а мысли о стрельбе и скорой смерти едва касались сознания. Бежать мне уже точно некуда. Все решится здесь.

— Ниже, — командовал Изга, наступая на верхние перекладины и окончательно загордив свет. — Еще ниже.

— Спускайся ко мне, иначе места не хватит.

— Хватит. Я спиной упрусь в крышку люка. Закрою тебя.

— Долго сидеть-то собрался? — голос Азыкгая снаружи звучал глухо. Старый шаман с треском выдвигал разошедшиеся ящики комода и скрипел табуретом. — Далеко они?

— Я два снегохода на холме видел. Идут почти по нашим следам. Десять минут и будут здесь.

— Ну, молчим тогда, — распорядился старый шаман и со стуком положил что-то тяжелое на стол. А, может, на табурет. — Я почти готов.

Ноги у меня замерзли мгновенно. Тяжелый земляной воздух погреба вонял картошкой. Развернуться было негде, в спину давили полки. Я ни раз, и ни два вспомнила уточнение про живность, как крышка люка закрылась над головой. Судя по шороху, Азыкгай вернул половик обратно. И что-то еще поставил сверху.

— Мы не задохнемся? — шепотом спросила я.

— Не успеем, — ответил Изга.

Банки жалобно звякнули стеклянными боками, когда я ударила их локтем. Боль прострелила руку до плеча и кончиков пальцев. На мгновение я забыла вообще обо всем, кроме звона в мышцах и ощущения пролитого на локоть кипятка. Еще бы чем-нибудь таким же забористым отвлечься от мыслей о нападении, но, как назло ничего толкового в голову не приходило. Стихи почитать? Изга уже дочитался.

— Оюна ведь знает про погреб, — забормотала я. — Скажет им?

— Нет, это сложнее, чем просто привести до дома. Крышу с трубой можно издали показать. Толкнуть кого-то одного из группы, чтобы обратил внимание. На погребе концентрироваться нужно. Долго, мутно. И все равно ничего конкретнее мысли «где-

то здесь» человек не услышит.

Азыкгай ударил по крышке люка сверху:

— Тихо!

Да поняли мы. Мгновенно замолчали оба. Я боролась с желанием схватить Георгия за руку, но он сам нашел в темноте мои пальцы на перекладине. Теплее стало и как-то спокойнее. Ровно до момента, когда в дверь постучали.

— Кто там? — хрипло крикнул старый шаман. Потом прочистил горло и добавил: — Гостей не жду. До весны боги спят, нельзя тревожить их просьбами. Уходите.

Из-за двери ответили, но я смогла услышать только невнятный бубнеж. Хотя по ту сторону люка и закрытых сенцев наверняка орали во всю глотку.

— Не знаю никого, — недовольно рявкнул Азыкгай. — Не видел.

Дверь еще не выбивали, взяли паузу. Изга отпустил мою руку и завозился в темноте. Пытался прижаться ухом к крышке? Вряд ли это поможет.

— Оба снегохода мои, — ответил шаман, услышав очередной бубнеж. — На одном езджу, второй запасной. Сам посуди, коли не глуп. Был бы один, сломался — я бы тут и помер.

Даже я не знала, где у Азыкгая снегоход стоит, а убийцы нашли. Баню, наверное, тоже вскрыли, как и сарай. Почему с домом медлили?

— А мне есть дело до того, что ты Сергей? В деревнях таких, знаешь сколько? Что ни рожа, то Серёжа. Это ты по-каковски сейчас сказал? Повтори.

Азыкгай успешно косил под дурачка, а Изга нервничал с каждым словом все сильнее. Я слышала, как с тонким свистом его ноги скользнули по перекладине.

— Индус? Какой еще индус? Не знаю я такого.

— Индис, — пробормотал Изга и с коротким смешком ударил кулаком по крышке. — Открывай, ойуун, свои пришли.

Старый шаман не поверил, решил перестраховаться. От его шагов заскрипели половицы, наше убежище он не тронул. Карабин с собой взял, мне почудился металлический лязг.

— Кто там? — дернула я Изгу за штанину. — Почему свои?

Он схватил меня за руку и зашипел: «Тихо». Вовремя, потому что дверь скрипнула.

— Конт Сергей Геннадьевич, — громко представился гость. — Мне Изга координаты прислал. Я знаю, что он здесь.

Бывает же такое. Когда фильмы смотришь, давно не чувствуешь всей красоты момента, а живую это восхитительно. Я выдохнула и обмякла, прижавшись плечом к пыльным банкам. Погреб показался лучшим местом на свете, а банкира захотелось обнять. Растолкать всех по дороге и с неприличным визгом повиснуть на шее. Ай, да, Серёжа, ай, да, супергерой-спаситель! Практически человек-паук в деловом костюме!

— Экий ты шустрый, — осадил его Азыкгай. Специально говорил громко, чтобы мы слышали. Изга стоял, по-прежнему скрючившись, и не двигался. Сейчас проверка будет? Ладно, я потерплю. — И слепой, раз не видишь, что я здесь один.

— Снегохода два, — настаивал Конт. — И баня затоплена, хотя сейчас вторник. В деревнях никогда не топят баню по вторникам, если нет особого случая. Che cazzo vuoi, vecchio schifoso? Где Изга?

— Да он это, он, — усмехнулся шаман. — Вряд ли каждый встречный наемник умеет материться по-итальянски. — И снова стукнул кулаком по крышке люка: — Здесь я!

Нас, наконец-то, выпустили. Крышка скрипнула, свет хлынул в погреб, а Изга схватился за протянутую руку.

— Чувствую, не меня ждал, сидя в погребке — проворчал банкир, но вытащил шамана легко и обнял крепко. — Рад видеть.

— Не представляешь, как я рад. Вовремя ты.

— Чудом, всё чудом. Мы дважды заблудились, пока дом нашли. Уже хотели за подмогой возвращаться, но нет же, что-то гнало вперед. Умеешь ты сообщения писать, я все бросил и полетел. Мало ли какая потусторонняя гадость тебя извести решила.

Голос Конта я не узнавала, слишком редко слышала. Зато характерные льдистые интонации столичной финансовой элиты уловила сразу.

— Без потустороннего тоже не обошлось, но проблемы нам создали вполне живые люди, — голос Изги звучал гораздо теплее, но так же сдержанно и серьезно.

— Нам? Здесь еще кто-то есть?

— Да, совершенно верно.

Шаман отпустил руку Конта и помог мне подняться. После темноты я не сразу привыкла к свету. Жмурилась и прикрывала глаза ладонью. Конт еще встал, как назло, спиной к окну. Дневной свет уводил его силуэт в сплошную черноту.

Мужчины молчали. Я знала, что с высохшей и не расчесанной головой выгляжу не очень. Свитер еще, спортивные штаны. Но не настолько же, чтобы дар речи терять.

— Ирина? — хмуро спросил банкир. — Ирина Карловна Рима?

Я со вздохом заправила пряди волос за уши. Столичный бизнесмен с европейским лоском, приобретенным за годы жизни в Италии, смотрелся посреди шаманской избы, как новенький Бентли в Химках. Черный горнолыжный костюм с редкими серыми и белыми вставками. Под костюмом, наверняка, термобелье на все тело. Горнолыжная маска, закатанная сейчас на лоб. Высокие ботинки, «дутые» перчатки. Основательно подготовился. Знал, куда ехал.

Я коротко кивнула и протянула руку:

— Да, это я. Добрый день.

— Добрый.

— Быстро ты догадался, — покачал головой Изга.

— А я не думал, — банкир снял перчатку, уверенно пожал мою руку и отступил на шаг. — Экстравагантный красный цвет волос Ирины весьма приметен на деловых фото. Запомнить легко. Но главное здесь другое. Ты упоминал её отца в разговоре. Потом пропал и через несколько дней от тебя пришло пугающее своей лаконичностью СМС. «Приезжай. Координаты». Фамилия Рима — все, за что я мог зацепиться. Думал, у тебя с ним проблемы. Вижу, что оказался прав. Ты решил, как гордые сыновья гор, украсть невесту? Или она заложница?

— Не то и не другое. На неё охотятся убийцы. Я пытаюсь помочь.

Конт, нужно отдать ему должное, держал выражение лица каменным. Его не смущал старый шаман с охотничьим карабином наперевес, упоминание серьезных людей с серьезными проблемами и общая ненормальность ситуации. На всей территории нашей необъятной родины не нашлось другого места, чтобы два отпрыска столичных воротил встретились.

— Получается? — осторожно спросил Конт и покосился на оружие в руках Азыкгая. Дверь в сенцы скрипнула. На пороге, уже не скрываясь, стоял еще один пассажир прибывших снегоходов. Лицо — типичная маска бывшего силовика и нынешнего начальника охраны. Взгляд ястреба, оскал бульдога.

— С переменным успехом, — признался шаман. — Из того, что я знаю — Ирине подстроили аварию вертолета. Она рухнула в тайгу недалеко от моего дома. Когда

выяснилось, что осталась жива, в ближайшую ко мне деревню приехали трое.

— Как выяснилось? — перебил силовик и тут же извинился. — Сергей Геннадьевич, позвольте?

— Да, конечно.

— Ирина отцу позвонила, — ответил силовику Изга.

— Не стоило, если были подозрения.

— Я знаю, но использовалась сим-карта, оформленная на гастарбайтера из Таджикистана. Отдельно отследить номер и связать со мной никак не могли. Человек, отдавший приказ добить Ирину, находится в окружении Карла Римана.

— Почему вы уверены в заказе? Приехать могли с любой целью. Было нападение? В вас стреляли?

Изга споткнулся на ответе, и я понимала почему. Его уверенность всегда опиралась на сияние метки смерти, даже мой звонок отцу сыграл второстепенную роль. Но как шаман будет объяснять подобные тонкости прожженным скептикам? Его идиотом объявят.

— Нападение случилось, — ровно ответил шаман, — выстрелов не было. Мы уехали из моего дома сюда. Я отправил координаты Сергею и выбросил телефон.

— Тут же выбросил, — добавил Конт. — Я перезванивал через пять минут, абонент уже был недоступен.

— То есть, нападавших вы не видели, их намерений не знаете, — безразлично чеканил слова силовик, — но на всякий случай сидите в погребе из страха, что вас найдут в абсолютно безымянной точке на карте. Вы не доверяете Сергею? Думаете, что он мог передать координаты убийцам? Зачем тогда просили помощи?

Предельно конкретный символ недоверия в образе Азыкгая все еще стоял рядом с нами, держа на прицеле то Конта, то вьедливого силовика. У меня язык чесался объяснить про ревнивую призрачную девицу, способную навести морок не только на дочь Карла Римана. Но и на прибывших гостей, какими бы крутыми и продуманными они себя не считали. Хотела бы я посмотреть на силовика, гольём бегущего по снегу прочь от избы. Даже простила бы за этот фокус Оюне пару её выходок. Не нравился мне суровый наемник Конта. Вместо реальной помощи он явно собирался поднять всё на смех.

— Я доверяю Сергею, — холодно ответил Изга, — но осторожность никто не отменял. Есть тысяча других способов найти нас. В том числе высокотехнологичных. Можно взять съемки со спутника и методично проверять все строения в том направлении, куда мы уехали. Поверьте, их здесь в радиусе движения снегохода на одном баке без дозаправки не слишком-то много.

— Но согласитесь, это менее вероятно, чем прямой слив информации.

— Allora basta parlare, — поморщился банкир, — хватит разговоров. Давайте думать, что мы можем сделать в сложившейся ситуации. Мне нужен план и список конкретных шагов от нас. Времени не так много, как кажется. Давайте уберем оружие и сядем за стол.

Дельная мысль. А вот сын главы «ТФК-групп» мне нравился все больше и больше. Даже не знала, что он такой. Дистанционно раздавать указания из теплого кабинета — это одно, а рисковать собой посреди тайги — совершенно другое.

— Ойуун? — Изга вопросительно посмотрел на учителя.

— Давайте, я не против, — Азыкгай поставил карабин к бедру. — Чай, водка, яичница?

— Нас не представили, — склонил голову на бок Конт. — Ойуун — это имя?

— Это «шаман» по-якутски. Меня Азыкгай зовут.

— Сергей, — повторно назвался банкир и протянул руку. Старый шаман её пожал.

Теперь все формальности соблюдены до конца. Гостей принял хозяин дома.

— Ярослав, — продолжил знакомство Конт и обернулся к силовику. — Мой специалист по обеспечению безопасности. Чай, наверное, согреться бы не мешало. А к чаю у нас сухпайки есть. Ярослав, распорядись.

— Хорошо, — кивнул силовик и вытащил из-за пазухи рацию.

Глава 19. Приманка

Вместе с Сергеем и Ярославом приехали еще два бойца. Одного поставили в дозор возле бани, другого отправили на разведку. С собой маленький отряд Конта взял четыре рюкзака с походным снаряжением и пару десятков сухпайков, которые кое-как утрамбовали в багажники снегоходов.

Ирина, потерявшаяся на фоне хмурых мужчин, взялась помогать Азыкгаю накрывать на стол. Разорванную упаковку от галет, сахара, чая и плавленого сыра, собирали в большой пакет. Хаос на столе усугублялся эмалированными кружками и одноразовыми столовыми приборами.

— Молодой, — позвал Изгу старый шаман и, рискуя нарваться на пристальное внимание Ярослава, поманил за собой к дивану. Ирина осталась на «чайном хозяйстве» одна.

— Да, ойуун.

— Ты видел вторую группу? Что сказала Оюна?

— Мне не удалось ие-кыла, сам я ничего не видел. А Оюна шипела злобно и угрожала, что погубит Ирину, если я не отправлю её домой.

Сейчас это был лучший выход, как бы Изга не боялся потерять невесту. Третий снегоход на ходу. Сесть на него вместе с Ириной и поехать общей группой в деревню. Там оставив девушку под охраной, дозаправиться и рвануть через тайгу уже до самого Якутска. Ей не обязательно возвращаться к отцу. Люди Сергея справятся с физической защитой, а об охране другого сорта позаботится Иннаар. Так будет, пока не расследуют покушение. Сколько бы времени это ни заняло, метка смерти исчезнет только тогда, когда Карл Риман найдет заказчика убийства в своем ближнем кругу. Неизвестного сейчас кровного родственника, претендующего на наследство. И нельзя позволять себе даже малейшего сожаления, что придется жить в разлуке и ждать. Живая невеста лучше, чем мертвая жена. Лишь бы Оюна не помешала доехать до деревни.

— Она уже пыталась, — шепотом сказал Азыкгай. — На мороз хотела Ирину выгнать, Иннаар еле привел её ко мне.

Новости не радовали. Изга слушал подробности войны духов в сознании Ирины и кивал на каждый злой выпад учителя. Да, единственный выход — просить Эрлика о замене Оюны. Но если не получается ие-кыла, то ритуал освобождения духа от тела тем более нужно совершать на пике силы и в совершенно спокойной обстановке. По-другому в царство теней к его хозяину не попасть. Души, обремененные связью с телесной оболочкой, через врата не проходят.

— Защиту нужно ставить, — пробормотал Азыкгай, покосившись на Ярослава. Силовик уже сверлил их взглядом и прислушивался. — Материал для амулетов у меня есть.

— Черный оникс?

— Нет, — цокнул языком учитель. — Попроще всё. Дерево, камень, кость.

Тогда самая сильная защита, которую удастся поставить — на дом. В дороге деревянные и каменные амулеты на теле бесполезны. Да и неизвестно, поможет ли оникс. Он работает вовнутрь. Против снежного бурана, устроенного Оюной, точно не спасет. Она нагонит плотное облако и подведет к обрыву.

— И ведь не боится ничего, — нахмурился Азыкгай. — Поддержку за собой чувствует? Чью?

— Вряд ли за ней кто-то стоит, тут другое.

Расклад получался сложный и объяснять его вслух не хотелось. Ярослава отвлекли, но в избе хватало посторонних скептиков. Стоило держаться за репутацию адекватного человека, чтобы хоть как-то влиять на принимаемые решения. Изга пошел к комоду и вытащил из ящика старую тетрадь учителя. Если нельзя говорить, то можно написать.

«Я так и не понял, знала ли она, что ведет помощников, а не убийц. Две группы энергетически совершенно одинаковые. Вооруженные наемники со столичным начальством, злые, решительные и жаждущие найти шамана по имени Изга. Она могла слушать их разговоры сколь угодно долго и не понять в чем дело. Просто перепутать. Но так или иначе ситуация целиком пошла ей в плюс. Косу в дар приняла, помощь оказала — договор выполнен. И плевать, что случайно».

Азыкгай прочитал, хмыкнул и попросил у Изга карандаш.

«Хитрая баба, — появились буквы на листочке в клетку, — на месте не ушибешь, голыми руками не возьмешь. А то, что гнала человека на смерть — как? Не считается?»

Изга ей этого точно не простил, но и здесь дух-хранитель местности могла вывернуться.

«Скажет Эрлику, что гнала её навстречу помощникам. Как лучше хотела, чтобы быстрее получилось».

Азыкгай недовольно скривился, повертел в пальцах карандаш и положил его обратно в комод вместе с тетрадью.

Думать нужно. Выходило так, что просить наказания для Оюны не за что. Ирина осталась жива, а не исполнившиеся намерения боги никогда в расчет не брали. К тому же дух-хранитель закрыла свой долг и сидит теперь перед чистым листом. Что захочет дальше, то и сделает. У неё появился шанс успокоиться и не вредить больше никому — воспользуется ли? Или новую каверзу придумает?

— Стол готов, — громко сказала Ирина. — Мне остаться или уйти?

— Прости, — ответил за всех Сергей. — Изба маленькая, места не хватает. Да и не думаю я, что тебе будет интересно обсуждение с первой до последней мысли. Когда до чего-нибудь толкового договоримся, мы тебя позовем.

Изга не хотел её отпускать. Снаружи Оюна и два неизвестных бойца, среди которых вполне мог оказаться крот. Чего уж там, если впадать в паранойю, то до конца.

— Пойдем, красавица, — вмешался Азыкгай и деликатно взял девушку под руку. — Мы с тобой уже завтракали, да и показать тебе кое-что интересное надо.

— Что? — вскинулся Ярослав, будто речь шла о секретных данных.

— Безделушку хочу подарить, — с прищуром ответил старый шаман. — Подвеску из дерева и камня. Ира, пойдем. Раньше сядут, раньше встанут.

Азыкгай забрал из комода мешок с материалами и увел Ирину. Решил не ждать и сплести защитные амулеты прямо сейчас. Хорошая мысль.

Дверь закрылась, мужчины шумно отодвинули табуретки и сели за стол.

Поели быстро, молча и с большим аппетитом. Спасители неизвестно сколько мотались по тайге, а Изга все утро стучал в бубен. Сухие галеты хрустели даже под слоем плавленого сыра, чай успел немного остыть и не обжигал язык. Когда половина одноразовых тарелок опустела, шаман встал их убрать.

— Я вот что думаю, — размеренно начал Ярослав, помешивая ложкой чай. — Если хотели гарантированно убить, то почему не свернули шею, пока вертолет еще был в воздухе? Авария списала бы любые переломы. Зачем понадеялись на случай? Это не профессионально.

Изга опять не знал, что ответить. Метка горит одинаково ярко на любую причину смерти. Если предположить, как того хочется силовика, что авария произошла случайно, то погибнуть Ирина должна была от внутреннего кровотечения. Но беда в том, что шаман сделал операцию, и метка всего лишь побледнела, а не исчезла. Показатели в норме, угрозы летального исхода больше нет, а метка есть. И вспыхнула она снова, стоило Олегу посадить на снегоход одного из столичных гостей. К самочувствию пациентки тогда никаких претензий не было. Значит, не в здоровье дело.

— Если исполнители местные, — осторожно ответил шаман, — то профессионалов среди них не так много, как вам кажется, увы. Здесь нет работы и уж тем более зарплаты, достойной специалистов подобного профиля. А в первый раз взявшись и ничего не умея, можно всякого наворотить.

— Но вертолет же с неисправностью как-то до середины маршрута долетел. Не рухнул при взлете, не сел на аэродроме в столице, а спикировал прямо на сосны. Настолько точно ни один любитель не рассчитает. На технику ума хватило, а свернуть шею пассажирке нет? Так не бывает. А если бы она надела парашют и выпрыгнула?

— В вертолете нет парашютов, — вмешался Конт.

— Есть, Сергей Геннадьевич. Как раз в кабине под сидением пассажира. Если от страха упасть на пол, то можно увидеть.

— Ты думаешь, девушка на такое способна?

— Да, почему нет? — пожал плечами Ярослав. — Раз уж у нас любители в движении вертолета копаются, то чем моя версия не хороша?

Ирония чувствовалась кожей. Изга скрипнул зубами и отклонился спиной на стену избы. Никогда еще не хотелось выложить на стол весь расклад и натывать в него носом, как котенка в мочу. Но вообще-то въедливый силовик прав. Версия не выглядела стройной, значит, она ошибочная.

— А если пилот сам выключил двигатель? — предположил Изга. — Допустим, ему заплатили фактически за самоубийство. Выдали маршрут, обозначили точку на карте и приказали именно там уронить вертолет. Плюс-минус несколько километров. Даже с полностью нерабочим двигателем вертолет еще какое-то время летит на авторотации. Свернуть пассажиру шею тоже приказали. Но изобразить летчика-камикадзе и убить человека — разные вещи. Возможно, пилот просто не смог. В эту версию укладываются странности с уровнем профессионализма?

— Сколько человек было в вертолете?

— Я не знаю, — честно ответил Изга. — Я видел труп пилота и раненную Ирину. Больше никого. Следов на снегу рядом с местом аварии не было.

— Мне кажется, мы не тем занимаемся, — возразил Сергей. — Я ценю попытки докопаться до истины, но, может, оставим расследование компетентным органам? Давайте все дружно соберемся и поедем домой.

— Я только за, — кивнул Ярослав, — но тут вот такая вещь. Информации катастрофически мало, я не понимаю, откуда ждать беды. Если все, что говорит Изга верно, то домой Ирине Карловне нельзя. Пока не найден заказчик, покушения на жизнь могут повториться в любой момент.

— Дельная мысль, — банкир тоже отодвинулся от стола и вытянул длинные ноги. — Я могу спрятать её как минимум в двух местах: у родителей Натальи и в загородном доме моего отца. Охрану выставить не проблема, питание, комфорт, нужная степень секретности — все будет. Но как я понимаю, без признаний непосредственного исполнителя найти заказчика будет сложно.

— Совершенно верно, — медленно и раздельно ответил Ярослав.

Шаман задумался. На такую серьезную операцию он не рассчитывал. Надеялся, что обойдется вооруженной охраной, но сам же себя загнал в ловушку. Пока он сидит в избе Азыкгая, у исполнителя нет ни единого шанса его найти. А погреб, даже такой щедрый как у учителя, даже с сухпайками гостей, шестерых человек долго не прокормит. Нужно или всем уезжать, подставляясь под козни Оюны и под выстрелы. Или убрать хотя бы одну угрозу прямо сейчас.

— Я не все рассказал о нападении, — начал Изга. — Трое наемников приехали в деревню и связались с председателем. Там же они нашли проводника и настояли, чтобы он ночью повез их ко мне, не смотря на буран. Олег согласился. О том, что он поехал, мне сообщил председатель. Итого я знаю двух человек, кому могу позвонить и якобы

случайно слить свое местонахождение. Здесь недалеко еще один дом. Зброшенный. Мы можем устроить там засаду.

Ярослав сдержанно кивнул, а Сергей нахмурился:

— На живца ловить будешь? На Ирину?

— На себя. Она останется здесь вместе с тобой.

— Насколько большой дом? — включился силовик. — Хозяйственные постройки есть? Дорога?

— Подожди, пожалуйста, — попросил его банкир. — Десять минут, хорошо? Изга, на два слова.

Удивительно, но возражений от Ярослава не прозвучало.

Лампочка в сенцах горела ярко. Жаль, что тепла не давала. Шаман машинально набросил на плечи тулуп, а Сергей взялся за куртку.

— Ярослав, конечно, профессиональный параноик, — начал он, — но мне теперь тоже кажется, что ты недоговариваешь. Просто так в погреб от каждого шороха не лезут и на амбразуру грудью не бросаются. Говори уже прямо. Как есть. Всех духов перечисляй вместе с их проделками. Я готов поверить во все, что угодно. Знаешь, после Индиса у меня до сих пор ухо иногда закладывает, а вокруг тебя ребята должны серьезные крутиться.

Изга выдохнул и плотнее запахнул тулуп на груди. Сергей поверит. Он привык относиться к духам, как к живым людям, и ревность Оюны поймет. Но был и другой момент.

— Ты не сможешь помочь в тех вопросах, я должен сам. Смерти Ирине желает не только заказчик крушения вертолета, но и местный дух-хранитель. Её Оюна зовут. Возможностей у нее, сразу скажу, больше, чем у Индиса. Я сделаю все амулеты, какие смогу и поставлю защиту на избу. Остаься, пожалуйста, там вместе с Ириной. И если вдруг почувствуешь, что она не в себе — держи изо всех сил и не дай совершить глупость.

Рядом еще Азыкгай будет. Конечно, попробует чем-то помочь, но Оюна не демон, её из тела ритуалом не изгнать. Иногда держать — надежнее всего.

— Я понял, — глухо ответил Сергей. — Все сделаю.

Боец, отправленный на разведку, вернулся через полчаса и доложил, что никого не встретил. Зброшенный дом, где собирались устроить засаду, нашел самостоятельно.

— Да видно его со всех сторон, — бурчал белобрысый парень, прихлебывая чай из кружки. — Холм вокруг него лысый, даже дверь не замело. Я сунулся внутрь, любопытство заело, и скажу вам, на заброшенный он походит мало. Да, на полу толстый слой пыли, но следы свежие. Отчетливые такие отпечатки.

— Кто-то ходил, — озвучил очевидную мысль Ярослав. — Совсем недавно.

— Нас искали, — кивнул Изга. — Надо же, как далеко забрались.

Странно, что до жилища Азыкгая не дошли. Оюна за ум взялась? Или те, кто искал шамана, не представляли для него опасности?

— А ты уверен? Хозяина у дома точно нет?

— Умер хозяин. Родственники что хотели, из дома давно забрали. Продать его не смогли. Кому он нужен в такой глуши? Вот и бросили, чтобы сгнил.

— Да уж, — сморщился Конт. — Ну и отношение у вас к недвижимости.

— Земля копеечная, — подхватил Ярослав. — О чем говорить, если её гектарами раздают, лишь бы осваивали. Да и дом наверняка не особняк в тысячу квадратов.

— Многим хватает, — отрезал шаман. — Ясно все с домом. Если один раз проверили и никого не нашли, то во второй раз не пойдут. Можем выдвигаться и обустраивать засаду. Осталось придумать причину для звонка Модуну. Если я просто так скажу, где спрятался, он передаст наемникам и те сразу заподозрят ловушку.

— Обязательно, — подтвердил Ярослав. — Причина должна быть такой, чтобы перевешивала риск быть обнаруженным.

— Еда кончилась? — предложил Конт. — Топливо для системы отопления?

— Дров полно, а вот еда уже ближе.

Мужчины синхронно замолчали и задумались. Догадки приходили быстро, соблазн схватиться за любую из них был велик, но ошибаться нельзя.

— За едой я мог на другую точку пойти, — пробормотал Изга. — Южнее моего дома есть охотничья заимка. Вот здесь, — шаман нарисовал значок на импровизированной карте. Сделали ее быстро. Вырвали из тетради листок в клетку, открыли навигатор в телефоне Сергея и перенесли основные ориентиры. Получилось, конечно, не с топографической точностью, но для планирования хватало. — В том доме оставляют воду, дрова и консервы про запас. Договоренность такая, традиция. Если кто-то из охотников застрянет здесь без транспорта и возможности быстро вернуться домой, чтобы не сдох от голода.

— Толково, — отозвался Ярослав. — В деревне все об этом знают?

— Да. Здесь каждый дом на счету. Уж слишком их мало.

Изга замер на середине фразы. Идея, как дорога, начала выстилаться под ногами. Каменистая, рискованная, не слишком надежная, но, кажется, единственная.

— Давайте звонить, — шаман потянулся за телефоном. — Я придумал, что сказать, но сначала нужно узнать обстановку. Пока нас не было, случиться в деревне могло что угодно. И тогда моя идея или пригодится, или пойдет в корзину.

- Импровизировать собираешься? — прищурился Ярослав.

— Возражаешь?

Он возражал. Грудная клетка раскрыла на вдохе, наполняясь воздухом. Изга почти чувствовал, как в груди у силовика становится тесно от гневной отповеди. «Не профессионально! Мы здесь не в игрушки играем! Так дела не делаются!» и все то, что уже срывалось с языка. Но на рожон Ярослав не полез. Медленно выдохнул и уцепился за мочку уха.

— Давай. Ты здесь местный и осведомленный. Но если почувствуешь, что разговор идет не туда, то бросай трубку. Лучше так. Выключим телефон и будем дальше думать.

— Согласен, — сдержанно улыбнулся шаман.

Жаль, что Оюна не умеет или не хочет вот так убирать эмоции и включать разум. А ей это нужно гораздо больше, чем людям. Но с духом-хранителем местности шаман еще поговорит. Сейчас нужен Модун.

Симкарту взяли у одного из ребят Конта, телефон у самого банкира. На громкую связь решили не включать. Слишком специфичный от неё шум, можно догадаться, что рядом еще кто-то стоит и слушает. Номер председателя Изга наизусть не знал, помог Азыкгай. Старый шаман не доверял электронным устройствам и все контакты, которые ему когда-либо сообщал ученик, аккуратно записывал в блокнот. «Модун, — значилось ровным почерком на одной из страниц. — Председатель сельсовета. «Ленинское».

Муж Сандары тоже был в списке пятью строчками ниже. «Снегоход. Спросить Олега».

— Слушаю, — после пятого гудка ответил председатель.

— Модун? Изга беспокоит. Я с чужого номера, не удивляйся. День добрый.

— Добрый, — отозвался он и в трубке громко заскрипело. Кожаное кресло, видимо, с высокой спинкой. В кабинете сидел глава сельсовета. — Чтоб мне до пенсии не дожить, Изга! Живой! А мы тебя хоронить собрались. Рыскаем тут по тайге, труп твой ищем.

— Лихо, — выдохнул шаман.

— Забористо. Тебе все рассказывать или ты что-то знаешь?

— Вообще не в курсе. Как уехал, так без связи. В первый раз телефон включил. Что с Олегом? Где Сандара?

— Жив он, — усмехнулся Модун. — И Сандара в порядке. Что там было — бразильские сериалы нервно курят. Я пересказ жены слушал, открыв рот.

Громкость динамика шаман поставил на полную. Еще и убрал телефон от уха, чтобы сидящие рядом лучше разбирали слова. Ярослав взял тетрадь и приготовился записывать, Сергей облокотился на стол. На фоне их сосредоточенных лиц мальчишка-разведчик сиял радостным энтузиазмом. Маленькое шоу в стиле «Дом-2», ага.

Сейчас начнется.

— Сандара как от тебя вернулась, на развод решила подать, — без предисловий огорошил Модун. — Позвонила мужу, так ему мол и так, мы с тобой разные люди, нужно расстаться. Он, ясен красен, заявил, что хрен ей, а не развод. «Ишь чего удумала, ненормальная баба. Сейчас приеду, разберемся». Бросил работу, сел на снежник и рванул домой. В дом зашел, она вся в слезах. Он ей опять: «хрен тебе, а не развод. В чем дело?» Та и призналась. Люблю, говорит, шамана, жить без него не могу.

«Тебя, что ли?» — взглядом спросил Конт.

«Меня», — прикрыл глаза Изга.

Белобрысый мальчишка веселился. И ведь ни в чем не упрекнешь. Со стороны любая семейная трагедия кажется глупостью. Два взрослых человека ерундой маются вместо того, чтобы просто жить вместе.

— Олег расвирепел, — продолжил председатель. — А кто бы на его месте нет? «Доходилась, значит, долечилась! Беременная от него пришла? Отвечай! Ты поэтому развод хочешь?» «А если и так? — спросила Сандара. — Что тогда?» Он ей в воспитательных целях и врезал. А потом еще раз, когда разрыдалась и сказала, что ничего не было. Моя жена тут взвилась, слюной брызгала, но правоту Олега признала. А нечего было по другим мужикам шляться и типо лечиться.

Изга болезненно морщился и тер пальцем переносицу. Не изживет, наверное, деревня, рукоприкладство никогда. Но в такие моменты особенно верилось в сохранение баланса. Олег в тот же день получил свой удар обратно. Шаман помнил, как его обмякшее тело оседало на пол избы.

— Сандара, дура, продолжила рыдать. «Я все равно от тебя уйду». «А я, — сказал Олег, — ноги тебе за это вырву». До такого, конечно, не дошло. Он её запер в кладовке, а потом пошел ко мне на консультацию. Как бы отследить и завернуть заявление на развод и вправить непутевой бабе мозги. А я чем ему помогу? Раньше было, что председатель женил и разводил, но уже давно нет. Пока мы разговаривали, пришлые ребя явились. Спрашивали про залетную гостью с красными волосами, а дальше ты знаешь.

— Да, — ответил Изга, — вплоть до момента, когда уехал из дома на снегоходе Олега. — Дальше что было?

Затягивался рассказ, но слушатели не возражали. Ярослав оживился, когда речь пошла о более поздних событиях.

— Погоди, — рассмеялся Модун, — какой ты шустрый. Тут сериальная эпопея достойная «Рабыни Изауры» уже со слов Олега. Гости ему денег пообещали, повез он их к тебе, рассчитывая убить двух зайцев. Семейный бюджет поправить и по-мужски разобраться с несостоявшимся любовником жены. Чтобы неповадно было на чужое заглядываться и лапшу на уши доверчивым бабам развешивать. А когда пришлый оружие достал и двери

в твоём доме начал выносить, Олег струсил. Гости рассказывали, что ту красноволосую женщину ищут, потому что она им денег должна. Посулили долю от того, что с неё стрясут. А здесь уже разбой получался и мокрухой пахло. Оно кому-нибудь надо? Оно никому не надо.

Поздно Олег догадался, да и Модун не остановил. Хоть и позвонил шаману, чтобы предупредить.

— Сильно мне дом разнесли?

— Терпимо. В доме входная дверь нормально закрылась, а в избе заколотили. Гастролеров от тебя забрали и заколотили. Олег когда очнулся, пришлый его трести начал: «Где красная баба? Куда её шаман на снегоходе увез?» Да некуда ехать-то было ночью в буран. Олег соображал плохо. Сказал, что в деревню и снова отключился. Там тебя и караулили два оставшихся пришлых. До утра терпели, потом искать начали. Несколько раз по маршруту туда-сюда проехали, нет никого. Заблудились, значит, замерзли. Нужно ждать, пока буран кончится и тайгу прочесывать, трупы искать. Мужики уж очень настаивали, что у красноволосой при себе деньги. Вынь её и положи хоть живую, хоть мертвую.

Труп Ирины им был нужен, все верно. Затем и ехали, чтобы предоставить потом заказчику фотоотчет. Сохранялась маленькая вероятность того, что шаман мог увезти на снегоходе другую женщину. Один раз наемники уже понадеялись на случай, второй раз подобное допустить нельзя.

— Сандара-то сколько в кладовке в итоге сидела?

— Надо же, не забыл, — хмыкнул Модун. — А вот муж её забыл. Только днем признался, когда фельдшер в ФАПе начал спрашивать, почему благоверная навестить не примчалась? Сутки она взаперти просидела. Ничего. Ей полезно. Подумала, все осознала. А как мужа своего с перебинтованной головой увидела, так на шею ему и бросилась. «Бедненький, родненький, кто же тебя так?» Идиллия сейчас у них. Простили друг друга, живут душа в душу. Она ему супчики и котлетки три раза в день носит. Воркуют в палате, как голубки.

— Рад за них, — ответил Изга под сдержанные смешки слушателей. — Ко мне больше претензий нет?

— Олег пожалел, что ни разу кулаком до твоей рожи не дотянулся, мечтает забрать обратно снегоход, но вообще не в обиде. Все хорошо, что хорошо кончается. Так что можешь собирать вещички и возвращаться домой. Гостью свою тоже привози. Вчера или может раньше пришлые отчаялись её найти. Сегодня до вечера еще посмотрят два последних места, что им указали и домой.

Первой мыслью было — ритуал сработал. Метка побледнела как раз в тот момент, когда Ирина лишилась волос и связь с родом отца ослабла. Ничего сложного не понадобилось. Наемники действительно плюнули и перестали искать.

«Пусть едут?» — крупно написал Сергей на листе бумаги и поставил три вопросительных знака.

С одной стороны, да. Угроза миновала. А с другой, когда Ирина вернется в столицу, все начнется сначала. Изга колебался ровно два удара сердца, а потмо сказал то, что придумал раньше.

— Я один вернусь. Женщина, что была со мной, умерла. Она травму получила во время аварии, я пытался спасти, операцию сделал, но, когда мы ехали на снегоходе, внутреннее кровотечение возобновилось. И второй раз чудо уже не произошло. У меня бензин кончился и еда. Можешь послать кого-нибудь? Пусть нас заберут.

— Да не вопрос, — ответил Модун. — Жаль, конечно, что все зря, но как уж вышло. Заберем гостью, похороним или родственникам отдадим. А ты где?

— Зеленодольский дом.

— Так мы были там. Точно, кто-то же ездил.

— Разминулись со мной, значит, я до этого в охотничьей заимке прятался. Катался, в общем, туда-сюда, пока весь бензин не сжег.

— Понял я. Ладно, жди. Быстро не обещаю, сам понимаешь. Особый транспорт нужен.

— Потерплю.

— Все у тебя?

— Добро тогда. Хорошо, что позвонил. Все, давай, до связи.

Изга прекратил вызов, положил телефон на стол и поднял взгляд на Ярослава с Сергеем.

— Лихо, — процитировал его силовик. — Продуманно.

— А они точно сюда поедут? — спросил Конт. — Наемники я имею в виду.

— Да, — вместо шамана ответил Ярослав. — Им нужно убедиться, что им не врут и не прячут таким образом Ирину Карловну.

Изга кивнул, подтверждая. А сам смотрел поверх головы белобрысого разведчика, чье имя так и не узнал. Там ярким прожектором горела метка смерти.

Глава 20. Предназначение

Свежим деревом в бане не пахло, хоть старый шаман и строгал деревяшку. Я смотрела на морщинистые пальцы, неловко карябающие заготовку туповатым ножом, тянула носом воздух, но ничего не чувствовала. Сыром пахло сильнее. В армейском сухпайке он был желтым, очень жирным, но вкусным. Черт, да это был сыр, а не белесая ерунда, что продавалась в магазинах под яркими этикетками! Еще бы хлеба свежего, ароматного. Чтобы горячая корочка хрустела.

— Чиабатту хочу, — простонала я. — Умираю, как хочу.

— А это что?

Азыкгай спрашивал, не прекращая строгать. На мгновение поднимал глаза и снова возвращался к работе.

— Итальянский белый хлеб с твердой корочкой и крупными дырками в мякоти, как в сыре. У меня дома пекарня под боком. Утром они пекут булочки для кофе, а к обеду свежий хлеб. Выходишь из офиса на обед и возвращаешься с пышной чиабаттой.

— Нет у нас хлеба, — вздохнул Азыкгай. — Но можно испечь, дрожжи где-то были. Однако сдастся мне, ты сморщишься и скажешь: «Не то». Потому что ты не хлеба хочешь, а домой. Соскучилась?

— Да, — призналась я. — Периодически выходить из зоны комфорта классно и полезно. Испытываешь себя, узнаешь что-то новое, двигаешься вперед. Но когда вокруг сплошной дискомфорт, то это беда. Холод постоянный, одежды нет, косметики, элементарных мелочей. Я чай заваривала полчаса вместо пяти минут! Воду из ведра набери, через кувшинный фильтр отфильтруй, в чайник залей, на плитку поставь, дождись, пока закипит. Какой-то черный мусор в заварник насыпь, залей кипятком, ситечко найди, в заварник воткни, сообрази, что не втыкается, найди другое ситечко, а то ведь пить невозможно, одни чайники. А внутри уже так крепко заварилось, что желудок сводит. Кипятком в кружке разбавь, сахар найди.

— Целый подвиг, ага, — рассмеялся Азыкгай. — Это ты еще посуду в тазике не мыла и белье не стирала.

— Бытовой ад, — грустно согласилась я и добавила: — Я только поэтому хочу домой. К привычному. Туда, где я все знаю, умею и не чувствую себя криворукой бестолочью.

— Ты не бестолочь, — успокоил шаман. — Тебя просто задержали и запутали, но это пройдет. Потерпи недельку, мозги на место встанут. С Оюной Георгий разберется, Иннаар притихнет. Снова будешь чувствовать себя нормальным, здравомыслящим человеком.

Я поджала губы и кивнула. Не хотелось обсуждать проблему глубже. Бытовой ад в списке вещей, сводящих с ума, стоял на одном из последних мест. Да я за жизнь свою меньше переживала, чем думала о том, что сказал Изга утром в бане. Родственные души, связанные судьбы, люди, предназначенные друг другу. Сейчас мужчины закончат военный совет, разберутся с наемниками и Конт предложит подбросить меня до Якутска, а то и сразу в столицу. Что я ему отвечу? «Да, конечно, пойдём, только сумку с документами поищу в доме Изги»? Или «Нет, к черту всю мою прежнюю жизнь, Вселенная выдала мне единственного предназначенного мне мужчину. Я должна остаться и родить ему ребенка»?

Несколько часов назад меня вдохновляла эта мысль сама по себе или потому что Иннаар толкал на светлую сторону?

Да уж. Азыкгай прав, мозги набекрень.

— Он ведь не поедет за мной в столицу, правда? — спросила я, почти не чувствуя, что звуки складываются в слова. Голос казался чужим. Никогда ни с кем не обсуждала свою личную жизнь, но с Азыкгаем, наверное, можно. Он Георгию как отец. Учитель, духовный наставник. Мапочки, как назвать правильно?

— Поедет, — ответил старый шаман. — Хочешь верь, хочешь нет, бросит все, продаст дом, повесит бубен на плечо и поедет.

— Из-за предназначения? Потому что наши души связаны?

— Рассказал все-таки, — улыбнулся Азыкгай и отложил будущий амулет в сторону. — То-то я смотрю, ты смурная весь день. Сердечко ёкает, котелок перегревается. Думаешь, не обманули ли тебя? Дар не врет. Те, кому дано видеть не врут. Могут промолчать и то лишь затем, чтобы не менять реальность еще больше. А Георгию особенно осторожным следует быть. Кому многое дано, с того и спрос большой. Но ты не переживай. Он с тобой не потому что кому-то там, — старый шаман поднял глаза к потолку, — так надо. Да, он умеет делать то, что должен. Я знаю. Видел. Но с тобой он по-другому. Нет-нет, совсем по-другому. Нешто не чувствуешь? Сердцем он к тебе тянется, а не головой. Нутром своим, духом.

Азыкгай снова взял деревяшку. Уже достаточно снял стружки, чтобы голова медведя появилась. Косматая, мордастая, но добрая. Я понимала, о чем он говорил. Сама тянулась к Георгию и мечтала о счастье. Верила в него, как маленькая девочка верит в чудо. В Деда Мороза, зубную фею, домового, Бабу-Ягу. Во все сразу, потому что её мир — сказка и он прекрасен.

— Но всегда есть «но», — сказала я и задержала дыхание.

Во взрослой жизни по-другому не бывает. Сказка заканчивается в полночь. Бьют старые часы, лакеи становятся мышами, а карета превращается в тыкву.

— Да забудь про него, — махнул ножом Азыкгай. — Говорить с духами можно где угодно. Мир большой. Да, в столице сложнее. Тамлюдно, шумно и слишком много всего, от чего шаманы уезжают в тайгу.

— Это сейчас с сарказмом прозвучало? — напряглась я.

Старый шаман не поднимал взгляд и методично вырисовывал лезвием мех на зашивке медведя-амулета.

— Я хочу знать правду, — сжала я кулаки на столе. — Почему Георгию нельзя в столицу?

— Можно, — пожал плечами Азыкгай, — кто ж ему запретит? Я говорю только, что сложно будет. Силу растеряет, ею нгде будет подпитываться. А коли сила угаснет, то и не камлать ему, как прежде. Эрлик отвернется, небесные врата закроются.

— Это страшно?

— Обидно. Такие шаманы, как он, раз в несколько сотен лет рождаются. По его дару место Георгию рядом с богами. Слышала о князе шаманов? Он пребывает в западной части неба и принадлежит к роду Эрлика. Когда-то он был человеком. Шаманом с намского улуса, ботиюнского нослега, из рода Чаки. Его почитают наравне с богами и приносят ему жертвы. Георгию суждено стать сильнее, чем он. Я знаю, я видел.

Еще одно предназначение. То, о чем исписан не один лист в ежедневниках с простыми черными обложками. Изга сам признался, что он «тот, кого ведут».

— Его туда ведут? — тихо спросила я.

— Да. И силой вернут из столицы, когда придет срок. Если он сам раньше не уедет. Он не сможет там. Вам понадобятся деньги. Много денег. Платить за квартиру, ездить на море, есть на обед хрустящую чабатту из пекарни. На машину, на вторую машину, на большой дом.

— У меня квартира есть, — перебила я. — Маленькая, но своя. Студия на тридцать пятом этаже. Одно окно, зато какое. За ним лоджия с панорамным остеклением и ночной город. Так высоко, что огни горят, как звезды в небе. Если продать квартиру, то нам хватит...

— Ненадолго, — покачал головой Азыкгай. — Денег всегда не хватает. Георгий больше не пойдет лечить, его просто не пустят к столу. Много времени прошло. Теперь только в

поликлинику консультировать на дополнительной диспансеризации пациентов с геморроем. Что делать? Камлать к духам за деньги? Обряды проводить для богатых друзей твоего отца? Да, он сейчас именно так и живет. Но когда денег не нужно много, то можно выбирать, с кем работать. Не отказывать просителям, у нас не принято, но ставить такую цену, чтобы сами уходили. Ира, он не продавец, не работяга и не бизнесмен. Он — шаман. И место его здесь.

«А моё где?» — хотела спросить я, но промолчала.

Ясно стало, что пытался донести до меня Азыкгай. Если я не конченная эгоистка, то не Георгия нужно тащить за собой, а оставаться здесь. Не ломать ему жизнь, не сбивать с предназначения. Но выходило так, что жизнь ломали мне. Я жертвовала всем, что у меня есть. Работой, квартирой, деньгами, вещами, наследством отца. Своей возможностью реализоваться, наконец. Мне предлагали узкую тропинку с судьбой матери детей нового князя шаманов и ни одного шага не разрешали сделать в сторону.

«Я не готова, — почти повторила я вслух то, что сказала Изге утром. — Мне нужно подумать».

Но тут открылась дверь, и на пороге предбанника появился Сергей Конт.

— Я тут принес кое-что, — он достал из-за пазухи свернутую в несколько раз тряпицу. — Изга передал заготовки для амулетов. Сказал, пока их трогать можно.

— Давай сюда, — махнул рукой старый шаман. — Сейчас зарядим — будет нельзя. Все правильно. А сам он где?

Банкир морщился и подбирал слова. Чем дольше думал, тем сильнее у меня холодело в животе.

— На охоту пошел, — наконец, сказал Конт. — Вместе с Ярославом и его бойцами. Тут недалеко, скоро вернутся. Может, пару оленей подстрелят. Но лучше бы нет.

Азыкгай хмыкнул, сидя за столом и перебирая выструганные деревяшки. Любимые Изгой черепа. Я смотрела на тонкую работу и думала, что если у него наспех получалось вот так, то что же выходило из рук мастера, когда он сидел над амулетом неделями?

— Про оленей шутка, да?

— Конечно, — кивнул Конт, раздеваясь. — Мы люди мирные, когда не злые и не голодные.

Мне не нравились попытки банкира острить. Казалось, что за такой не очень уместной клоунадой он прячет нечто серьезное.

— Военный совет закончился решением идти на штурм? Они в деревню поехали?

— Нет, — выдохнул Сергей и сел на диван. — Говорю же, тут недалеко. Один заброшенный дом проверить нужно. Я сам попросил, чтобы меня оставили. Старею. Подустал по сугробам на снегоходе прыгать. Да и места мне там не нашлось. Полный комплект: два водителя и два пассажира.

Разворотом плеч высокий Конт уступал только Изге. Спортивную фигуру и все еще плоский не смотря на женитьбу живот, обтягивающий свитер не скрывал, а подчеркивал. Так и хотелось скептически хмыкнуть на «устал».

— Ты меня за дуру держишь?

— А тебе легче будет, если панику разведу? Сидим, ждем. Когда закончат — сразу вернутся. Может, ответы привезут и все закончится.

Наверное, мне стоило обидеться на классическое «угомонись, женщина, без тебя разберутся», но я промолчала. Моя истерика точно никому не поможет. Да и не было её, я тоже устала. Батарейка кончилась. Я достигла предела, за которым удивляться, дергаться и куда-то бежать уже невозможно. Вязкая заторможенность, полное отупение. Так я себя в последний раз чувствовала, когда вышла из кабинета репродуктолога с

окончательным диагнозом. Мне уже больше ничего не было нужно.

— Вот прям без ножа режешь, — пробормотала я банкиру. — Ты хоть представляешь, что такое «ждать» в нашей ситуации?

— Отчетливо, — кивнул Конт. — Поэтому и принес амулеты. Азыкгай, я в прошлый раз танец с бубном пропустил, когда Изга моей жене помогал. Можно мне сейчас, если не поприсутствовать, то хотя бы издалека посмотреть?

— Можно, отчего нет? — согласился старый шаман. — Только мы на улицу пойдем. Я буду «ставить» амулеты на дом. Камлать к духам, чтобы встали на защиту жилища и всех, кто будет там находится. Ирине поручу амулеты вешать, прибивать и закапывать. Заряженные, коль для нее сделаны, то только ей трогать и разрешается. А ты в сторонке постоишь, дозорным послужишь. Мало ли зверь какой из леса выйдет. Карабин мой удержишь?

— Покажешь как — удержу.

— Добро, — ответил Азыкгай. — А пока, дети мои, чаю хоть сделайте и развлеките старика разговорами. А то пальцы совсем не гнутся, да и скучно. Сидим, как на поминках.

— Не накаркайте, пожалуйста, — вежливо попросила я и пошла за чайником.

Единственная причина, по которой на избу Азыкгая могли выйти медведи-шатуны или голодные волки, звалась духом-хранителем и по уму, должна была защищать, а не вредить. Но моя война разворачивалась на два фронта. С одной стороны наемные убийцы, а с другой злая Оюна. Утром она бросилась в атаку, когда Изга ушел, и теперь ничего не мешало поступить так же.

Что ж Сергею-то амулетов не досталось? У меня хотя бы Иннаар на страже стоял, а сын столичного банкира перед призрачной стервой совершенно беззащитен. Карабин ей — что слону щекотка. Извернется и заставит Конта вместо медведя меня пристрелить.

Или Георгию навредит. Скажет: «Так не доставайся же ты никому», и толкнет одного из наемником под руку. Много ли надо? Одной случайной пули хватит. Игры с судьбой, предназначение, семья наша с маленькой дочкой — все полетит к черту. Все исчезнет.

Крышка с чайника уже второй раз падала. Плотно не сидела, явно от чего-то другого осталась. Я включила плитку и зачем-то потрогала спираль. Руки затряслись, зубы застучали. Крышка упала снова и я выматерилась.

— Ира, — тихо позвал банкир, вырастая черной тенью за спиной. — Давай помогу. Иди садись.

— Сама справлюсь.

— Ирина Карловна, — он осторожно сжал мое плечо и дыханием расшевелил красный пушок волос на затылке. — Дрожишь вся. Ну, чего ты? Обойдется. Изга тот еще мастер по чудесам, он знает, что делает. Ирина...

Я не пыталась отстраниться, просто дернула плечом, и вдруг раздражение распрямилось пружиной в груди.

— Не нужно меня утешать! Я сказала, сама справлюсь! У меня стальные яйца, как у мужика, ты не знаешь?! Я не баба, я кремень. Железная леди, бездушная стерва. Отпусти! Отпусти, я сказала!

Не везло мне на тех, кто рядом, сильные все. Конт рывком развернул к себе и крепко обнял. Я уткнулась носом в пропахший парфюмом свитер. Сначала просто трясло, а потом слезы растеклись под закрытыми веками и хлынули наружу.

Я не могу сдаться, я со всем справлюсь. Сейчас поплачу немного и успокоюсь. Сейчас.

Конт медленно гладил по голове и шептал что-то ласковое над ухом.

Зачем Изга туда пошел? Почему ему дома не сиделось?

«Георгий, — беззвучно просила я, — Только под пули не лезь. Умоляю, не лезь. Все решим, все у нас будет. Вернись, пожалуйста».

Бойцам Ярослава представили шамана как проводника, и он действительно всю дорогу подсказывал, куда ехать. Наизусть по ориентирам помнил, ждать помощи от Оюны сейчас было глупо.

Оружие далеко не убирали. Из-за того, что задержались в избе с амулетами, сохранялась опасность приехать на место уже после наемников. И тогда либо получить засаду, либо наткнуться на опустевший дом со свежими следами в пыли. Ярослав ворчал на задержку, но Изга не обращал внимания. Нет смысла разбираться с наемниками, если за время их отсутствия Оюна убьет Ирину. Отвечать на вопрос, зачем шаман строгаёт деревяшки, тоже не пришлось. Прозвучало железное «так надо» от Конта и силовик притих. Не его это дело, верно.

Дом вырос темным пятном на фоне белого снега и рыже-зеленых стволов сосен. Строения без хозяев быстро ветшают. Словно теряют душу. В тайге не нашлось мародеров, чтобы выбить окна и разграбить оставшееся, но бывшее жилище все равно неуловимо и очень тонко казалось мертвым.

Дверь пришлось толкать бедром. Заклинило. Внутри никаких запахов не ощущалось, разве что немного старого дерева и гари. Ветер приносил из трубы Азыкгая и костров охотников? Близко все. Как же странно, что поисковые группы из деревни Ирину с Изгой не нашли.

Шаман молча отмахнулся от проблемы. Хватит с него других загадок и забот. Ярослав вполголоса приказывал бойцам занять позиции. Одного-двух слов хватало, чтобы они понимали. Дом — «пятистенок», всего две комнаты. В середине стояла печь, по левую сторону от неё кухня, а по правую спальня. Из мебели остался только стол с облупившейся полировкой и панцирная кровать. Спрятаться особо негде.

— Плохо, — ворчал Ярослав. — Хотя зачем нам декорации? Не спектакль же играть будем.

В избе на совещании прорабатывалась идея с тем, чтобы поставить две табуретки, положить на них снятую с петель дверь и замаскировать белобрысого разведчика под труп Ирины. Белой простыней накрыть, чтобы соблюсти рассказанную Модуну легенду и не с порога хвататься за оружие, а пообщаться немного с гостями. Но от идеи быстро отказались. Второй боец высказал мысль, что наемники едут в том числе зачистить шамана. Ирина «умерла» правильной, ненасильственной смертью, но живой свидетель вооруженного нападения на неё мог в глазах старшего Римана переqualифицировать несчастный случай в покушение на убийство. Тогда бы отец носом землю рыл, лишь бы найти заказчика. А заказчику это совсем не нужно.

— Дверь с ноги выбьют и стрелять в Изгу будут, — предположил боец с позывным «Беркут». — Не годится так рисковать.

С ним согласились, и теперь разведчик с шаманом решили укрыться в спальне, Беркута отправили на улицу, а Ярослав поставил стол за печку.

— Здесь буду, от входной двери меня сразу не заметят. Стрелять, не разобравшись, кто такой, тоже не будут. Все по местам, ждем.

Долго сидеть в промерзшем доме оказалось сложно. Не торопились наемники на встречу. Или просто заблудились и никак не могли найти укрытие шамана? Ярослав специально забросил дрова в печку, чтобы дымом привлечь внимание. Жаль, что тепла они давали мало. Разведчик согревал дыханием пальцы, разминал ноги, Изга же молча ходил по комнате. Наконец, у Ярослава в кухне заиграл телефон. Беркут заметил наемников.

— Хвала богам сотовой связи, — улыбнулся разведчик. — В такой глуши сигнал есть, а у меня в деревне через пень-колоду.

— У тебя знакомых связистов нет, — поддержал ответной улыбкой шаман. — Но и связь

здесь немного не та, к какой ты привык.

— Спутниковая, что ли?

Договорить не смогли, Ярослав несколько раз ударил кулаком в стену. Всё, тишина.

В тайге звук работающего мотора и шорох гусениц снегохода слышится громче скрипа пенопласта по стеклу. На другом транспорте сюда не проехать. Никто не знает, что такое расчищенная бульдозером дорога. Даже от Якутска до других городов только зимники. Накатанные и утрамбованные.

Изга цеплялся за рукоять бесполезного сейчас пистолета, но уверенности оружие не придавало. Стрелять не хотелось. Бывший хирург слишком хорошо знал, сколько бед в человеческом теле способна натворить изготовленная на заводе пуля. Раздробленные кости, разорванные ткани.

Метка над головой разведчика иногда мерцала, но большую часть времени горела ярко. Если получится его спасти — хорошо. Если нет, то главное, не подставить под пули еще кого-нибудь.

Нужно сосредоточиться. Успокоиться и перестать думать обо всем подряд. Снегоход шумел за стеной или это галлюцинация?

Тяжелые ботинки застучали каблуками по деревянным ступеням крыльца, дверь тихо скрипнула.

— Чем обязан, господа? — издевательски вежливо спросил Ярослав.

Наемники не ждали засады, но и лезть с головой в петлю не спешили. Дверь снова скрипнула, послышались шаги, возня, шум борьбы. Где-то за их спинами притаился Беркут. Двое на двое, должно хватить. Первый выстрел почти оглушил. Изга инстинктивно пригнул голову. Разведчик дернулся ближе к двери. Слишком поспешно, без приказа.

— Стоять! — крикнул Ярослав и прогремел второй выстрел.

Он собирался стрелять по ногам, иначе допрашивать будет некого. Время разделилось на мгновения и гулко стучало в висках.

За стеной кто-то громко матерился. Прозвучал третий выстрел и стон.

— Держи! Уйдет! Свисток!

Разведчик выбил плечом дверь, Изга не успел остановить его. С улицы ударил холодный воздух, запахло металлом.

«Все побежали, и я побежал», — одернул себя шаман, но поздно. Уже стоял в кухне. На полу, раскинув руки, лежал первый мертвец. В воздухе таяла метка. Что их смутило? Почему ни слова не сказали? Зачем так?

Три выстрела и только один в цель. Значит, остальные на ногах. Надолго ли? Что происходило, в окно не разглядеть. «Ты не боец, — стучало в голове. — Судьбу не изменить». И что теперь? Ждать развязку и констатировать смерть? Еще один выстрел и громкий крик не оставили выбора. Шаман снял пистолет с предохранителя и вышел из дома.

Потерять их на снегу было невозможно. Четыре черных силуэта. Ярослав прессовал наемника. Сидел на нем верхом и выкручивал руки за спину. Беркут пытался прыгать на одной ноге, а чуть в стороне, завалившись на бок, угасал раненный разведчик. Метка плавилась от энергии, но никуда не исчезала. Еще можно, еще есть время.

Шаман больше не думал. Краем уха зацепил окрик: «Изга, помоги», но уже бежал быстрее Беркута. Разведчик жив!

Ему досталась одна пуля. Он хрипел, зажимая рану на животе. Кровь пропитывала куртку, лишь слегка пачкая пальцы. Все пошло не по плану. Наемники, едва увидев

Ярослава, бросились бежать. Чтобы их остановить, понадобились все.

— Братан, — позвал из-за спины шамана Беркут. — Свисток, жив?

— Жив, — ответил вместо него Изга. — Сам как?

— Икра. Навылет.

— Давай тоже в дом.

— Я помогу.

— Нет.

Летом бы раненого никто не трогал, не рисковал, а сейчас нельзя. Изга взял его за куртку и потащил прямо по снегу.

Глава 21. Допрос

Парнишку устроили на кровати. Его корежило от боли, он выл и метался. Изга хотел осмотреть рану, но понял, что бесполезно. Без укола не обойтись. Лишь бы Азыкгай не опустошил аптечку. Шаман взял её из избы, даже не проверив. Перевязочный материал был, необходимый минимум и ладно.

Мертвого наемника столкнули с крыльца в снег. Живой матерился в кухне. Отчетливо слышались удары в челюсть и короткие приказы Ярослава:

— Заткнись! Тихо сиди! Тихо, я сказал!

Беркут возвращался медленнее всех. Упрямо прыгал на одной ноге, стоически терпел боль и не просил помощи. Изга не ждал такой же выдержки от мальчишки, но его страдания выматывали безысходностью. Нет ничего хуже, чем получить огнестрельное ранение в месте, где невозможно вовремя добраться до операционной.

— Как Свисток? — спросил Ярослав, заглянув в спальню. — До города дотянет?

— Не знаю, — пробормотал Изга чуть громче, чем шуршал упаковкой в аптечке. Разведчик уже не выл, а тихо скулил от злости, что боль не проходит.

— Перевязать сможешь?

— Я хирург — ответил шаман и обернулся. — Смогу.

Ярослав стоял бледный и нервно облизывал губы. Изга понимал, что силовика нельзя разорваться на части и хочется хоть немного переложить на кого-нибудь ответственность.

— Справляюсь, — повторил шаман, — только найду...

— Что?

— Морфий.

Три ампулы. Столько же, сколько и было год назад. В самый дальний угол аптечки закатились как назло. Ойуун не признавал других анальгетиков. Вообще не доверял «химии». Любую боль умело заговаривал, даже зубную. Но под рукой на всякий случай держал несколько ампул морфия. Бывает такая боль, над которой духи не властны. Самая последняя в жизни. Изга сломал головку ампулы и мысленно поклялся, что восстановит Азыкгаю запас. Плевать, кому ради этого придется звонить и чем рассчитывать.

Разведчик, увидев одноразовый шприц с препаратом, немного успокоился. Эффект плацебо срабатывал в том числе так. Едва понимаешь, что боль скоро закончится, как её сразу становится меньше. Но не настолько, чтобы улыбаться и танцевать. Разведчик шумно дышал носом и трясся в мелких судорогах. В бедро бы его уколоть без лишних церемоний, но такой слой одежды явно не проткнуть. Не май месяц на дворе.

— На бок перевернись, пожалуйста, — попросил шаман. — Осторожно только. Я помогу. Сначала ногу, потом руку.

Мальчишка застонал, но сделал, что просили. Крепкий парень, терпеливый. Ему бы немного помочь, а потом хоть на руках нести в больницу. Где там выходное пулевое отверстие?

Изга задрал куртку и приспустил штаны. Спина чистая.

— Зараза, — выцедил сквозь зубы Ярослав. — Где она там могла застрять? В кости?

Выбор не велик, но бывший хирург никогда не спешил с выводами и не делал прогнозов на пустом месте. Сначала инъекцию. Парень совсем измучился.

Да и Беркут тоже. Он тяжело проковылял от входной двери и выглянул из-за плеча Ярослава.

— Следи, — кивнул командир крошечного подразделения куда-то вглубь кухни.

— Угу, — мрачно ответил Беркут и исчез.

Разведчик дернулся от укола. Морфий действовал быстро. Свисток расслабился и закрыл глаза, но без его стонов стало совсем тяжело. Ярослав тенью качнулся от двери.

— Слушай, я дожму эту гниду. Он у меня кровью харкать будет, но все расскажет. И заказчика и всех подельников сдаст. Спаси пацана. Ты хирург, ты знаешь, что делать. Говори.

Все упиралось в «довезем или нет». Про скорую помощь лучше сразу забыть. Единственный УАЗик и тот в дороге пару раз сломается. Волокушу нужно делать из сосновых веток, как шаман делал для Ирины. И аккуратно тащить разведчика за снегоходом до дома Изги. Там инструменты, препараты и руки хирурга. Он ничего не имел против деревенского фельдшера, но сейчас лучше сам все сделает. Лишь бы довести.

— Как его зовут? Почему Свисток?

— В караул его первый раз поставили, а он свистел, как придурок, — беззлобно проворчал Ярослав. — Вот и приклеилось. Так-то его Андреем зовут.

— Хорошо. Андрей, я тебе баночку дам, в неё нужно помочиться.

Парень не сразу ответил. Обернулся на них, скосив рот на бок.

— Что прямо здесь?

— А, ну, девочку из себя не строй, — высказал ему Ярослав. — Давай, давай.

Изга хотел помочь, но разведчик сам потянулся к штанам. Стонал и морщился. Мочился как будто со страхом, что ему сейчас будет больно. Струя ударила с характерным звуком, запах пошел по комнате.

— Что там? — не выдержал Ярослав. — Это вообще зачем?

— Крови нет, — ответил шаман. — Мочевой пузырь целый. Уже неплохо, но пулю нужно достать. Поедем ко мне, там инструменты и операционная. Достану.

— Сколько у нас времени?

— Мало, но немного есть.

— Понял. Беркут! Иди, ногой займись и помоги, чем сможешь. Дальше я с нашим гостем сам разберусь.

Волокушу мастерили в четыре руки. Беркут с перебинтованной ногой и под морфием рьяно взялся помогать. Хорошо они подготовились, знали, куда едут. Топорик, веревка. Да и что делать, не пришлось особенно рассказывать. Беркут так вязал тонкие стволы молодых сосен, будто всю жизнь только этим и занимался.

— Вот здесь нужно перекладину сделать, — жестом показал Изга. — Андрея положим, он задницей упрется, чтобы не соскользнул в дороге.

— Угу, а здесь ногами. Я понял.

— Изга! — крикнул Ярослав из дома. — Иди, послушай. Тебе интересно будет.

— Иди, — кивнул Беркут. — Я закончу.

Дом уже прогрелся. Протопился теми дровами, что нашлись в сенцах. Верхнюю одежду мужчины сняли и развесили по гвоздям у входной двери. Наемник с разбитым в кровь лицом так и сидел, привязанный к ножкам стола.

— Повествуй, — приказал Ярослав, опираясь спиной на стену. — Как мне. С самого начала.

Наемник оказался щуплым юношей. Тот, кого убили, был выше, намного крупнее и старше. Оружие Ярослав держал на виду. Изга почему-то не сомневался, что если наемник снова бросится бежать, то и его пристрелят, не задумываясь.

— На работу нас послали, — медленно начал он. — Хозяин шефа вызвал и поставил задачу...

— Хозяина как зовут?

— Дорохов Павел Анатольевич.

— Не знаю такого, — покачал головой Изга. То, что мог услышать фамилию Риман, даже не подумал. Да и любую другую из тех, с кем был знаком или с кем работал.

— А шеф при нем кто?

— «Физики» мы. Группа физического воздействия. Долги выбиваем обычно, но поручения разными бывают. Никакой мокрухи, первый раз со мной такое. На легкие бабки повелся, уж больно много пообещали. Шеф персонально с каждым беседовал. В итоге четверо нас собралось.

— Четвертый — пилот вертолета, — пояснил Ярослав. — Со стороны пригласили. Мы с тобой оба не угадали. Задачу ему поставили забрать Ирину из Магадана и доставить не совсем туда, куда она хотела. Они специально все свободные билеты скупили, чтобы у неё выбора не осталось, каким транспортом добираться. Авария — чистая случайность. Никто не знал, что вертолет рухнет.

— Но убить её все равно собирались?

— Да и тихо закопать в лесу, чтобы пропала без вести. Её потому посадили на частный рейс и увели со стандартных маршрутов. Чтобы уж точно никто не знал, где искать.

Версия с наследником тоже полетела в бездну. Безвестно отсутствующей и фактически мертвой Ирину признают только через несколько лет. Зачем столько ждать?

— Я не понимаю, — признался Изга. — Зачем так тщательно прятать труп?

— А вот тут начинается самое интересное, — усмехнулся Ярослав. — Давай, соловушка, пой.

— Мы случайно узнали, — заговорил наемник. — Дочка хозяина подруге проболталась, когда с водителем ездила. Беременна она от Карла Римана. Срок маленький, будущий отец еще не знает. Ну мы и сложили два плюс два. Они ж все на наследстве повернуты, на бабках. Если дочь хозяина замуж выйдет и родит, то зачем ей Ирина? Делиться с ней? Ха-ха. Лучше её заранее грохнуть. Да так, чтобы пока безутешный папа её ищет, новый наследник медленно подрастал. Времени-то вагон. Если вот прямо сейчас просить наследство переписать — заподозрит. А лет через десять, когда про Ирину все забудут, оно естественно выйдет. Прозорливые такие все. Дальновидные.

— Более чем.

Изга потер пальцами глаза, качнул головой, словно пытаясь вытряхнуть из ушей воду, но ощущение реальности никак не возвращалось. Как нужно любить деньги, чтобы ради них убивать наследницу, которая еще никакой угрозы не представляет? Любовница Карла беременна, срок маленький. Ребенка еще как минимум нужно выносить. А если выкидыш? «Не беда, родит другого?» А Ирина уже мертвой будет. Ну, так, на всякий случай.

— Это версия, — предупредил Ярослав. — Доказательств у нашего гостя нет. Только домыслы на основе женских сплетен. Крайне ненадежный источник, скажу я тебе.

— Просто так Дорохов суетиться бы не стал, — возразил шаман. — Других внятных мотивов для убийства у него нет.

— Ты уверен?

— Нет, конечно. Но пусть с этим уже отец и дочь Риманы разбираются. Может, Ирина вспомнит, где перешла Дорохову дорогу и все окажется не настолько бредовым.

— Я и не такое слышал, — хмыкнул Ярослав. — И по ту сторону черты бедности, и по эту.

— Что-то еще?

— Нет, там бытовые подробности, вроде того, где её собирались встретить и куда отвезти. Свидетелей, увы, не богато. Фактически у нас есть только этот товарищ и гипотетически еще один.

— Да, кстати, их же трое было.

— Вот, — Ярослав помахал пальцем в воздухе и обернулся к наемнику. — Следующий номер нашего сегодняшнего концерта. Рассказывай дальше.

Наемник потерся щекой о плечо, убирая высыхающую кровь. Под кожей наливались гематомы, глаза заплывали. Изга посмотрел на целые, не сбитые костяшки пальцев Ярослава, и подумал, чем он мог его бить? Кастетом? Или какую-нибудь тряпицу на кулак наматывал?

— Мы уже домой собирались, — не спеша начал наемник. — Билеты купили, бензином заправились. Рейсы из-за нелетной погоды отложили, всё сдвинулось. Мы уже всерьез думали, не забухать ли, пока ждем? А тут шаман воскрес, председателю позвонил. Модун в дом пришел, где мы комнату сняли и с порога обрадовал, что должница все-таки мертва.

— Уж не обессудьте гости дорогие, а потчевать мне вас больше нечем, — вставил ремарку Ярослав.

— Типо того, — безразлично ответил наемник. — Вроде тем более повод выпить появился, задание само собой выполнилось. Мы прикинули, что заплатят нам меньше, но заплатят. Надо только шефу фото привезти. И еще прикинули, что пока неповоротливые якуты задницы растрясут, мы успеем десять раз съездить до трупа и вернуться.

— Третьего куда дели?

— В деревне он. Нас ждет. Снегоход — двухместная бандура, третьим там никак.

— Какой уговор был? сколько он вас ждать будет?

— Не было уговора, — наемник попытался поменять позу, старый рассохшийся стол жалобно заскрипел. — У меня мобильник уже раз пятнадцать бы позвонил, если бы ты его не выключил. Сюда поедет. Нас искать.

— Не поедет, — оборвал его Ярослав и потянулся за телефоном Конта, где в памяти остался нужный номер. — Звони, шаман, председателя предупреди. Меня он так не будет слушать, как тебя.

— Шаман, — протянул наемник, в упор разглядывая Изгу. — А мы старого сморщенного якута ждали. Такую же обезьяну, как остальные. Выходит, зря дергались, подозревая засаду. Хотя, в общем, не зря. Хрен просышь вас. Шаман, а рожка наша.

— Славянская, — пояснил Ярослав выпады недоделанного шовиниста, но Изга и так понял.

Наемники вошли в дом, ожидая увидеть кого-то вроде Азыкгая. Возможно, в полном облачении и с бубном в руках. А там Ярослав. Вот у них сразу в голове и щелкнуло, что засада. Синхронно у обоих. И силовик не смог предугадать подобного. Он-то был в курсе, как выглядит шаман с экзотическим именем Изга. В горнолыжном костюме — точно так же, как остальные бойцы из группы, приехавшей с Контом. «Ларчик просто открывался».

— Модун? — шаман снова набрал номер, и председатель так же бодро отозвался:

— Да-да?

— Дело у меня к тебе, поможешь?

Договорились быстро. С одним наемником было не так сложно справиться, как сразу с тремя. Модун пообещал напоить его и запереть где-нибудь в бане. Заодно передать, что снегоход у товарищей сломался, и скоро за ними поедут со спасательной экспедицией.

— Дальше что? — спросил Изга.

— Едем, — вытянул спину Ярослав. — Я этого красавца к сидению снегохода примотаю. Поперек, как добычу. Беркут возьмет транспорт гостей. Под морфием с управлением справится. А на тебе Свисток и третий снегоход. Снег глубокий, мы груженные, ехать в любом случае будем очень медленно. Почти ползком. По дороге в твой дом заберем Сергея и Ирину. Нечего им там больше делать

— Договорились, — кивнул шаман.

— Изга, — окликнул его Ярослав уже на пороге спальни. — Спасибо за морфий. И за все остальное. Я совсем по-другому о шаманах начал думать.

— Не за что, — отозвался он и мысленно добавил: — «Пока».

Метка смерти над головой Андрея «Свистка» продолжала мерцать. И неизвестно, как себя вела Оюна все это время.

Азыкгай монотонно стучал в бубен. Меня не цепляло звуком, не тащило вслед за ним в транс. Может, правда, Изга был каким-то особенно сильным или ученик с учителем просто по-разному делали одно и то же.

Банкир с охотничьим карабином наперевес патрулировал двор старого шамана. Мотылялся черной тенью вдоль забора и смотрел то в лес, то на небо. Погода портилась. До вечера далеко, а уже сумерки из-за сгустившихся туч. Оюна буран пригнала? Или специально для нас его собирала прямо сейчас? Как в сказке: по сусекам поскребла, по амбару помела, набрала проклятой сопернице на снежную могилку.

— Так что у тебя случилось с духом? — вполголоса спросил Конт.

Ему надоело ходить, рядом со мной встал. Азыкгай заканчивал заряжать последний амулет. Еще немного померзнем и в избу пойдем пить чай да разговоры разговаривать. Так почему бы здесь не начать?

— А ты согласишься, если признаюсь?

Единственный сын финансового магната смерил меня предельно колючим и серьезным взглядом. Фирменным. Таким, будто мы на переговорах и я только что поставила под сомнения его гарантии сделки. Мне кажется, искусство морального давления таким, как он, преподавали жутко дорогие репетиторы. Или оно проявлялось генетически. Как часть породы. Лицом Сергей действительно напоминал древне-римских патрициев. Весь такой высокородный и скульптурно-монументальный банкир.

— Да хватит уже впечатление производить, — улыбнулась я. — Звери задрожали, в обморок упали.

— Волки от испуга скушали друг друга, — подхватил он.

— А слониха вся дрожа так и села на ежа.

К концу цитаты мы смеялись оба. Он открыто, а я нервно. Но обстановка разрядилась и Конт объяснился:

— Ты вряд ли представляешь, насколько я глубоко в теме. Больше года назад я встретил девушку-медиума, пережил вместе с ней пакости от духов и в итоге мы поженились. Благодаря ей и, отчасти, Изге, я теперь отличаю надуманные проблемы с потусторонним миром от реальных. Ты на взводе с момента, как мы приехали, шаманы за амулеты взялись. Что за сила нам противостоит? Чего от неё ждать?

На жену-медиума, я, было, подняла удивленно брови, но быстро успокоилась. Стало

понятно, почему шаман и банкир вообще знакомы. И что однажды Сергей побывал в похожей ситуации.

— Её зовут Оюна, — ответила я, стараясь говорить громче, чем дул налетевший ветер. — Она здесь хозяйка, дух-хранитель местности. Мы не поделили с ней Изгу.

— Даже так?

— Понимаю, как это нелепо звучит, — поспешила я оправдаться, — даже по меркам тех, кто с духами знаком.

— Я о другом, — Конт встал ко мне еще ближе, чтобы ветер не уносил слова. — Что ж их всех тянет на живых? Знаешь, дух-помощник Натальи тоже решил, что имеет на нее право и другие мужчины ей не нужны. А тут я с цветами и ухаживаниями. Долго он бесновался: Наталью душил, меня в ухо бил.

— Прямо душил?

— Да. Брал под контроль её тело, устраивал паралич и она не могла вдохнуть. Потом Изга рассказал, что это не он. Кишка тонка. Другие вместо него развлекались.

— Демоны из нижнего мира?

— Ага, они.

Мне захотелось погладить его по плечу, и я решилась. Представить невозможно, что мир настолько тесен и многое в нем повторяется.

— А меня Оюна с ума чуть не свела. Хотела полуголую на мороз выгнать, и в тайгу увести, чтобы замерзла. Потому и амулеты ставят, и дух-защитник у меня тоже есть. Но хоть не душил. Если бы умела — не церемонилась.

До встречи с банкиром я бы точно не дожидая. Хотя и так приятного мало.

Конт вернул мне прикосновение, но по-своему. Обернулся на Азыкгаю и на мгновение крепко обнял.

— Держись. Если станет плохо или мысли появятся странные, говори мне, хорошо? *Mi sono fottuto questa cagna gelosa in bocca.*

— Что это значит?

— Тебе лучше не знать, — обворожительно улыбнулся Конт.

Снег пошел. Повалил так, что я снова, как в ночь побега, не видела дальше носа. Азыкгай угадывался в серо-белой дымке только по звуку бубна.

— Долго еще? — забеспокоился Конт.

— Будить от транса нельзя, — отрезала я. — Хуже будет. Я бы предложила пойти в избу, но страшно его здесь одного оставлять. Оюна буран прислала и еще что-нибудь может выкинуть. Я не знаю всех её возможностей, но если она решила меня известить, то сегодня, сейчас, последний шанс.

Банкир мрачно кивнул и потянул меня ближе к шаману. Завеса снега возле него вроде как была реже. Азыкгай крутился на месте, закрыв лицо маской из длинных черных нитей. Шаманам в трансе зрение не нужно. Они видят другой мир и по-другому.

— Тоже, что ли поплясать? — проворчал Конт. — Хоть немного согреться.

Вряд ли бы помогло. Я инстинктивно прижалась к банкиру и вытирала лицо от растаявших снежинок. Мельтешение перед глазами раздражало. Начало казаться, что в темноте леса горят желтые огоньки. Для фар автомобилей слишком маленькие, а для светлячков огромные. Я прислушалась к ветру. Вдруг Оюна уже давила галлюцинациями и сейчас я услышу голоса? А Конт? Его дух пощадит или пустит в расход за компанию? Женская логика диктовала, чтобы да. Ведь он посмел вступить за врага. Но тогда и Азыкгай в беде. А если Оюна уже украли душу старого шамана? Потащила её к Эрлику, а

с бубном плясала пустая физическая оболочка? Ведь бегают же курицы по двору с отрубленной головой.

Виски заломило. Снегопад стал таким злым, что не выдержал даже банкир. Закрылся от него рукой, высоко подняв локоть.

«Сейчас что-то будет, — свистел ветер в кронах сосен и где-то там, в завьюженной снегом вышине, злорадно хихикала Оюна.

— Смотри, — толкнул меня Конт и вытянул руку в сторону пригорка. Желтых огоньков стало больше. Они зажигались один за другим и почему-то парами. Как в детских страшилках.

— Ты тоже их видишь? — пробормотала я.

— Волков? Да.

Я потерла варежкой глаза, будто что-то могло измениться. Хищники шли из леса прямо на нас. В снежных сумерках спускались с холма, оставляя темные пятна следов. Сколько их здесь? Стая, две, три?

— Собрала, — нервно выдохнула я. — По всей округе искала, приказом гнала сюда. Я спорить готова на деньги, что самых злых и голодных выбрала.

— Медведи, — добавил Конт и показал в другую сторону. — Два шатуна.

Их бурые шкуры я разглядела сразу. Снег скатывался с густого меха и летел дальше. Персонально для меня в маленьком аду горели желтым глаза зверей. Я видела каждого не размытым пятном, а так, будто стояла рядом. Слышала сердитое рычание, чувствовала вонь из открытой пасти. Оюна не жалела силы. Старалась.

— Иди в дом, — с нажимом сказал Сергей и поднял карабин.

— Сколько у тебя патронов? На всех хватит? А если разом бросятся? По команде.

Именно так и будет. Одним растерзанным телом больше, одним меньше — Оюну уже ничто не остановит. Звери загрызут мужчину и ворвутся в дом. Медведи выбьют окна или когтями располосуют дверь. Она хлипкая, деревянная, не выдержит.

Меня затрясло крупной дрожью, воздух шел в легкие с хрипами. Наверное, худшая смерть — когда тебя рвут на части. Много боли будет, мне столько не выдержать. Грудь сдавило, словно камень положили. Пусть начнут с горла, так будет быстрее. Хотя нет, призрачная сука растянет удовольствие.

— Чтоб ты сдохла! — закричала я, глядя в потемневшее небо. — Второй раз, третий. Чтоб все твои мужики к другим уходили!

— Ира, — позвал Конт, — Ира, ты меня слышишь?

— Да, — ответила я, но как-то не так.

Банкир опустил карабин и заглянул мне в глаза. Снег бесновался вокруг нас, волки завывали. Сначала один, потом второй. Недалеко им бежать осталось, но Оюна не спешила.

— В дом иди, — повторил Конт. — Там погреб, спрячься. Я заберу Азыкгая и тоже приду.

— Она слышит, — тихо прошептала я. — Она все слышит.

Глава 22. Возвращение

Волной ветра ударило, чуть не сбив ног. Я качнулась к Сергею, и он крепко схватил меня за шиворот куртки. С темного неба на нас спикировала тень большой птицы. Мы оба пригнулись, но хищник, бесшумно хлопнув крыльями, полетел к избе. Арьергард, первая ласточка. Скоро их будет больше. Оюна недвусмысленно отрезала нас от безопасного погребца.

Азыкгай стал стучать в бубен громче и быстрее. Я уже не верила, что нас спасут амулеты. Иннаар молчал, Конт держался за дробовик.

«Уезжай, — должна была сказать я. — У тебя жена и маленький ребенок, вернись к ним. Обезумевший призрак — не твоя забота. Не твоя война. Бери снегоход и уезжай». Но Буран по глубокому снегу шёл слишком медленно. Волки бы точно догнали.

— Merda, — выругался Конт, глядя, как птица уселась на козырек крыши. Крылья сложила, но угрожающе наклонилась вперед. Хищники перед прыжком до жути похожи друг на друга. — Pezzo di merda, — повторил банкир и выстрелил в воздух.

От громкого хлопка по телу прошла судорога. Я сжалась в комок и закрыла глаза. Зря. Реальность вокруг пропала на секунду, а страх чуть не сожрал изнутри. Я видела их всех — серых, голодных, оскаленных, злых. Они шли на мой запах, как на запах крови. Бежали, рвались изо всех сил. Еще мгновение и будут здесь.

Я закричала, схватившись за того, кто был рядом. От собственного визга заложило уши и заболело горло. Я закашлялась и, наконец, открыла глаза.

Галлюцинации не прошли. Глаза хищников горели желтым пламенем. А между морем их огней и нас с Контом вспыхнул белый факел закопанного в снег амулета. Почти костер, только белый. Зверьё качнулось назад, а снег полетел вверх.

— Ты видишь? — истерично дернула я банкира за рукав. — Видишь?!

Вспыхнули еще два амулета — у порога и над дверью. Птица обиженно пискнула и улетела с крыши. Азыкгай все так же бил в бубен, но ритм изменился. Стал похож на музыку. Я радостно окунулась в неё и продолжила дергать Конта:

— У него получилось! Работает!

Пушистые хлопья летели вверх, будто кто-то отматывал время назад. Скоро я увидела купол над избой. Воздух расчистился, снег шел только снаружи, а внутри ему просачиваться не давала защита.

— С ума сойти, — выдохнул банкир и потер глаза рукавом. — Теперь я понимаю, как себя чувствовала Наталья. Ты тоже видишь?

— Да!

Банкир опустил уже ненужный карабин. Звери отступали, их глаза гасли. Грозные хищники поджимали хвосты, и, глухо ворча, уходили обратно в чащу. Я проводила взглядом двух медведей и вдруг почувствовала пустоту. Азыкгай больше не бил в бубен, все закончилось. Через мгновение уменьшилось пламя амулетов и совсем погасло. Искристая снежинка снова упала на нос.

— Тебя ведут, Ирина, — хрипло сказал старый шаман, прижимая к груди бубен. — Ты нужна миру духов. Умереть точно не дадут. Не сейчас. В нашу маленькую войну жестко вмешались свыше. Оюна больше не причинит тебе вреда. Никому не причинит, её запечатали.

Моя расшатанная психика отреагировала мгновенно. Я стояла и смеялась, зажимая рот и чувствуя, что трясутся плечи. Родному отцу не нужна, а неизвестные духи вмешались. «Тебя ведут, Ирина». Мапочка дорогая, до чего же приятно звучит.

— Спасибо, Иннаар, — зашептала я, надеясь, что дух слышит. Без него точно не обошлось. И без Азыкгая, хоть он и скромно умолчал о своих заслугах.

— Спасибо! — крикнула я уже громко и бросилась на шею к старому шаману. Он едва удержал меня, обнял и погладил по голове.

— Ну-ну, всё хорошо. Всё закончилось.

— Сергей!

Банкир сам шагнул навстречу и поймал меня. Обнимал неуклюже, карабин в руках мешал, но так крепко, что ребра заболели.

— Хорошо поохотился. Так и сказал жене. Отдыхать еду, развлекаться.

— Будет, что вспомнить, — засмеялась я.

— О, да, — кивнул банкир.

Хотелось петь и танцевать. Когда спаслись из дома Изги я такой эйфории не чувствовала, а сейчас проняло. Шампанского! Всем! Но лучше водки. Залпом полстакана, чтобы жар из груди приятным теплом разливался по телу. Спаслись! Мы спаслись!

— А вот и наши едут, — громко сказал Конт и показал рукой в сторону леса.

Уезжало два снегохода, а вернулось три. Они двигались так медленно, что я вообще не поняла, как их разглядел Конт среди сугробов и одинаково темных стволов деревьев. Три водителя и что-то еще за их спинами. Что?

— Одного человека нет, — глухо сказал банкир.

Из жара бросило в холод. Мы обошлись без потерь, а они нет.

— Стой, — предупредил Азыкгай. — Уже ничего не сделать, ждем. Изга там, Ярослав тоже.

Своего мужчину я узнала. Не по лицу, нет. Силуэт и что-то неуловимое в том, как он сидел за рулем. Знакомое, родное. Радость, придавленная было холодом, снова распускалась в груди. Счастье с оттенком стыда. Тот, кого я ждала, жив, но кому-то повезло меньше.

Первым к забору подъехал Ярослав. За его спиной торчали чьи-то ноги в ботинках. Первое, о чем я подумала — труп. Вот так варварски и без уважения к смерти его доставили обратно. Но ботинки пошевелились.

— Вы что на улице делаете? — спросил силовик. — Обморожения захотелось?

Снегоходы остановились. Я, не обращая внимания на людей Конта, бросилась к шаману. Сердце стучало с приступом тахикардии, уже едва справляясь с нервными нагрузками. Думала, сознание потеряю, как кровь ударила в голову. Последние шаги казались пропастью, через которую можно только перелететь. Я раскинула руки и упала в объятия Георгия.

— Живой, — рыдала в голос и не стеснялась. — Живой!

От куртки горько пахло дымом, от его кожи тоже, но я прижалась к щеке и не могла надыхаться. Целоваться у всех на глазах было бы слишком или нет? Я украдкой касалась губами отросшей щетины и мечтала, чтобы все исчезли. Как по щелчку пальцев целый мир вокруг с его проблемами. Решаешь одни, появляются другие, потом третьи, и так по кругу. А надо-то всего лишь, чтобы домой возвращались те, кого ждут.

— Родная, — позвал Георгий, целуя в лоб, щеки, замерзший кончик носа. — Ты цела? Все хорошо? Что здесь было?

Призрачная зараза даже запечатанная до сих пор мешала нам. Обсуждать её сейчас совершенно не хотелось, но снег хрустел под унтами Азыкгая, и я чувствовала, что моя вспышка счастья утихает так же, как пламя амулетов. Позже поговорим и побудем вместе. К снегоходу шамана прицеплена волокуша, а на ней почти серый от боли мальчишка.

— Армию Оюна собрала, — начал рассказывать старый шаман. — Всякое хищное зверье с насиженных мест согнала и на нас отправила. Шатунов потревожила, волков, беркутов. Столько злобы они несли, что чернота из мира в мир выплескивалась. Думал, не одолеем. Это как выпить море. Но твоя женщина, Георгий, та еще загадка оказалась. Знаешь, кто за неё вступился?

— Эрлик? — как мне показалось, в шутку спросил ученик, но учитель был серьезен.

— Да, его слуги. Пришли и добавили силы в амулеты. Да так добавили, что Оюну, как пушинку, ураганом смело. Нет больше у нашей земли хранителя, пустая она.

— Ясно, — ответил Изга, но на меня смотрел долго и очень внимательно.

— Покопаться бы, правда? — с прищуром спросил Азыкгай. — Нутром чую, там интересно. Ведут её, ведут...

— Господа! — окликнул всех Ярослав, но вздрогнула только я. — Давайте уже в дом греться или по снегоходам. Одно из двух, выбирайте.

— Ехать нужно, — твердо сказал Изга, разыскивая взглядом Конта. — У нас два раненых с огнестрелом и пленник. Новости тоже есть, но рассказывать долго. Сейчас все едем ко мне, там будем дальше решать после операции. Я должен извлечь пулю. В деревне пока все тихо, угрозы нет.

— Хотя так, — хмуро ответил банкир. За мгновение подобрался, вытянул спину и стал еще больше напоминать каменную статую римского патриция. — Что с транспортом? Куда Ирину?

— С нами. Мы груженные, но есть четвертый снегоход, на котором я сюда приехал. Его нужно вернуть владельцу, а пока еще попользуемся. Возьми ключи. Бензина бы долить.

— У меня есть, — отозвался Азыкгай, — пойдем, дам канистру. Ира, собирайся.

— Мне не нужно. Все свое ношу с собой.

Конец фразы я пробормотала под нос и пошла к снегоходу. Одежда действительно была на мне, а бытовыми мелочами я здесь чужими пользовалась. Сумка, если наемники не забрали её с собой, ждала в доме шамана. Туда мы и ехали.

Мужчины не создавали суеты. Как на похоронах все делали слажено и молча. Пока вытаскивали снегоход, проверяли его, заправляли, Изга осмотрел раненных и пленника. Я в шоке наблюдала, как боец с позывным Беркут невозмутимо сидел на снегоходе с простреленной ногой. Я думала Оюша обошлась с нами жестко? Я ошибалась.

Прощаться с долгими речами и обменом визитками не стали. Азыкгай пожал всем руки, а меня на мгновение отвел в сторону.

— Ты не сердись на духов, — сказал он в полголоса и заглянул в глаза. — У них свои законы, непонятные нам, но справедливость там есть. И ждать её приходится столько, сколько нужно. Зато потом все встает на свои места. Ты не просто так здесь очутилась и Георгия тоже не просто так встретила. Я знаю, как слушают стариков, когда они лезут с советами, но ты девочка умная, себя послушай. Стоит ли твоя столица жертв и каких стоит? А амулет с собой возьми. Хороший получился, сильный.

Азыкгай протянул мне деревянную фигурку медведя. Белые искры угасшего пожара все еще сверкали в вырезанных ножом глазах.

— Спасибо, ойуун.

— Не за что, — улыбнулся он. — Беги.

Ждали только меня. Я пошла к снегоходу и все как по команде расселись.

— Держись крепче, — велел Конт. — Навигатор у нашего шамана сломался, по моему пойдем.

Я не сразу поняла, в чем дело, а потом тихо рассмеялась. Оюна больше не показывала дорогу в обмен на стихи. Испортился компас. Но без неё лучше, и никто не убедит меня в обратном.

Ехали долго. Я то и дело оборачивалась на растянувшуюся колонну из снегоходов и переживала, что кто-нибудь отстанет. В темноте яркие фары Буранов превращали нас в змею, ползущую между деревьями. Видно было со всех сторон, а мы, наоборот, дальше нескольких метров ничего не замечали. Я пропустила момент, когда выехали к дому Изги. Из-за поворота вдруг вспыхнул белесый квадрат окна на втором этаже.

— Стоп, — не слишком громко, но отчетливо приказал Ярослав. — Тушите свет.

Колонна встала, фары погасли.

— Говоришь, уезжал в спешке? — спросил силовик.

Двигатели тоже заглушили. Вместо их хриплого рокота, раздавался хруст снега под мужскими ботинками. Совещание собиралось в голове колонны.

— Да, но Модун сказал, что когда Олега забрали, то дом закрыли. Свет тоже должны

были выключить, для кого он здесь?

Голос шамана звучал где-то справа от меня. Я ждала, пока глаза привыкнут к темноте, но, кажется, это больше никому не мешало.

— А если забыли? Вспомнят?

— Точно нет. Иначе бы не забыли. Наш третий гость сбежал? Второй как-то передал ему, куда мы едем?

— Было бы хреново, — проворчал Ярослав и в тишине раздался глухой стон. — Живой? Что скажешь?

— Я тебе гребанный Гудини, что ли? — натужно отозвался пленник. — Или сраный Дэвид Копперфильд?

— Резонно. Не поспоришь. Звони тогда председателю, Изга, другого варианта нет.

Несколько минут ушло на то, чтобы шаман забрал у Конта телефон и набрал номер. Сакральную тайну сотовой связи в тайге я уже отчаялась постичь. В духов поверила, а в строительство базовых станций для нескольких абонентов — нет. Безумное расточительство, но хорошо, что оно есть.

— Модун? — позвал шаман в трубку. — Изга беспокоит. Ты не отправлял случайно ко мне новых гостей? Нет? Хорошо. Я просто так спросил, в дорогу собираюсь. Все, давай, до связи.

— Не он, значит, — хмыкнул Ярослав через паузу. — Паршиво.

— Нужно проверить. Будет смешно, если мы боимся пустого дома.

— Ясен красен. Всем сидеть, я пойду.

— Я, конечно, не семи пядей во лбу, — подал голос Конт. — Но не кажется ли вам, что для засады слишком странно светить окнами?

И тут, как по заказу, свет погас.

Ярослав выругался по-русски. Видимо, для разнообразия от итальянских слов банкира. Глаза уже привыкли, я различала бледное свечение луны и силуэт крыши на фоне неба. Снег хрустел тихо, но в абсолютной тишине тайги любой звук казался оглушающим. Подойти к дому бесшумно будет практически невозможно. Но у нас раненый и, наверное, поэтому Ярослав решился.

Я перестала дышать, пока он шел до забора. Калитку не закрыли, будто кто-то приглашал внутрь. Свет вспыхнул снова уже в окне на первом этаже. Дверь со щелчком замка открылась.

— Извольский Георгий Александрович? — громко спросил мужской голос. — Мы вас заждались.

Его тембр, тон и каждую интонацию я знала наизусть.

— Карл Риман, — представила я отца окружающим. — Собственной персоной.

Конт громко хмыкнул, а Изга тихо выдохнул. Даже очередная толпа убийц не такая проблема, как мой отец. Сейчас он всех построит, назначит виноватых, проведет воспитательную беседу, в ходе которой добьется четкого плана действий, придаст всем мотивационного пинка и отойдет в сторону. Любоваться, как заведенные шестеренки проворачиваются вокруг его сиятельной персоны. Пуп земли, центр Вселенной.

— Он здесь один? — удивленно спросил Конт.

— Точно нет, — ответила я. — Шульгин в доме. Без него бы отец из особняка не вышел и в самолет не сел. А с Шульгиным еще пара сотрудников, как он их называет. Может, больше. Я просто не знаю, чего такого страшного отец вообразил, что сам приехал.

Голос уже дрожал и руки от плеча до кончиков пальцев зачесались. Противное ощущение, будто жуки по коже бегают. То там зашебаршат лапками, то здесь. На шею забираются, в волосы. «Нервное, — сказал мне профессор в частной клинике. — Попейте успокоительных трав и все пройдет».

Нет, я, конечно, ждала его, как наивная Золушка принца. Мечтала, что папа любит и переживает. Представляла украдкой нашу встречу. Я вся бледная и в бинтах, а он с трагедией в голосе: «Ира, дочка, как ты?»

Да плевал он на меня даже сейчас. Хозяина дома к ответу требовал. Интересно, Шульгин уже полное досье составил или еще работал? И как нас вообще нашли? Отец назвал шамана полным именем. Значит, как минимум ксерокопию его паспорта в руках держал. Самое простое, что приходило на ум — отследили звонок. Не важно, что сим-карта зарегистрирована на другого человека, аппарат в сети определили, координаты выдали. А по карте здесь единственный жилой дом. Открываем базу данных Росреестра, щелкаем по участку, а там кадастровый номер. Вуаля, знаем владельца.

— Это я, — ответил Георгий и пошел вперед.

Меня затрясло сильнее. Я почти слышала, как отец орёт, обрушивая волны недовольства на человека, который их не заслужил. Заранее слышала, и в животе всё сжималось в комок. Желания сбежать давно не возникало. Только втянуть голову в плечи и пережидать бурю. Я не приехала на работу вовремя, проигнорировала приказ отца и ошивалась неизвестно где, неизвестно с кем. Позорила его, позорила семью, холдинг, дело всей его жизни. Никогда из меня ничего путного не выйдет. Я — пустышка, недоразумение.

— Где Ирина? — грозно спросил отец. — Она звонила из этого дома.

— Она со мной.

— Где она? Пусть выйдет. Ира!

Я вздрагивала от каждого слова, но со снегохода так и не встала. У Конта, наверное, синяки останутся, как я за него цеплялась. Маленькая, испуганная девочка. Сейчас впору опустить взгляд в пол, сцепить пальцы в замок и шаркающими шагами пойти в угол. Отбывать наказание.

— С ней все в порядке, — глухо ответил Изга.

— Значит так. У вас ровно одна минута, чтобы привести ко мне Ирину, иначе я буду разговаривать по-другому.

Входная дверь открылась. На крыльцо степенно вышел глава службы безопасности строительного холдинга «Альянс». Оделся Шульгин так же легко, как отец. Бритую налысо голову закрывала тонкая шапочка, за спиной болтался отороченный мехом капюшон зимней куртки. Мужчины замерли, словно за мгновение до драки. Когда любое слово прозвучит командой «фас» и все сорвутся с цепи.

— Карл Федорович, доброй ночи. Сергей Конт, «ТФК-групп». Не знал, что мир так тесен. Я поохотиться приехал к старому знакомому и дочь вашу встретил.

Голос Конта, нарочито бодрый, играл на нервах. Банкир шел по краю. Мы не знали, кем отец воспринимал Изгу и прибывших с ним людей. Если врагами, похитившими его дочь, то даже авторитет сына одного из главных деловых партнеров роли не сыграет. Не приведи боги Верхнего мира, Шульгин стрелять начнет. Ярослав тоже вооружен.

— Сергей? — в ледяных интонациях отца послышалось удивление. — Сергей Геннадьевич?

— Да, это я. Карл Федорович, у нас несчастный случай произошел. Одного человека ранило. Все очень серьезно, нужна операция. Георгий Извольский — хирург. Если вы позволите, мы отнесем раненого к нему в операционную, а сами спокойно поговорим. Ирина здесь, она не пострадала. Устала только очень и замерзла.

Я без очков и бинокля видела, как у отца вытянулось лицо. Информация мягко говоря

ошеломляющая, но главное из монолога Конта он вычленил и сразу же отреагировал:

— Да, конечно. Влад, помоги с раненым.

Шульгин дважды стукнул в дверь и прыгнул с крыльца. Напряжение разрядилось в кипучую деятельность. Из дома вышли еще два человека. Крепкие ребята, чем-то похожие на «физиков» Дорохова. Сидя в доме все слышали, объяснять не пришлось.

Конт оттеснил меня в сторону, возле снегохода с волокушей и так было мало места. Я едва успела вытянуть шею и разглядеть, как Изга молча зашел в дом под колючим взглядом отца. Он здесь хозяин. Он хирург, анестезиолог и медбрат в одном лице. Почти театральное выступление Сергея сэкономило на разборках кучу драгоценного времени. Нельзя было его терять еще и на подготовке к операции.

Я продолжала цепляться за банкира, а он не возражал. Мы так и стояли вместе, пока волокушу на руках поднимали на крыльцо. Час, два или больше Изга не скажет ни слова. Вся тяжесть переговоров со злым и очень подозрительным Карлом Риманом ляжет на Сергея. Лучшего повода поверить во вмешательство духов мне не представится. Единственный человек на всю тайгу, кого отец мог выслушать и не отмахнуться, взял меня за локоть и повел к дому. Ноги все еще дрожали.

Перчатки Изга снял с характерным треском и выбросил в то же ведро, куда до этого сложил окровавленные операционные простыни. Андрей вздрагивал и морщился во сне. Эффект от анестезии проходил медленно. Тот момент, когда пациент уже в сознании, но все еще в тумане. Инструменты хирург Извольский обработает позже, а извлеченную пулю лучше выбросить. Незачем носить её на груди, как защитный амулет, и верить, что второй раз не зацепит. Глупая мода, но солдаты верили. И бывшие солдаты тоже.

Шаманы же больше полагались на метки смерти. У Андрея она растаяла над головой прямо во время операции. Изга захватил пинцетом пулю, и знак из нескольких переплетенных линий погас. Даже шлейфа не осталось или фантомного свечения. Пустота.

— Жить буду? — сонно спросил разведчик.

— Будешь, — коротко ответил шаман.

Пока следующая метка не появится. Бывает так, что раз пятнадцать вспыхивает и гаснет, а потом долго не зажигается. Тяжело верить в судьбу после такого. Уж больно зыбкая ткань реальности, меняется от любого чиха. Но если в плюс, то обычно никто не возражает.

— Спасибо, — пробормотал Андрей, пытаюсь удержать глаза открытыми. Веки норовили слипнуться, ресницы дрожали. Длинные, как у девушки, но светлые и почти неразличимые. Белобрысый парень. Странно, что не веснушчатый. — Спасибо вам, — повторил он уже четче. — Беркуту, Ярославу, тем, кто меня нес сюда.

— Я хочу поблагодарить родителей и киноакадемию, — не удержался Изга. — Я посвящаю этот Оскар...

Андрей прыснул от смеха и тут же застонал:

— Ой, ой, не надо, смеяться больно. Я серьезно же.

— Я тоже. Ну, почти.

Операционную Изга оборудовал в одной из комнат первого этажа. Она долго оставалась неиспользуемой и неприкаянной, хранила строительный мусор и вроде бы нужные вещи, но сложенные почему-то здесь. Так было, пока в деревенский ФАП не прислали новую мебель, а старые тележки для инструментов не выкинули на улицу. «Нужны? — спросил Модун, когда шаман проходил мимо и задержался на них взглядом. — Забирай». Потом кушетку для осмотра, стеклянный шкаф под замком. Нельзя оперировать, если ты больше не хирург. Но знать, что можешь помочь и ничего не делать нельзя вдвойне.

Сначала Изга хранил мебель ради ностальгии, затем перенес в комнату аптечку, еще позже убрал все лишнее, повесил шторы на окно, поставил в шкаф саквояж с

инструментами. В один день как-то само собой вышло, что обработать загноившийся палец позвал именно сюда. Дел на две минуты, не гонять же мать пятерых детей в райцентр, пока в ФАПе опять нет фельдшера. Не задерживались они в деревне, не хотели работать абы где за копейки. А он шаман. Ему нельзя, но если по мелочи, то можно.

«По-крупному» он здесь был дважды. Первый раз, когда спасал Ирину и вот сейчас.

— Тебе все равно в больницу нужно, — предупредил Изга. — Отлежишься у меня немного, а дальше, как командир ваш скажет.

— Спасибо, Георгий Александрович, — повторил парень. — Огромное вам спасибо.

Запомнил все-таки отчество. Один раз слышал и то в полудреме от долгой поездки.

— Изга, — поправил шаман. — Меня так называют.

— Извините, привык. Врач же. Я с детства со всем уважением. Только по имени отчеству. Но раз надо по-другому, то пусть.

Изга кивнул, чувствуя, как во рту собирается горечь. Зятя-хирурга Карл Риман принял бы с большим пониманием, чем зятя-шамана. Такой клоун владельцу строительной империи точно не нужен. Сейчас он выслушает историю о покушении, заберет дочь, пленника, еще одного наемника из бани Модуна и уедет в столицу. «Встречаетесь? У вас что-то было? Ну и что? Какое это имеет значение? Домой, Ира, домой».

Если они уже не уехали. Тихо стало в гостиной, раздраженные голоса больше не звучали. Карл Риман обосновался там, смерив Изгу недовольным взглядом, когда он, еще не переодевшись, сидел на диване в шаманской облачении и ждал, пока Дезар стерилизует операционную. Почему не полез с вопросами и не припомнил статью за незаконное ведение мед. практики? Загадка. Захочет уничтожить будущего зятя — первый козырь в руках уже есть. Но Изга все равно бы потащил парня на операционный стол. Если уж на то пошло, можно вспомнить еще одну статью. «За оставление в беде». Ну или совесть, чувство долга и много других вещей.

— Отдохни пока, — сказал шаман. — Я узнаю, как там наши дела.

Говорил, в основном, Конт, я молчала. Подтвердила только, что Георгий спас меня из упавшего вертолета, а про удаленную селезенку не сказала ни слова. Отец обязательно бы взбесился и клеймил «коновала, шарлатана» до хрипоты. Сергей тоже не обо всем распространялся. Убитого в перестрелке наемника не назвал. Упирал на то, что одного взяли живым, а второго должен был стеречь председатель сельсовета Модун.

Связанного пленника охранял Ярослав, а самого Ярослава один из сотрудников Шульгина. Я не запоминала их лица, а тем более имена. Они постоянно крутились вокруг отца, я старалась жить своей жизнью. Получалось с переменным успехом, но сейчас, когда сидела за столом в гостиной Георгия, поняла, что не получалось совсем.

- Значит, так, — отец наклонился вперед и сложил руки на столе. Старомодно блеснули золотом часы. Манжеты вышли из рукавов делового костюма настолько, что стало видно запонки. С деловой встречи поехал в аэропорт? Или здесь переоделся, пока ждал? — Ирина с этого момента под круглосуточной охраной. Не обсуждается.

Шульгин кивнул, проведя пальцами по краю блокнотного листа. Двух человек ко мне приставит? Трех? Скольких будет достаточно, чтобы оправдать недосмотр и показать служебное рвение? Его косяк, кстати. На дочь босса совершено покушение, а он ни сном, ни духом.

— Влад, имя заказчика мне выбей. Хоть из этих двух, хоть из тех, на кого они покажут пальцем.

— Сделаю, — отчеканил начальник службы безопасности, а Сергей Конт откинулся на спинку стула и медленно сказал:

— Оно уже есть. Наемник назвал на допросе. Дорохов Павел Анатольевич.

В комнате стало так тихо, что у меня в ушах зазвенело. Я не слышала признаний наемника, Изга обещал рассказать новости в доме, но до сих пор не вышел из операционной. Имя стало неудачной шуткой, бредовым сюжетным поворотом в дешевом боевике. Дорохов — друг отца. Черт, да они вместе проводили столько времени, что даже на отдых ездили вместе!

— Зачем ему меня убивать?

Я спросила вслух голосом робота. Если что-то тяжело осознать, то и эмоций нет. Пустота с надписью «Дорохов» и знаком вопроса под ней.

— Наемник уверен, что из-за наследства, — ровно ответил Конт. — Дочь Дорохова беременна от твоего отца.

Глава 23. Молодая мачеха

Пауза получилась сочной. Время будто остановилось и все боялись пошевелиться, лишь бы не пришлось реагировать первым.

Что тут скажешь? Папа молодец. «В его возрасте, — как подумали бы многие, — сделать юной девице ребенка — это сильно». Черт, да Альбина на два года меня моложе. Когда я пешком под стол ходила, будущая мачеха еще не родилась. И теперь мне придется называть её мамой, а её ребенка единокровной сестрой или братом. Наследником, о котором Карл Риман мечтал так долго.

— Я не знал, — тихо ответил отец и отогнул полу пиджака, чтобы достать телефон.

Интересно, успел удивиться, что связь здесь есть или принял как должное? Ситуация выглядела бы еще забористее без возможности дозвониться до первоисточника и выяснить правду.

— Альбина? — эхом доносилось из коридора, — Поговорить нужно.

— Информация точная? — подал голос Шульгин.

— Не могу гарантировать, — ответил Конт. — Детектора лжи при нас не было.

Безопасник тоже схватился за телефон, но открыл не список контактов, а мессенджер. Спать сегодня его столичные сотрудники не будут. Дорохов как приближенный отца в принципе должен был быть изучен со всех сторон. За что «Альянс» вообще платил Шульгину деньги? Или все были в курсе, и только мы с отцом нет?

Дверь операционной открылась, выпуская шамана. Из льняной рубахи он переоделся в хирургическую пижаму и снял все амулеты.

— Как там? — обернулся, скрипнув стулом Конт.

— Нормально, пулю я достал. Андрей отдыхает.

— Хорошо.

Я пересела на диван в надежде, что Изга сядет рядом, и мы поговорим. История с покушением выглядела всё сложнее и запутаннее. Я отчаянно не хотела копаться в чужом грязном белье. Кто подложил Альбину под отца, как получилось, что она залетела, почему я вдруг стала всем мешать и так далее. Но мне даже на работу не дадут выйти, пока разборки не закончатся. Буду на положении пленницы в собственной квартире. Под присмотром у мордоворотов Шульгина. Будущую мачеху вряд ли тронут, ей нервничать нельзя, зато мне можно.

Изга пошел на кухню и взял чайник с подставки. Вода в нем стояла несколько дней, пришлось вылить и налить свежую. Меньшая неприятность по сравнению с разгромом, организованным наемниками. Вещи, вывернутые из шкафов, ввалились ан полу, как обломки после бомбежки. Злость на них срывали, что ли? Чудо, что операционная не пострадала.

Шаман пересчитал нас и достал из шкафа пять кружек. От чая с бутербродами я бы не отказалась, Сергей, думаю, тоже. Я встала, чтобы помочь с приготовлениями, но отец позвал из коридора:

— Ирина, на пару слов.

Выглядел он плохо. Всегда твердый взгляд сейчас казался рассеянным, лицо бледным, движения замедленными. Карл Риман ослабил узел галстука и взъерошил волосы.

— Альбина призналась, что беременна, — в половину прежней громкости сказал он и позвал меня вглубь длинного коридора. — Срок маленький, вроде бы не принято так рано говорить, а вдруг выкидыш?

Бред сивой кобылы. Случись выкидыш — вообще бы промолчала? Вроде как ничего не было? И он уже её оправдывал. Из-за притязаний Дороховых на наследство меня убить

хотели, а папа объяснял, как его любовница переживала за ребенка.

— Ира, я не знал. Альбина сказала, что принимает таблетки. Перешла на новые, случился побочный эффект, прием временно отменили и она не стала грузить меня такими подробностями.

— По ушам она тебе проехала. Не принимала она их никогда. Или ты думал, что интересен ей, как мужчина? Двухлетней девочке? Изначально все было ради свадьбы и наследства.

— Ира, следи за языком, — взвился отец. — Ты ничего не знаешь о наших отношениях!

— Ты, видимо тоже. Как можно быть таким наивным? В твоём возрасте, твоём положении!

— А мне уже на кладбище нужно лежать? Я не имею права на нормальную семью? На любовь женщины?

— А я тогда кто? Не семья?

Обвинительный порыв отца сбил. Он стоял, не до конца закрыв рот и молча на меня смотрел. Неужели вопрос настолько неожиданный? Кто на самом деле списал меня со счетов и вычеркнул из жизни: Дорохов или родной отец?

— Ты тоже моя семья, — наконец, ответил он. — Этого никто не изменит. Но ты выйдешь замуж, нарожаешь детей, у тебя будет новая семья, куда более значимая, чем какой-то старик. А мне что делать? Я жить хочу. Я достаточно носил траур по твоей матери и берег её память. Я не переживал за то, предохраняется Альбина или нет, потому что был уверен, в моём возрасте детей уже не бывает. Если ребенок действительно мой, он здоров и родится в срок, то это чудо. Я и так собирался на ней жениться, предложение сделал. То, что говорят пойманные в тайге наемники еще десять раз проверить нужно. Дорохова могли подставить. Назвать его фамилию, чтобы скрыть настоящего заказчика. Выиграть время.

— Ясно, — ответила я, кивая, как игрушка под лобовым стеклом автомобиля. — Женись, если хочешь, я никогда не запрещала тебе. На родственнице несостоявшегося убийцы твоей дочери, почему нет?

— Ира, это нужно доказать! Включи голову! Ты услышала какой-то бред и тут же поверила. Мы с Павлом росли вместе, я всю жизнь его знаю. Он твой крестный отец, забыла? И я не вижу преступления в том, чтобы жениться на его дочери.

- Прекрасно, — тихо отозвалась я. — Меня только оставь в покое. Я не поеду домой, не хочу во всем этом разбираться. Представь, что покушение удалось и я уже мертва.

— Не говори ерунды! — повысил голос отец. — Не поедет она. Я так и думал, что ты отпуск решила себе устроить. Бросила всё, наплевав на проект. Стольких людей подвела, меня подставила. Трахала себе здесь нашла? Кого? Мужика этого, Извольского? А, может, не было покушения? Крушения вертолета, наемников, ты просто ломаешь комедию, чтобы внимание на себя обратить? Как в детстве, когда ты придумала боли в животе и в школу не хотела ходить?

От обиды в животе действительно стало больно. Где-то рядом с послеоперационным швом и разноцветными синяками. Я ударилась, когда вертолет грохнулся об землю, селезенка лопнула. Могла голову разить, спину сломать. Лежала бы сейчас овощем под аппаратом ИВЛ, а отец как единственный близкий родственник решал, продлевать ли мне жизнь.

Единственный близкий родственник.

Я потерла глаза и провела ладонями по волосам. Привычное успокоительное движение оборвалось слишком быстро. Пальцы коснулись шеи и горловины тельняшки Азыкгая. Что-то изменилось, а я не успела заметить. Боль по-прежнему резала живот, но больше я не чувствовала ничего. Я умерла для отца гораздо раньше, чем упал вертолет. Чем шаман Изга ритуально обрезал мои волосы. Он контролировал меня, как любого сотрудника «Альянса», совершенно чужого человека, и ждал свадьбы с Альбиной.

Нормальной семьи.

Мне нечего делать в столице. Уволиться можно удаленно, попросить пару знакомых собрать мои вещи в квартире и выслать сюда. Саму квартиру продать, поскрести по банковским счетам, или, на крайний случай, запустить руку в наследство матери. Она коллекционировала драгоценности, считала их семейной реликвией. По завещанию все отошло мне и до сих пор лежало в сейфах нескольких швейцарских банков. Если жить скромно, то надолго хватит. Не нужен мне отец и его «Альянс». Я ему не нужна.

— Значит, так, — сказал Карл Риман. — Собирайся, мы едем в Якутск. Влад организует билеты, через двенадцать часов будем дома. Работа подождет, квартира твоя тоже. Комнату в особняке даже готовить не придется, там все осталось с того дня, как ты закончила Университет. Сейчас перекусим и поедем, давай. И сними уже эти тряпки, кто тебя так нарядил...

- Я не поеду.

— ...не корчи из себя несчастную нищенку и приживалку, у тебя всё есть.

— Я не поеду, сколько раз повторять? — до криков оставалось совсем чуть-чуть, в коридоре нас уже слышали. — Делай, что хочешь, как хочешь и с кем хочешь, я останусь здесь. Работать не буду и от наследства откажусь. Пришли нотариуса с бумагами, все подпишу. Живи нормальной жизнью с нормальной семьей, а меня больше не трогай!

Воздух зазвенел от моего голоса, эхо отразилось от стен. Я понимала, какой истеричкой выгляжу, но время для безропотного «да, папа» прошло. Сбежала в ванную комнату и закрылась там.

Конт помогал резать бутерброды. Раскладывал полумесяцы домашней колбасы по квадратам плавленого сыра. Люди Карла Римана навели в холодильнике шамана свой порядок. Продукты Изги переложили на нижнюю полку, своими забили верхнюю. Но столичный банкир брал хлеб и колбасу, откуда ему нравилось.

— Ругаются, — прокомментировал Конт шум из коридора.

Высокий голос Ирины звучал громче голоса отца. Отчетливо слышалось: «Я не поеду». Хоть вмешивайся и осаживай разбушевавшегося родственника. Нашел время давить на дочь. Начиная с падения вертолета, она пережила столько, что другим за всю жизнь не дается, а до истерики её довел родной отец. Дверь хлопнула так, что стена вздрогнула.

— Идиот, — проворчал под нос Конт. — А я еще думал, что мой папа не сахар. Да он ангел. Хотя тоже, знаешь. Мда.

Банкир сложил бутерброды горкой и понес на стол в гостиную. Это для всех. Отдельно лежали порции Андрея-Свистка, уснувшего в кресле Беркута, Ярослава и его пленника. В доме шамана никогда не было столько народа. Локальный катаклизм и пункт эвакуации во всей красе.

Карл Риман не возвращался. Продолжал донимать дочь? Нет, это уже ни в какие ворота. Изга бросил в чай два сушеных листика мяты и понес кружку в коридор.

Двери в доме больше не закрывались. На месте замков зияли дыры. Дверное полотно в ванной комнате не прилегал к косяку плотно. Через щель в коридор лился свет и рисовал золотую окантовку на силуэте Карла Римана. Он молча смотрел себе под ноги.

— Разрешите, — вежливо попросил Изга и потянулся к двери.

Отец Ирины вздрогнул. Кружку с кипятком мимо него не удалось пронести. Карл сфокусировал на ней взгляд и хмуро спросил:

— Зачем?

— Чай. Она голодная.

Больше шаман не объяснял ничего. Дверью оттеснил Карла в коридор и зашел внутрь. Ира сидела на краю ванной, зажав рот, и раскачивалась в одном ей ведомом ритме.

Красные нос, опухшие веки. Возле неё разливалось столько боли и тоски, что воздух дрожал. Чутьё шамана не нужно, такое море захочешь — не обойдешь. Изга и не собирался. Поставил чай на полку под зеркалом и шагнул к ней.

Они срослись, впечатались друг в друга, объятиями не назвать то, что было.

«Моя женщина, моё чудо. Кто посмел обидеть тебя? Больше никогда, слышишь? Я никогда не позволю тебе так мучиться».

Она плакала, задержав дыхание. Потом глотала воздух и тихо стонала. Хирургическая рубашка промокала от слез, пропитывалась темнотой. Сволочью нужно быть, а не отцом. Зачем таким людям дают детей? Учить их собственные «взрослые» души, выращивать? Ну и как, помогает?

Изга раскачивался вместе с ней, целовал в макушку, гладил по волосам.

— Я тебе чай принес. Он с мятой, нужно выпить и спать. Пойдем в мою спальню, я тумбочкой загорожу дверь, чтобы никто не побеспокоил.

Она всхлипывала и как ребенок терлась щекой о плечо.

«Никогда не поступлю со своей дочерью так».

— Ира...

— Хорошо. Где там чай?

Уже остыл и не мог обжечь, но она все равно касалась губами кружки с большой осторожностью. Цедила мяту глотками и всхлипывала между вздохами.

— Я у тебя останусь. Совсем. Можно?

— Конечно, — шаман не удержался и снова обнял, стараясь не задеть кружку, не расплескать чай. — Все уедут рано или поздно, я приберусь...

— Он еще здесь? Почему?

Шаги Карла звучали за дверью. Тихий стук каблучков по ламинату. Три до конца коридора в одну сторону и три в другую.

— Час ночи. Без проводника они заблудятся и даже до деревни не доедут.

— А как он сюда добрался? — голос Ирины от раздражения набирал силу. — Ничего, не сдохнет. Не пропадет.

— Пусть сам решает.

— Это само собой. Ладно, спать хочу.

Чай она допила до половины, посмотрела в зеркало на опухшее лицо и пошла к двери. Изга готовился отбивать её от отца, но Карл стоял в стороне. Тяжесть его взгляда шамана изначально не волновала. До ярости демонов царства теней ему далеко. Мелко всё. Но считаться с ним придется. По крайней мере, пока он здесь.

Спальню наемники не тронули. Традиционно выбили дверь и оставили в покое. Ира упала в кровать, не раздеваясь. Обняла подушку и тут же закрыла глаза. Пусть спит. Без неё с покушением, Дороховым, любовницами и детьми разберутся. Можно прямо сейчас, если Карлу так сильно нужно. Шаман слышал, как скрипела лестница. Временную делал из тех досок, что попались под руку. Рассохлась. Бесшумно по ней подняться было невозможно. Изга еле успел выйти из спальни и закрыть за собой дверь.

— Георгий? Поговорить нужно.

Карл Риман был закован в деловой костюм, как в броню. Мог одеться по-домашнему, но предпочел привычный ритуал настойки на битву. Будто не за дочерью приехал, а на сделку по слиянию двух строительных империй. Его заколка на галстук, украшенная бриллиантом, запонки, начищенные ботинки — все казалось безумно неуместным

посреди заснеженной тайги. Переобулся? На улице он бы в такой обуви замерз.

— Ирина спит, — сказал шаман. — Отойдем в сторону, чтобы не тревожить её. Прошу.

Комнат на втором этаже было четыре. Самую большую Изга забрал под спальню, а в других поставил шкафы и кровати на случай, если кто-то из гостей останется ночевать. Да и чтобы не смотреть на пустоту. В правую от спальни комнату они и зашли. Изга предложил сесть на диван, но Карл только дверь за собой закрыл.

— Я приехал за дочерью и без неё не уеду.

Подобное заявление стоило ожидать. Плевать, что дочь устала, натерпелась страха и за окном ночь. Папа знает, что для неё лучше. В дороге отдохнет, а все проблемы нужно решать дома. В комфортной, привычной для отца обстановке, где все происходит по взмаху руки.

— Сожалею, но с этим придется подождать как минимум до утра.

— Я понял, — оборвал его Карл. — Поэтому, раз вы — собственник дома, пришел спросить, во сколько мне и моим людям обойдутся две комнаты на ночь? Нас здесь шестеро.

Лихо он превратил дом шамана в гостиницу. Изга вдохнул, чтобы ответить и медленно прикрыл рот. Пару минут назад говорил Ирине, как опасно путешествовать по тайге ночью без проводника. Отчаянно не хотелось брать на себя шесть замерзших трупов. Но если оставить отца и дочь в одном месте, то утром точно случится беда. Карл силой потащит Ирину домой.

— Можно вызвать помощь из деревни, — предложил шаман. — Вас проводят до Якутска, где есть приличная гостиница.

— Мне без разницы в каком клоповнике спать, — поморщился Риман. — Я спрашиваю, сколько стоит этот? Или вы плохо меня слышите? Я без дочери никуда не уеду.

Он так явно демонстрировал своё превосходство и неуважение, что Изга перестал надеяться на цивилизованный разговор. Раздражение комом ворочалось в груди и требовало выхода.

— Вы предлагаете мне продать на одну ночь возможность находиться рядом с дочерью? А что будет потом?

— Продать, — усмехнулся Риман. — Вот видите, мы сразу заговорили о главном. Но вы плохо меня поняли. Я не собираюсь покупать у вас Ирину. Никто не давал вам права продавать её родному отцу. Если обстоятельства складываются так, что она ночует здесь, то я не хочу тратить время на поездки до Якутска и обратно. Сколько стоит комната? Или вы отвечаете, или я сам назначу цену.

«Продавать родному отцу... не давал права».

Изга чувствовал, как его дергает. Почти забытое состояние, когда ярость выходит за пределы эмоционального отклика подсознания и ощущается всем телом. Разбить хотелось рожу Карла Римана в мясо. Молотить его кулаками, как робот, пока руки не онемеют. Какое счастье, что он держал дочь подальше от себя, и она выросла нормальным человеком. Азыкгай её принял, Иннаар с восторгом согласился защищать. Те, кто видел суть за ядовитым влиянием такого отца.

— Я не возьму денег, — твердо ответил Изга. — Занимайте эту комнату и ту, что напротив. В соседней будет ночевать Сергей с его людьми, а мне нужно следить за ранеными.

И никакой драки. Не для того столько лет был шаманом, чтобы повестись на провокацию и дать повод Риману забрать дочь прямо сейчас. Карлу тоже нужно проспать. Он почти не контролировал себя. Сплошное облако из эмоций, как над извергающимся вулканом. За ночь должно стать спокойнее. А если нет, то Изга снова увезет Ирину. На этот раз гораздо дальше избы Азыкгая.

Сейчас Карл молчал. Лицо кривилось в судороге. Насколько проще и приятнее было бы заткнуть Изге рот деньгами, а потом макать в это каждый раз с головой, как в дерьмо. «Я плачу тебе» сразу превращало бывшего хирурга, шамана и хозяина дома в обслугу. «Принеси, подай». А если Изга не брал денег, то Риман оставался гостем. Одним из многих, кто делил кров дома посреди тайги этой ночью.

Он мог продолжать войну, требовать ответов и выдвигать новые условия, но решил по-другому. Карл Риман кивнул «хорошо» и вышел из комнаты.

Утром я проснулась одна в кровати. Мокрая насквозь, как в тот раз, когда очнулась в избе Георгия. На груди под тельняшкой собралась маленькая лужица, и тело казалось ватым. Жарко натопили дом. Чтобы на первом этаже не ходить по ледяному полу, на втором пришлось устроить душегубку. Перегретый воздух собрался плотным облаком под потолком. Я с удовольствием открыла окно и выпустила его на улицу.

Тихо было снаружи. Так же тихо и сонно, как внутри. Случилось чудо, и все уехали? Неужели, Георгий тоже? Хотя он мог уйти в избу. Камлать к духам, чтобы разобраться с новым хранителем местности. Или убраться на первом этаже, как обещал.

Мне стало стыдно, что проспала. Дом я еще не могла назвать своим даже мысленно, но помочь хотела. Расставить ежедневники по полкам, вымести щепки от выбитых дверей, отпраздновать свободу уютным семейным завтраком.

С ума сойти как вдруг хорошо стало. Завтрак. Семейный. Блинчики с вареньем или сметаной, горячий чай с медом. Когда-то мы всем отделом жарили на Масленицу блины, я помнила рецепт. Больше путалась под ногами, конечно, и пыталась руководить процессом, но сейчас хотелось сделать все самой. Чтобы Георгий вернулся из избы, как муж с работы, а я его встретила завтраком.

Крылья за спиной выросли, я чувствовала себя феей. Умылась «родниковой» водой из-под крана, расчесала спутанные за ночь волосы, а тельняшку сменила на льняную рубаху. Нашла в шкафу у Георгия. Вышивать я тоже научусь, чтобы вот так пускать стебли и листья по краю воротника. Ночи зимой длинные, сериалы не смотренные. Я даже знала место, где буду сидеть. В гостиной на диване. Но сейчас блинчики.

Никто не проснулся от шума и не вышел в коридор, я все еще верила, что одна в доме. Уборку, увы, без меня сделали, на кухне и в гостиной было чисто, но расстраивалась я недолго. С головой погрузилась в таинство создания квашни. Все зависело от качества муки, молока, подсолнечного масла, но как мне объясняли на работе, проще отступить немного от рецепта и сделать на глаз, чем мучиться потом с «десятым блин комом».

Сковородка разогрелась. От первого желтого круга на черном тефлоне пошел настолько характерный запах, что я слюной захлебнулась. Блины рвались, не хотели переворачиваться, но то, что получалось, оказалось съедобным. Кулинарную медаль мне, пожалуйста. Черт, первый подвиг!

Дверь в операционную открылась с тихим стуком. Я выглянула в коридор и увидела сонного шамана.

— Олады? — спросил он, потянув носом воздух.

— Нет, блины. Умывайся, уже можно завтракать.

Я стояла у плиты гордая и счастливая, пока журчала вода в ванной. Принятое вчера решение не тяготило и не изводило сомнениями. Их не было. Кристально ясное понимание, чего я хочу на самом деле — то еще блаженство. Я жалела только об одном. Почему этого не случилось раньше? Но, наверное, по-другому было нельзя. Сведи нас духи пару лет назад, я бы не посмотрела на Георгия. Пришлось дорасти до него, созреть. Лишиться волос, иллюзий, зависимости от отца. И уже благодарить хотелось, что пережила всё это. Боль — не всегда зло. Иногда она открывает глаза.

— Родная, — прошептал Георгий, обнимая.

Я слышала, как шел ко мне. Затаив дыхание, ждала и с улыбкой зажмурилась, когда прижал к себе. Нет, Вселенная совсем не дура. Знала, кого прочить в пару друг к другу. Нам было так хорошо вместе, что это и без предназначения казалось чудом.

— Блин сгорит, — промурлыкала я, когда запах от сковороды стал резче. — А я долго их переворачиваю. Не умею.

— Возьми лопатку шире.

— Какую?

— Так вот же.

Шаман снял со стены квадратную шумовку с крупными дырками.

— Так она металлическая. Нельзя же царапать тефлон.

— Это чугун.

Пока я хлопала глазами, открыв рот, Георгий лихо поддел блин и перевернул его. То-то тефлон мне показался странным, а сковорода слишком тяжелой. Но такие вроде делали из керамики или из камня, я не разбиралась в тонкостях. Чугун? Seriously?

— И ручка винтажная, — продолжил шаман. — Здесь её называют чапельник. Где-то в другой местности сковородник.

— Я сейчас второе высшее с тобой получу. Столько информации.

Шаман смеялся. Блины мы жарили вместе, пока я не наловчилась их переворачивать. Гора на тарелки росла медленно, но верно. Изга таскал блины прямо со сковороды. Обжигался, но ел и говорил, что такие они самые вкусные.

— Хорошо, что много завела. На всех хватит. Второй раз завтрак готовить не придется.

Моя уютная семейная сказка закончилась быстрее, чем у Золушки часы в полночь пробили.

— В смысле на всех? В доме кто-то остался? Почему тогда в комнатах так тихо?

— Все спят, — Изга улыбнулся и поцеловал меня в макушку. — Это мы с тобой ранние пташки. Раненного Андрея в обед должны забрать в медицинском УАЗике. В шесть утра Конт дозвонился до бульдозера и договорился, чтобы до меня пробили дорогу. Но я думаю, раньше вечера техника не доберется и с работой не справится. Шульгин не стал ждать. Забрал пленника, погрузил на снегоход и убыл в деревню, оттуда в Якутск и, как я понял, сразу в столицу. Что там с Дороховым, я не знаю, мне не рассказывают. Твой отец остался в доме с одним охранником. Легли все поздно, вот и тихо.

Паршивая новость, что отец все еще здесь. Словами не передать, насколько отвратительная.

Глава 24. Карл Риман

Дом ожил к обеду. В двух ваннных комнатах не выключался свет, скрипела лестница под тяжелыми мужскими шагами, в воздухе висел аромат парфюма и пены для бритья. Ощущение казармы ломали только разговоры по телефону. Я чувствовала себя то в банке, то на стройке, то в коридоре больницы. Голос отца звучал непривычно тихо. Конт легко заглушал его, мешая в речи слова из трех языков. По-итальянски на этот раз не только ругался. Ворковал что-то ласковое жене, судя по тому, как часто произносил её имя.

Я рисовала в ежедневнике шамана. Он выдал мне новый и несколько черных гелевых ручек. Зачем так много я поняла, когда после первой изрисованной страницы столбик чернил в стержне заметно уменьшился. Расточительное удовольствие. Нужно будет учесть и запастись материалами заранее.

— Бульдозер уже близко, — громко сказал Конт, выключая экран телефона. Когда успел перейти на другого абонента? — Водитель видит крышу твоего дома, УАЗик едет следом. Давай собирать Андрея. Тебе помощь нужна?

— Не откажусь, — ответил шаман. — Особенно когда выносить будем.

— Понял. Ярослав! Буди Беркута, скоро поедем.

Шум шагов зазвучал барабанной дробью, захлопали двери. С моего дивана благодаря аркам на входе в кухню и гостиную было видно много, но не всё. Тени от широких спин, случайно мелькнувшие локти. За несколько мгновений стало пусто и тихо, а в квадратной арке появился отец.

Я уже не чесалась нервно от одного взгляда на него, но видеть все равно не хотела. Все сказано уже, все сделано, зачем ковырять ржавым гвоздем едва затянувшуюся пленкой сукровицы рану? Он хочет доказать, какой хороший? Что он ни в чем не виноват, а это я двадцать восемь лет жила неправильно?

— Зачем ты здесь? — спросила я, не оборачиваясь.

Диван рядом со мной прогнулся, и кожаная обивка тяжело выдохнула лишний воздух.

— Странный вопрос, — ответил отец. — У меня проблемы с дочерью, она жизнь себе портит, а я домой поеду?

С каких пор его волнует моя жизнь? Ах, да, проблема же. Взбрык истерички, детский каприз — или чем он считает моё решение?

— Тебя Альбина ждет, — напомнила я ему. — И ваш ребенок.

— Я уже не уверен, что он мой, но проверить сейчас невозможно. Я консультировался. Мне сказали, что генетический анализ возможен не раньше шестнадцатой недели. Процедура называется амниоцентез. Берут образец околоплодной жидкости, находят в нем частички эпителия с кожи ребенка и выделяют из них клетки. Информативный будет анализ. Установят отцовство, пол ребенка и сразу скажут, нет ли хромосомных аномалий. Синдрома Дауна, например. Но Альбина отказывается. Она прочитала в интернете, что амниоцентез может спровоцировать выкидыш...

— Она собралась рожать? После всего, что случилось? Какое будущее она видит у ребенка?

— Если он не от меня, то нормальное будущее, — строго ответил отец и замолчал.

Я видела, что запутался. Постарел, осунулся за ночь и седины в волосах будто бы стало больше. Да, точно, затылок побелен сильнее. К шестидесяти годам серого оттенка вообще не останется. Белым станет, как снег. И синяки под глазами пугали. Но больше них синева возле носа и подбородка. Сердце разболелось? Таблетки пил или дома все оставил?

Я отвернулась, раздражаясь, что меня это вообще волнует. Теперь Альбина есть. Пусть

она бегает за ним с тонометром и проверяет, не отказался ли от визита семейного врача на дом. Если станет, конечно. Я не верила в её любовь и заботы о здоровье отца не ждала. Вряд ли она вообще планировала долго с ним жить. Уж если мне пропажу без вести хотели устроить, то свежее испеченному новобрачному, скорее всего, лекарство бы подменили сразу, как только нотариус заверит новый вариант завещания.

— Я не о ребенке Альбины шел поговорить, — вздохнул отец, — а о тебе. Не хочешь этого касаться, давай в Европу тебя отправим на долгие каникулы. На Кипр, на Мальдивы — куда скажешь. Отдохнешь, развеешься, в голове все на место встанет. Работа никуда не убежит, проектом уже занимаются. Наверное, я и правда слишком сильно тебя нагрузил. Пять лет в нормальном отпуске не была, все урывками какими-то по неделе, это никуда не годится. Давай уедем, Ира. Ну, что тебе здесь делать? Я совершенно не понимаю. Зад морозить под соснами? Неужели так нравится?

Я не отвечала. Уткнулась в рисунок и выводила завитки на бумаге. Да, зимой здесь холодно, а летом столько кровососущего гнуса, что из дома выйти страшно, но мне важнее не место, а то, с кем я здесь. Предназначение, карьера, самореализация — это хорошо. Но без любви жизнь похожа на ведро с дырками, которым пытаешься зачерпнуть воду. Ни одно карьерное достижение не покажется достаточным. Все уйдет в никуда мгновенно, эйфория улетучится и ты снова останешься с пустотой в руках. Возле сердца. Я не хотела выбирать. Пусть предназначение будет у Изги. Его духи, Эрлик, место нового князя шаманов. А я буду рисовать. Просыпаться по утрам, целовать мужа, дочь и жарить блинчики на всех. Моя карьера — быть счастливой. И самая верхняя ступень еще откроется с неожиданной стороны. Я дама упорная. Захочу, художником стану, почему нет?

— Ира, почему ты молчишь?

— Я останусь здесь, нам нечего обсуждать.

Отец зарывал, закрыв лицо руками. Не получалось у него. И так, и эдак, и криком, и лаской — уперлась дочь рогом. Что делать будет? Надо же настоять на своем. Вернуть неразумную на путь истинный. В лоно семьи и работы. И так, что меня ждет? Сейчас отец отберет ежедневник, гаркнет: «Не занимайся ерундой», прикажет охраннику перекинуть меня через плечо и нести к машине?

— У тебя отношения с Извольским? Скажи, он тебя не только спас, но и в постель уложил? Хорош рыцарь, прям на загляденье. Благодарность от прекрасной дамы натурой взял. Замуж уже предлагал? Про полцарства в придачу к невесте спрашивал?

— Полкоролевства, — поправила я. — Если рыцарь и дама сердца, то королевство. Полцарства — это туда. К Ивану-дураку, Жар-птице, Царевне-лягушке.

— Не юродствуй! — вспыхнул отец. — Я с тобой серьезно разговариваю.

— Я тоже. Замуж меня Георгий пока не звал, но я обязательно пришлю тебе приглашение на свадьбу. Такой ответ устроит?

Отец снова замолчал. Никто в нашем кругу не верил во внезапно вспыхнувшее чувство. Альбина в лучших традициях крутилась возле будущего мужа годами. Имела возможность. Дочь друга семьи. Кружила, охмуряла, доказывала интерес, проявляла заботу. А мы с Георгием официально знакомы пару недель и вдруг уже живем вместе, свадьба на носу. Глупо, недальновидно и меркантильно со стороны того, чей капитал меньше. К Альбине, конечно, таких претензий нет.

— Чем он занимается? Последнее официальное место работы — больница. И та несколько лет назад. Налоговую декларацию на доходы не подает, пособие не получает. Воздухом питается?

— Он фрилансер, — назвала я безопасную версию. — Амулеты делает из камня, дерева.

— Я видел, — проворчал отец. — Мы здесь не первый день. Я не верю, что этнические побрякушки тянут на ту сумму, что у него лежит на счету в банке. Ты уверена, что все о нем знаешь? Страсть проходит быстро, а неприятности бывают такими, что от них долго не отмыться. Торговля наркотиками, например. Тебя как мою дочь, да и меня заодно

полоскать в прессе будут с наслаждением. Такой удар по репутации «Альянса», что можно ставить крест на бизнесе.

— Обо мне, значит, поговорить? — усмехнулась я. — Ты снова о себе, отец.

— И о тебе тоже. Можешь спрятаться на другом конце земного шара, но никто не забудет, чья ты дочь. Ира, не надо гробить свою жизнь назло мне. Что тебя здесь ждет?

— Мы ходим по кругу. Третий раз об одном и том же, хватит. Уезжай домой, разбирайся с Альбиной, Дороховым, ребенком. Я дам любые показания, приеду на суд, если нужно. Но сейчас. Вот прямо сейчас отпусти меня, пожалуйста. Если у тебя хоть что-нибудь теплое ко мне осталось — уезжай.

Отец сгорбился, втянув голову в плечи. Лицо стало болезненно бледным, морщины смотрелись черными провалами. Он попробовал разгладить их пальцами на лбу, но ничего не вышло.

— Я потеряю тебя, если уеду. Как потерял твою мать. Ты не все знаешь, тебе не рассказывали. Ей запретили рожать, опухоль уже тогда была. Маленькая доброкачественная, её удавалось держать под контролем, но Светлана забеременела. Врачи говори об аборте, предупреждали, что беременность может спровоцировать быстрый рост, но твоя мать слышать ничего не хотела. «Я не убью своего ребенка. На дворе двадцать первый век, к моим услугам новейшие достижения медицины. Рожают женщины с таким диагнозом, у меня есть шанс». Я уступил и Светлана умерла. Врачи ничего не смогли сделать, хотя очень старались.

Слова падали в тишину, как перезрелые яблоки с дерева на землю. Так тяжело, что все внутри обрывалось. Еще пару лет назад я бы не поняла поступка матери. Зачем рисковать? Сказали же «нет». Но сейчас, наверное, сделала бы так же. Могло ведь получиться, надежда была. Отца только жаль. И себя немного.

— Я никогда не винил тебя, — продолжил он. — Сам носил своё бремя. Но каждый раз, когда ты делала что-то не так, не мог стоять в стороне. Один раз попытался. Мужчина твой бывший, этот урод моральный. Как меня на него дергало. Ты отвергла всех, кого я прочил тебе в мужа и с кем осталась? Признаюсь, выпил от радости, когда он ушел. Работой тебя завалил, чтобы не страдала. Думал, придешь в себя немного, я снова попытаюсь. Вдруг понравится кто-то из хороших? С любым капиталом, любым бизнесом, лишь бы тебя не обижал. И что в итоге? Прилетел сюда, а тут очередное чудо в перьях. Хирург в этнической рубашке. Ира, ну, почему?

Я улыбнулась на «чудо в перьях». Отец попал в точку. Именно так я о Георгии и подумала, когда очнулась в избе. Медвежья шкура, маска с клювом орла. Боже мой, танцы с бубном, амулеты, ритуалы, подношения духам.

«Он жизнь мне спас», — вертелось на языке, но дело-то совсем в другом. Я обнимала его и чувствовала, что моё место рядом. Неважно где, в каких условиях, и при каком уровне достатка. Я хотела быть с ним, потому что нужна ему. Потому что он бросится ради меня в пасть к любому зверю, а потом сотворит для нас обоих чудо. Я любила его. Уже прожила с ним маленькую часть жизнь и мечтала остаться до самого конца.

— Я с ним не пропаду, — улыбнулась я еще раз. — Тебе не о чем волноваться, правда. Хочешь — проверь его вдоль и поперек, там ничего крамольного нет, я уверена. Можешь, Конта спросить, они хорошо знакомы. Ты не теряешь меня. Сказала же, пришло приглашение на свадьбу. А Альбина с ребенком сейчас действительно важнее. Разберись с этой историей до конца. Я верю, ты решишь и сделаешь все правильно.

Отец поджал губы и молча кивнул. Двери снова захлопали, раздались шаги в коридоре.

Машина с красным крестом на боку пробилась к дому и стояла возле ворот. Старый, разваливающийся на части УАЗик до сих пор после снегохода был самым проходимым транспортом. И единственным, которым можно довести раненного до больницы в Якутске. Андрея там уже ждали, Ярослав договорился. И о том, что извлечение пули свалят на деревенского фельдшера тоже.

— С трупом в заброшенном доме мне разобраться? — шепотом спросил Изга у Ярослава.

— Нет, я останусь здесь на какое-то время и все сделаю. Шефа только с Беркутом домой отправлю. Кончилась их командировка. У Беркута ранение легкое, сказал, что доковыляет до аэропорта. Первым классом полетят, чтобы было, где ноги вытянуть.

Шаман кивнул, оглядываясь на то, как водитель УАЗа несет в дом костыли. Обычно он из кабины не выходил, потому что не положено, а сейчас помогать еще и с носилками собрался. Хорошо деревенские на столичных гостях заработали. Жаловаться не на что.

— Ты уверен, что все в порядке? — хмуро спросил Конт, когда Андрея устроили в кузове, пристегнули ремнями и накрыли одеялом. — Я имею в виду тебя с Ириной.

— Метка у неё погасла, опасности для жизни нет, а себя я не вижу.

— Я о другом, — банкир выразительно показал глазами на окно гостиной, где отец остался с дочерью. — Меня смущает его настроение. Как бы он тебя из спасителя виноватым не сделал. Плохо врачебную помощь Ирине оказал, навредил здоровью. Если Римана переклинит, он в суд пойдет.

Что-то Карл все равно должен сделать. Отыгаться на шамане за то, что дочь предпочла такого странного и мутного мужчину родному отцу. А заодно поспособствовать, чтобы отношения побыстрее закончились. Не нужны они папе Риману. Изга кожей чувствовал его неприязнь и понимал, что будет неугоден будущему тестю в качестве зятя до конца жизни. Лучше решить проблему сразу. Желательно убить, но и посадить в тюрьму не плохо.

— Адвокатов найму, — хмуро ответил шаман. — Отобьемся.

— Мне позвони, — отрезал Конт. — Самых компетентных найдем. Профиль у всех узкий, тут прицельно выбирать надо. И не стесняйся, пожалуйста. По ерунде ты ко мне никогда не обращался, да и я к тебе тоже. Наталья вот соскучилась, в гости зовет. Приезжай. Охоту на оленя не обещаю, но отдохнуть в столице сможем.

— Постараюсь, как только тихо все станет.

— Понятное дело. Ладно, давай, шаман, долго прощаться не будем.

Конт крепко пожал Изге руку и хлопнул по плечу. УАЗик тарахтел стареньким мотором, засорял чистый таежный воздух выхлопными газами. Попрощался Ярослав, Беркут с Андреем махнули из кузова рукой. Должны доехать без проблем. По крайней мере, без риска для жизни. Конт сел в кабину, и машина тронулась с места. Вроде бы все закончилось, но пока в это верилось с трудом. Остались еще гости в доме. Изга тяжело вздохнул и пошел к ступеням крыльца.

Карл Риман ждал его на пороге операционной. Дотошно и придирчиво оглядывал оборудованное бывшим хирургом помещение. Убирать все придется, когда отец Ирины заявление в полицию напишет? Снова расставаться с инструментами, препаратами?

— Моя дочь хочет остаться здесь, — неожиданно спокойно начал Риман. — Я против, естественно, но отговорить её сложно. Раз уж решила, то пусть. Однако есть одна проблема. Медицинское обслуживание у вас отвратительное. Ни одного нормального специалиста на тысячи километров. Я уже молчу про пустой ФАП в деревне, даже в крупных городах все плохо. А Ирине нужна серьезная реабилитация. Я собирался положить её в столичную клинику, как приедем, но моим планам не суждено сбыться.

Изга сам переживал на этот счет. Одно дело жизнь спасти, внутреннее кровотечение остановить, а другое — вести Ирину дальше. Тут одним бывшим хирургом не обойтись. Нужно справиться с последствиями большой потери крови, поддерживать иммунитет, провести обследование, в конце концов. Шаман даже общий анализ крови сам не сделает. А если Ирина простудится, то в её нынешнем состоянии все очень быстро перерастет в пневмонию. Она и так слишком много времени провела на морозе. Чудо, если катание на снегоходе обойдется без ОРВИ.

Но стоит шаману открыть рот и пообещать, что увезет Ирину в Якутск или в Новосибирск, как Риман вцепится в дочь бульдожьей хваткой. Её здоровье станет тем самым аргументом, против которого не поспоришь. Нельзя делить Ирину, как царь Соломон предлагал разделить ребенка — разрубив его пополам. Её жизнь важнее спора

между мужчинами. Шаман должен поступить так, как в притче поступила настоящая мать ребенка. Она отдала его сопернице, лишь бы не причинили вреда.

Но как же не хотелось-то. До дрожи, до зубовного скрежета. В столице Риман сделает все, чтобы дочь окунулась в прежнюю жизнь и передумала возвращаться. Слишком мало времени прошло, слишком хрупкая у Ирины симпатия. Стресс обострил её, взвинтил до небес, но дома, в прежней зоне комфорта, эмоции померкнут. Их вытеснят другие. Ирина сама не заметит, как перестанет вспоминать шамана. Если он её сейчас отпустит, то потеряет навсегда.

И громкое: «Я поеду с ней!» не поможет. Там, где у Карла Римана максимум власти, шамана близко к его дочери не подпустят. Закроются все двери, появится толпа охраны, инициируется уголовное дело по факту причинения вреда здоровью и дальше, дальше, больше. Нет, действовать нужно, пока они все здесь.

— Она еще не готова к поездке, — сказал Изга. — Тем более, такой долгой и изматывающей, как дорога до Якутска и перелет в Москву. Ирина перенесла операцию после крушения вертолета, у неё швы на внутренних органах. Если хотя бы один разойдется в полете, вы не довезете её до клиники.

Времени прошло достаточно, врачи уже могли разрешить пациентке после удаления селезенки вернуться к нормальной жизни, но Изга специально сгущал краски. Давил от души, расписывая возможные осложнения. Раз уж пришла на ум притча о царе Соломоне, то пусть у Карла Римана будет выбор, как у тех двух женщин. А шаман посмотрит, что решит мужчина, двадцать восемь лет считавшийся отцом Ирины.

Он молчал, слушая рассказ, где медицинские термины мешались с объяснениями простым языком. На нездорово-бледном лице проступили красные пятна. Терпение лопнуло раньше, чем Изга закончил.

— Хорошо, я понял. Что мы можем сделать сейчас? Без поездки в клинику.

Одно мгновение на выдох шаман себе все-таки позволил. Обрывков родственной связи после ритуала хватило, чтобы любовь к дочери победила упрямство. Карл сдался. Ненадолго, праздновать победу рано, но Изга удержал позиции.

— Нужны медикаменты. Те, что у меня закончились плюс специфические.

— Напишите список, я отправлю водителя в ближайшую аптеку, где они есть. Дальше.

— Анализы.

— Здесь на дом не выезжают?

— Нет.

— К нам поедут, — твердо сказал Риман. — Мне нужен второй список, максимально подробный. Или ваша консультация, если специалист начнет задавать вопросы.

— Конечно, я отвечу на них.

Изга принес из гостиной блокнот и сел заполнять первый лист. Шаткое перемирие стоило ценить. Да и для Ирины они в итоге сделали лучше.

Глава 25. Расплата

Фраза «чувствовать себя как дома» за следующие три дня заиграла новыми красками. Я не появлялась в особняке отца с тех пор, как окончила университет, но сейчас испытывала дежавю в час по несколько раз. Карл Риман был везде. Его фирменная способность заполнять собой всё доступное пространство выражалась даже не в телефонных разговорах, его вещах в комнате и продуктах в холодильнике, а в особенной гнетущей атмосфере тотального контроля. Любое мгновение казалось, что на тебя смотрят, каждое слово записывают, взвешивают, анализируют. Я расслабиться не могла. Все время хотелось вытянуть спину, сесть, как положено приличной девушке, а лучше стать крошечной Дюймовочкой, чтобы вообще не попадаться никому на глаза.

О нежностях с Георгием и речи не шло. Стоило нам уединиться, как за дверью комнаты волшебным образом появлялся охранник Виталий или сам отец. Они громко топали, деликатно откашливались и задавали какой-нибудь ерундовый вопрос. Мне подумалось, что Карл специально науськал Виталика следить за нами. «Не дай Бог у дочери будет секс под одной крышей с отцом». Это же неприлично и абсолютно недопустимо! Слабое сердце не выдержит такого надругательства над семейными устоями и обычаями предков. Была бы я замужем за Георгием — другое дело. А без штампа в паспорте, это блуд, позор и величайшая наглость. Шаман в избе ночевал, не выдерживая к концу дня «концентрации Карла Римана в воздухе».

К слову, общались они мало, говорили друг с другом сухо и по большей части на бытовые или медицинские темы. И снова мне подумалось, что Георгий затеял обследование и лечение на дому только ради того, чтобы хоть какой-то доступ ко мне иметь. Лекарства я принимала по графику, уже дважды сдавала анализы и краем уха слышала разговор о портативном аппарате УЗИ. Проще было бы поехать в крупный город, да, но я молчала в тряпочку. Мой дом — моя крепость. Только защищает он меня не от проблем снаружи, а от Карла Римана внутри. Если я позволю отцу куда-нибудь себя увезти, то Георгия больше не увижу. Я всерьез боялась за жизнь шамана. Дорохов решил на заказное убийство! Мой крестный, друг семьи. До сих пор не найдя сил переварить новость, я уже и от отца ждала чего-то подобного.

Расследование, тем временем, шло полным ходом. Отец обсуждал детали вслух, не стесняясь присутствующих, не оглядываясь, есть ли жучки и чувствуя себя комфортно. Не сразу, но я связала его упрямое желание остаться в тайге с практической пользой. Где-то в столице был еще один предатель, кроме Дорохова. Скорее всего, он работал в офисе Альянса. Наемники бросились меня добивать после того, как я позвонила домой, и отец объявил утром на работе, что я приеду. Кто-то об этом узнал. И если бы Карл вернулся в офис, то утечка информации к Дорохову продолжалась бы до сих пор. Шульгин ни спал, ни ел, ни отдыхал с женщинами, а рыл носом землю круглосуточно. Я по-прежнему ставила всей службе безопасности оценку «три». Работай они лучше, покушения бы вообще не случилось. ФСБэшники, насколько я знала, ордена и медали получали за предотвращенные теракты, а не за поиск террористов после взрыва бомбы. Жаль, что Шульгин бывший милиционер. Они в принципе начинали работать, когда труп уже был. Может, в этом дело? Может быть. Но чтобы я лезла с советами? Никогда!

Я лучше рисовать буду, пусть сами разбираются. Должно же когда-то все проясниться.

Царство теней любило, чтобы вокруг шамана была ночь. Духи громче отзывались, внешний мир почти не беспокоил. Изга одно время менял режим на полностью ночной, но быстро устал. Не восстанавливалось тело днем, сил больше уходило. Сейчас не спал в полночь, сидел в избе, потому что к Эрлику собрался. Пустовало место духа-хранителя местности, а Оюна изводилась в заточении. Чем больше её боли и тоски останется в среднем мире, тем хуже. Её и так здесь достаточно.

Свет горел в настольной лампе, тепло давала затопленная печь. Изга сжег два пучка травы, высыпал пепел в чашку и положил бубен на колени. Для спокойствия. Бить он в него сегодня не собирался. Иногда в транс можно войти и без «коня-ветра». Молодые шаманы не умели, а он потихоньку учился. Запоминал ощущения в трансе и втягивался без помощи звуков. Последнее время Эрлик с неохотой отпускал гостя из царства теней. Когда Изга забирал душу Ирины, пробыл в трансе так долго, что очнулся на полу. Чудом голову не разбил, лучше не рисковать больше. Сесть, прижаться спиной к стене и ловить ощущение падения.

Проход в царство теней напоминал бездонный колодец. Кто-то летел по нему вверх, кто-то чувствовал, как мимо него проносится густой черный дым, а Изга падал. Пол уходил из-под ног резко и неожиданно. Дух захватывало от страха и восторга. Только что смотрел на бревенчатые стены избы и вдруг оказывался в сумрачном мире с железными деревьями.

Солнце вытягивало от них длинные уродливые тени, а потом пряталось за тучами. Луна всходила лишь для того, чтобы посеребрить верхушки волн мертвой реки. Унылый мир, статичный, неизменный. Живость ему придавали полчища демонов и сам хозяин. Изга пришел, чтобы просить его за Оюну. Пока дух наказан, у местности новый хранитель не появится. Силы здесь станут меньше, камлать будет тяжело. Да и на какой срок назначили наказание? Запечатанный дух не может учиться, а значит, Оюна свою ревность никогда не преодолеет и не сможет искупить вину.

— Забери её, — попросил шаман, слушая, как от его голоса звенят стальные листья на железных ветках. — Эрлик-хан, ты стоишь над теми, кто ждет воплощения, забери её.

Расчет простой, как деревянный посох. Только Эрлик мог вмешаться в наказание богов. Не отменить его, а заменить своим. Десятки пропущенных циклов воплощения и новая жизнь, полная страданий, чтобы душа училась. До тех пор училась, пока не вырастет над собой. Оюна будет снова жить. У неё появится мужчина и десятки поводов для ревности. А у местности, где стоял дом шамана, новый хранитель.

«Я заберу душу в оплату».

— Чью душу, Эрлик-хан?

«Ты уже её отдал».

Железные деревья зазвенели листьями, тени заплясали на серой траве. Мир дрожал, резал слух острыми осколками и вдруг исчез.

— Изга! — крикнула Ирина так, что уши заложило.

Она стояла на коленях и трясла шамана за плечи.

— Что случилось? — пробормотал он, едва ворочая языком. — Почему ты проснулась посреди ночи?

Часы показывали полвторого, а чувствовал себя шаман так, будто плясал с бубном до утра. Тело затекло, голову с трудом удалось оторвать от стены. Обрывками сна перед глазами стояли равнины царства теней. «Заберу душу в оплату. Уже отдал».

— У тебя что-то болит? — Изга потянулся к Ирине и она с выдохом повисла у него на шее. Живая, теплая. Значит, не она. Карл Рима? — Не молчи, пожалуйста!

— Да за тебя я испугалась! Подумала, какого черта я сплю одна, пошла в избу, а тут ты

на полу. Бубен рядом, амулеты поверх одежды, сам весь холодный и деревянный. Я решила, что всё! Докамлался Изга. Оюна вырвалась из-под наказания и отомстила. Ты предупреждай в следующий раз. Так и поседеть можно.

Изга гладил её по плечам, перебирал пальцами пряди волос, снова обнимал, испугавшись, что исчезнет, как видение. Чью душу забрал Эрлик? Больше ни о чем думать невозможно.

— А твой отец где?

— Спит, наверное.

«Позвони ему, пожалуйста», — застряло на языке. Лучше самому посмотреть. А потом думать, как признаться любимой женщине, из-за кого она лишилась отца. «Ты уже отдал». Он не хотел Карлу смерти! А если это не Риман? С Сергеем что-то, с Андреем в больнице? Шаман втянул их в историю, Андрей метку из-за него получил.

Хруст снега раздался за дверью, а потом громкий стук.

— Ира, ты здесь? Зайти можно? У меня новости есть.

Значит, не Карл.

Шаман спустил с колен Ирину и попробовал встать. Короткое совсем путешествие, а сколько сил выпило. Ноги дрожали, рука со стены срывалась. Пьяным он лучше выглядел, но попробуй объясни все нюансы папе-Риману. Его и так передергивало, когда он замечал амулеты и льняную одежду. Жаль, что бубен Изга не успел убрать, дверь открылась.

Риман ястребом осматривал избу. Взгляд скользил по расправленной кровати, полураздетом шамане, Ирине, пытавшейся помочь. Она нырнула под руку, а казалось, что страстно обнимала. Комментарии могли последовать самые жесткие, но Карл поджал губы и долго молчал, раздувая ноздри.

— Какие новости? — поторопила его дочь.

— Предателя в «Альянсе» нашли. Кадровичка, ссыкуха молоденькая, на зарплате у Дорохова сидела. Именно она рассказала, когда и куда ты летишь в командировку. Все переговоры с тобой передавала.

— Да, я просила её купить билет на обратный рейс, а потом поискать альтернативу.

— И это она посоветовала тебе частного перевозчика с вертолетом.

— Стерва, — прошипела Ирина.

Шаман чувствовал, как напряглась, спину струной вытянула. Да, уже все позади, но неприятные воспоминания еще долго будут накатывать вместо со злостью на тех, кто послужил причиной. Знала ли девушка из отдела кадров, что дочь Римана собирались убить? Вряд ли. Слишком мелкий исполнитель, чтобы посвящать её в подробности. Просто источник информации. «Окей, гугл, когда у Ирины Карловны следующая командировка?» в человеческом исполнении.

— Её уволили?

— С «волчьим билетом», — ответил Карл. — Ни в одну крупную фирму столицы она не устроится. Служба безопасности будет делать запрос на предыдущее место работы, им дадут резко отрицательную характеристику.

— А если к Дорохову пойдет?

— Уже нет.

Карл ногой подвинул к себе табурет и сел возле двери. Куртку не застегивал, из дома до избы дошел без шапки. Ночной звонок поднял его из постели. Тот, кто звонил, должен был помнить про разницу во времени между Москвой и Якутском, но не стал ждать до утра. И Риман не стал.

— Ира, твой крестный погиб. Не знаю, успела ли ему кадровичка передать, что в «Альянсе» начались допросы, служба безопасности старалась шум не поднимать, или Альбина рассказала, что я в курсе беременности, и он сложил два плюс два, итог был предсказуем. Павел купил билет на Кипр и рванул в аэропорт. Мы ждали этого. Раз сам испугался, то появился шанс прижать его к стене фактами. Шульгин ехал в машине следом. Он почти догнал его, но водитель Дорохова не справился с управлением, как говорят, и вписался во встречную фуру. Машина всмятку, оба насмерть. Трупы автогеном вырезали.

Ирина застыла каменным изваянием. Изга хотел бы знать, что она чувствовала, но боялся лезть с вопросами. Объяснимо всё. Крестный после того, что сделал — никто. Горя по его смерти нет и быть не может. А чтобы порадоваться почти мгновенному возмездию от Вселенной, в него сначала нужно поверить.

— Однако, — прошептала Ирина и обернулась к шаману. — Так бывает?

Если духи ведут, то бывает еще удивительнее. Они ждали с Оюной до последнего, а с Дороховым будто решили реабилитироваться. Уж не исчезла ли метка над головой Ирины строго в тот момент, когда крестный решил сбежать на Кипр? Реальность продолжала меняться. Шла кругами по воде от брошенного шаманом камня. «Кому многое дано, с того много и спрашивают», — любил говорить Азыкгай. Если разматывать цепочку от финала к началу, то Дорохов бы выжил, не вмешайся шаман в историю. Именно Изга спас дочь Карла Римана из упавшего вертолета, забрал её душу от Эрлика, разрешил позвонить отцу, а потом увез на снегоходе от примчавшихся наёмников. И, наконец, именно шаман решил поработать приманкой и назначить убийцам встречу в заброшенном доме.

Четыре метки смерти зажглись после этого. Как минимум четыре. У Андрея-Свистка, убитого наемника, водителя Дорохова и самого Павла Анатольевича. Три реализовались, три души получил Эрлик взамен спасенной души Ирины. Шаман сполна рассчитался и хозяин царства теней еще должен остался. Не потому ли так быстро ответил на просьбу о судьбе Оюны? «Ты уже отдал». А если есть пятая метка? Шестая, седьмая. У кого?

— Альбине сказали? — тихо спросила Ирина.

— Нет, я приказал молчать. Шульгин контролирует, чтобы экстренные службы ей не звонили. Я хочу сказать сам и увидеть подлинную реакцию. Я должен знать, была ли она в курсе планов отца по твоему убийству и претензиям на наследство.

— Не усердствуй там, пожалуйста. Альбина может потерять ребенка. Срок маленький, сейчас любой чих опасен, а похороны — большой стресс.

— Я знаю, — мягко ответил Карл. — Поеду к ней с доктором.

— Сегодня?

— Самолет через три часа. Как раз успею добраться до Якутска. Тебе на похороны ехать не нужно, я объясню твое отсутствие болезнью. Лечись спокойно.

— Отец, — Ирина шагнула к нему, отпустив руку шамана. — Ты ведь понимаешь, что я домой не вернусь? Мы закрыли тему?

По ярости, вспыхнувшей во взгляде Римана, стало понятно, что нет, но новые проблемы перекрыли старые. Карл снова уступил.

— Лечись, Ира, позже поговорим. Георгий, вас можно на пару слов?

Ценные указания решил оставить? «Оставь в покое мою дочь» вслух озвучить?

Изга надел тулуп, чувствуя, как лицо сводит гримасой. Карл сбежал к любовнице, но и дочь из-под контроля выпускать не хотел. С полки, прибитой над вешалкой с одеждой, шаман взял две шапки. Одну надел, а вторую предложил Риману.

— Обойдусь, — скривился он. — У меня действительно пара слов.

Мороз ночью кусался злее, чем днем, но шаман промолчал. Вышел вслед за Карлом из

избы и закрыл дверь.

— Значит, так, — запыхтел Риман. — Не обольщайтесь на счет моего отъезда, молодой человек. Я знаю свою дочь почти тридцать лет. Вот это все, — он обвел взглядом избу, двор и сарай, — ей очень быстро надоест. Она просидит здесь еще месяц и захочет домой. Не дай Бог, вы начнете мешать и отговаривать. Узнаю — разозлюсь.

— Мой дом не тюрьма для Ирины. Я ей не отец.

Не выдержал все-таки, огрызнулся. Рассеянный свет от окна чертил мягкими мазками жесткое лицо Карла в темноте. Уши еще не сворачивались в трубочку от мороза? После сказанного шаманом кровь должна была в голову ударить. Обеспечить внутренний обогрев.

— Слушай сюда, щенок, — зарычал Риман. — Не считай себя самым умным, я не таких обламывал. Ни копейки от наследства Ирины ты не получишь. Женишься на ней тайком, я холдинг своей собаке по завещанию отпишу и у нотариуса заверю. Понял меня?

— Отчетливо, — ровно ответил Изга. — Всего хорошего, Карл Федорович.

Мелко. Даже спрашивать не хотелось, почему всё и всегда упирается в деньги? Не верят люди, что не в них дело. Может быть, Ирине надоест в тайге. Скорее всего, шаману не хватит средств, чтобы обеспечить ей прежний уровень жизни. Но он наизнанку вывернется, а сделает свою женщину счастливой. Не так, как это всю жизнь понимал Карл Риман. По-настоящему.

Отец Ирины зло фыркнул, развернулся и ушел.

Я не верила, что все закончилось. Как-то быстро, резко и слишком легко для меня. Я настраивалась на суд, на войну адвокатов, на бесконечные разбирательства, а Дорохов просто умер в ДТП. Как будто злой шахматист смахнул его фигуру с доски и продолжил играть, наскоро изучив изменившуюся ситуацию.

Теперь речь шла о наследстве Альбины. Если в завещании крестного не будет сюрпризов, то его дочь получала всё. С женой Дорохов развелся десять лет назад, она жила в Испании и особо о бывшей семье не вспоминала. Несколько раз Альбина гостила у неё в летние месяцы, но чем старше становилась, тем реже звонила матери. У Светланы своя жизнь, молодой любовник и маленькая сыроварня, которую она купила после развода. Дорохов не обидел бывшую жену деньгами и больше не считал себя хоть чем-то ей обязанным. Значит, бизнес отца унаследует Альбина, выйдет замуж за Карла Римана и две империи все равно соединятся. Только управлять ими будет другой человек. Получилось красиво. В стиле: «Не рой другому яму, сам в неё попадешь». С маленькой оговоркой, что ничьи дети не пострадали. Водителя, правда, жалко. Еще одна случайная жертва. Хотя, кто знает намерения духов? Может, он тоже за что-нибудь виноват и вот так поплатился?

Изга вернулся с улицы и плотно закрыл за собой дверь. Пока снимал тулуп, я заметила, как сильно устал. Танец с бубном вымотал или мой отец постарался?

— О чем вы говорили?

— О том, что тебе надоест здесь через месяц.

Я громко фыркнула и замотала головой. Отец в своем репертуаре. Я настолько жалкая и никчемная, что суровый таежный быт меня доконает. Готовить на костре не умею, стирать в проруби тоже. Один раз поврежу маникюр, распахиваюсь и брошу всё, чтобы вернуться под теплое родительское крыло. К папиным связям, деньгам и комфорту городской квартиры. А потом Карл Риман найдет мне хорошего жениха, устроит карьеру и не выпустит когти из моего тела никогда.

— Не дождется, — по-детски лихо вздернула я нос. — Он думает, что я здесь назло ему. А когда юношеский протест кончится, то и оставаться будет уже незачем.

— А зачем ты здесь? — шаман сел рядом со мной на кровать и заглянул в глаза. — Прости, что спрашиваю, но мы так и не поговорили после бани. Я сказал тебе о предназначенных друг другу людях, Азыкгай мог еще что-то шепнуть, а потом приехал

Конт, мы звонили наемникам, Оюна чудила, дни летели.

Я впервые видела его таким напряженным и растерянным одновременно. Шаман говорил, помогая себе руками, но взгляд не отводил. Взрослый мужчина переживал, люблю ли я его? Так бывает вообще?

Теперь я точно понимала, что чувствую нашу связь. Она расцветала, наполняя избу теплом. Георгий казался бесконечно родным и таким милым, что я больше не могла держать паузу.

— Я здесь, потому что люблю тебя. Может, слишком громкое слово для двух недель знакомства, но то, что я чувствую, очень похоже на любовь. Наверное.

Язык вдруг перестал слушаться, дрожь прокатилась по позвоночнику и осела в животе. «Что я несу? — стучало в голове. — Как восторженная малолетка на втором свидании».

Любовь от влюбленности отличается так же, как камень от песка. Нужны годы, чтобы узнать друг друга со всеми косяками и мелкими прегрешениями. Притереться, приспособиться, зацементировать чувства. Чтобы быть готовым ко всему. Чтобы после свадьбы не случилось сюрпризов и не пришлось разводиться, потому что реальный человек оказался на тем, кого ты видела через розовые очки. Не обязательно алкоголиком, бабником или неуравновешенным психом. Просто тем, кто не подходит.

Меня колотило все сильнее. Я отвернулась и вздрогнула, когда Изга взял за руку. Моим ледяным пальцам его прикосновение показалось обжигающим.

— Ира, я тоже люблю тебя. Знаю, звучит слишком поспешно, но у меня будет время, чтобы доказать. Достаточно времени. А сейчас я просто счастлив, что ты со мной.

— Я тоже счастлива.

Слова звучали эхом, чувства отражались, как в зеркале. Я вздохнула в последний раз и улыбнулась. Нет, он тот самый. Единственный, любимый, родной.

Эпилог

Наконечник акрилового маркера легко скользил по загрунтованной стене, оставляя темный след. Классические мандалы рисовали черными, но я выбрала кофейный оттенок. Он лучше подходил к интерьеру спальни. В гостиной мандала темно-зеленая, свежая, растительная, а здесь мне хотелось тепла и уюта. Я чувствовала фантомный аромат кофе, пока работала. Практически слюной захлебывалась. Давно бы сделала перерыв и сбежала на кухню, но не могла оторваться. Я нашла свой рай, достигла истинного блаженства. То, что я испытывала, вода маркером по стене, на сотую часть не могло сравниться с прежней работой. Как я умудрялась не засыпать над скучными сметами и деловыми письмами? Загадка.

Я отложила маркер и сладко потянулась. Амулеты зашуршали на груди. Деревянные бусины, костяные фигурки, цветы, сплетенные из тонких полосок кожи. Я носила их поверх льняных платьев и считала лучшим украшением. Безумно романтично, что их сделал любимый мужчина. Половина из них — защитные, заряженные специальным ритуалом. Я до сих пор помнила зверей с горящими глазами и знала, какая сила в них заключена.

Азыкгай умер два месяца назад. Ушёл весной, накануне праздника открытия небесных врат. Хоронили старого шамана по древним обычаям. Тело завернули в ткань, положили на широкую доску и подвесили над землей на четырех столбах. Шаман принадлежит небу. Верхнему миру, куда его должны забрать. Азыкгай пролежал на столбах несколько дней и только потом его тело опустили в могилу.

— У нашего дома есть новый хранитель, — сказал мне Изга. — Большая честь для этой земли.

Дорохова похоронили гораздо раньше. Отец руководил церемонией, всячески поддерживал Альбину и ни словом ни обмолвился о том, что крестный отец заказал убийство крестницы. Я не возражала. Убийство не состоялось, а за попытку все её участники возмездие уже получили.

Альбина вышла сухой из воды. Смогла доказать отцу, что ничего не знала. Она даже на амниоцентез согласилась. Я долго улыбалась, представляя, с каким торжествующим видом она сидела в кабинете врача, когда оглашали результат. Мальчик без хромосомных аномалий и с вероятностью родства девяносто девять и девять процентов. Долгожданный наследник. Со всех сторон правильный и нормальный.

Мне так хорошо стало, что словами не передать. Отец наконец-то оставил меня в покое и полностью переключился на новую семью. Свадьбу сыграли почти сразу после анализа. Нас с Изгой тоже пригласили, и пришлось ехать. Альбина прятала округлившийся живот под пышной юбкой и выглядела совершенно счастливый. К концу первого дня церемонии я разгадала этот ребус.

Складом характера Карл Риман был почти точной копией Павла Дорохова. Такой же жесткий, авторитарный и помешанный на контроле. Девочка нашла нового отца взамен умершего. К тому же она хорошо знала обоих, привыкла к их закидонам и научилась добиваться желаемого без войн, которые устраивала я. Парадоксально звучит, но постоянный прессинг стал для Альбины зоной комфорта. Она не хотела из неё выходить.

— Совет да любовь, — искренне пожелала я новобрачным, и мы с шаманом вернулись домой.

Собственная свадьба была на носу. Я в шутку предложила уехать на Мальдивы, а Георгий на полном серьезе согласился. Сказка бы получилась, да, но мы сели и посчитали во сколько это обойдется. Жаба задавила. Я предпочла столицу и небольшой семейный ресторан. И то только ради того, чтобы пригласить нескольких старых друзей.

Организацией занималось столичное агентство. Каждую мелочь мы согласовывали удаленно. Платье я должна была примерить за день до торжества, а костюм Георгий сам себе покупал. Летал ради него в Москву и сегодня возвращался обратно. Папа-купец из сказки «Аленький цветочек» с подарками для дочерей. Я ему длинный список написала. Запас маркеров, скетчбуков с качественной бумагой, книги, которые хотелось поставить

на полку, цветные карандаши, гелевые ручки и другие канцелярские богатства.

Во дворе зашуршали шины по гравию. Я выглянула сначала в окно, а потом побежала вниз. Хотелось повиснуть на шее, как только спустится с водительского места, но я чуть-чуть опоздала. Георгий уже открыл багажник.

— Милый! — проворковала я, падая в объятия. Не виделись пару дней, а соскучилась я так, что трещала без умолку в лучших женских традициях. — Ты как долетел? Все нормально? Место хорошее было? А я суп на обед сварила, уже остыть должен был. Свиные ребрышки — вещь! Бульон с них — моё почтение. Мандалу не закончила, хочу, чтобы ты посмотрел. Как получается.

— Хорошо получается, — улыбался Изга, усаживая меня на скамейку в гараже. На руках сюда принес. — Я еще по эскизу заметил.

— А вдруг я испортила?

— Это сложно, — он целовал меня между словами. — но я возьму бубен и посмотрю. если что, всегда можно исправить.

— Перерисовать, — кивнула я, с трудом его отпустив.

Мы выяснили, в чем мой дар. Энергия закреплялась в рисунке и получался своеобразный амулет, сплетенный из линий и завитков. Руки тряслись, когда я рисовала первую мандалу в гостиной. Изга меня точно так же успокаивал. «Все можно исправить». Вышло хорошо. Я боялась только, что не смогу остановиться и распишу весь дом.

— Ты куда столько набрал? Пятую сумку достаешь.

— Магазинов в столице больше, чем один, и у меня в каждом глаза разбегались, — хитро улыбнулся шаман. — Пока искал нужные тебе маркеры, все остальное в корзину само падало.

— Балуешь меня.

— Должен же кто-то.

На месте я не усидела. Снова к нему прилипла и целовала, пока не досчитала до пяти.

— Заведешь сейчас, — простонал Изга. — Сумки брошу, в спальню тебя потащу.

— Зачем спальня? Есть же машина. У нас никогда не было на заднем сидении, нужно попробовать.

Я засмеялась, глядя, как у него засверкали глаза. Эксперимент утвержден к исполнению.

— Подожди, — взмолился он и полез в карман. — Я еще кое-что привез.

Все эти коробочки я когда-то видела и знала наизусть. Пастельные тона, женские расцветки и слово «тест» на каждой.

— Думаешь? — радостное возбуждение вдруг стало тяжелым, как гиря. — Задержка маленькая.

— Большая. Ты «забыла» отметить прошлый цикл в календаре, потому что его не было. Я всю дорогу вспоминал — не было ничего. Больше месяца уже, проверь.

Я несмело потянулась к коробке. После тридцатого отрицательного теста начала их ненавидеть. Буквально закрывала глаза в аптеке и отворачивалась. Снова увидеть одну полоску и страдать?

— А вдруг гормональное? Сбой какой-нибудь?

— Проверь, — мягко настаивал Изга. — Будем знать точно — решим, что делать. Если беременности нет, к гинекологу тебя повезу. Он, кстати, тоже сделать тест предложит.

— Хорошо, — сдалась я.

— Иди, я пока с сумками разберусь.

Я сжала коробку в руке и вышла из гаража. Если задержка в месяц, то следующее утро можно не ждать. Чувствительный тест покажет яркую вторую полосу в любое время. Даже если она будет слабой, это уже «да».

Голова закружилась, перед глазами запорхали блестящие мушки. Надежду не убить. Точно так же я каждый раз верила в чудо и ждала. Тридцать неудачных попыток, но сейчас меня всерьез накрыло. Я летала по дому, разыскивая емкость для теста, потом прочла, что там окошко и нужно капать из пипетки. Пипетка нашлась в аптечке. Я выдохнула и закрылась в ванной.

Нет, не может такого быть. Мы ведь просто забили на предохранение. Как-то сразу вычеркнули этот пункт из своей жизни. Георгий еще шутил, что лучший способ снять блок — просто его игнорировать. Отпустить ситуацию, не заикливаться. И вот я стояла с тестом в руках и смотрела, как проявляется в окошке контрольная полоска. Она появлялась сразу, а потом я тридцать раз считала удары сердца. Вдруг рядом нарисуются вторая? Ну, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

Чудо не заставило ждать, они появились обе. Практически одновременно.

— Да! — закричала я на весь дом и запрыгала по ванной комнате. — Да, да, да! Я беременна!

Пол прогибался подо мной, балки качались. Я выбежала в коридор и прыгала там. Счастливая до безумия. Настолько, что представить невозможно. Георгий вбежал на второй этаж по лестнице. Остановился на последней ступеньке и замер. Я видела его и не видела совсем. Кричала: «Беременна, беременна!»

Как же долго я ждала, тебя дочка. Как же верила, что ты у нас будешь.

Дорогие читатели! Спасибо, что были со мной всю книгу. Я рада каждому комментарию и тем беседам, что разгорались под текстом.

История Изги официально закончена, но персонаж еще появится в других книгах цикла "Мистические невесты".

Я планирую еще 2 истории.

"Я вижу твою судьбу" — с Андреем Соколовским и девушкой-пророком.

"Я слышу твои мысли" — о девушке-телепате.

Но пока я должна переключиться на второй свой цикл о цзы'дарийцах.

В ближайшие дни стартует "Рожденные править"

История о молодости генералов и о любви Марка и Северины. Последний выпускной год Наилия, Марка и Друза в горном интернате.

После её завершения я продолжу "мистический цикл" книгой "Я вижу твою судьбу".

Конец